

ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана в 2004 г.

Т. 1

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

А.К. Акимов (главный редактор), *А.В. Мигалкин* (зам. главного редактора), *В.А. Роббек* (зам. главного редактора), *Л.И. Винокурова* (ответственный секретарь), *А.А. Петров*

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)
ДЕПАРТАМЕНТ ПО ДЕЛАМ НАРОДОВ И ФЕДЕРАТИВНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА

ЭВЕНКИ

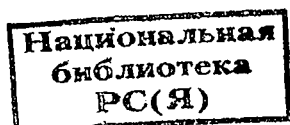
НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2004

Г.И. ВАРЛАМОВА (КЭПТУКЭ)

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЭВЕНКОВ

Отражение в фольклоре

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *А.Н. Мыреева*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2004

ББК 83.3 (2 Рос-Эвн)
В18

Рецензенты

кандидат филологических наук *Т.Е. Андреева*
доктор филологических наук *А.А. Билюкина*
кандидат филологических наук *А.И. Саввинов*

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Варламова Г.И. (Кэптукэ)

В18   Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. — Новосибирск: Наука, 2004. — 185 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 1)
ISBN 5—02—029723—2.

Работа посвящена традиционному мировоззрению эвенков, которое в своей основе сохраняется и поныне. Автор использует как фольклорные, так и этнографические материалы, отражающие мировидение кочевого народа. Описывает народные традиции *Иты*, запреты-обереги *Одё*, являющиеся нормами традиционной эвенкийской жизни.

Книга предназначена этнографам, фольклористам, культурологам и всем, кто интересуется духовной культурой сибирских народов.

ББК 83.3 (2 Рос-Эвн)

ТП—03—II—№ 23

ISBN 5—02—029723—2

© Г.И. Варламова (Кэптукэ), 2004
© Оформление. «Наука». Сибирская
издательская фирма РАН, 2004

ОТ РЕДАКЦИИ

На рубеже двух тысячелетий человеческое сообщество подошло к новым взглядам на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Сегодня рождается новая концепция развития арктических и субарктических территорий, диктуемая их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением. Она предусматривает совершенно новое отношение к глубоко самобытной культуре северных народов.

Прежний идеологизированный формационный взгляд на арктические народы определял их как носителей архаической отживающей культуры. В результате этого коренные народы Севера и Арктики превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, а самобытное их развитие оказалось под серьезной угрозой исчезновения. Осознание и озабоченность этим положением нарастают во всем мире и особенно в России. Для сохранения северных народов правительство Российской Федерации проводит целенаправленную государственную политику. Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации, разрабатываются *Концепция проекта федерального закона «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»* и другие судьбоносные для Севера проекты.

Под эгидой ЮНЕСКО реализуются программы в поддержку нематериального наследия, а именно проекты «Живые сокровища человечества» и «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена выдвигают новый инициативный проект **«Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»**. Цель серии — издание памятников культурного наследия народов Севера. Проект открыт для всех заинтересованных государственных, научных и общественных структур.

Серия состоит из следующих блоков:

1. Языки и фольклор народов Севера.
2. Декоративно-прикладное искусство народов Севера.
3. Традиционная культура северных этносов: материальный и духовный мир.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока создали в самой холодной части планеты среду обитания человека с уникальной духовной и материальной культурой. Отличительной ее особенностью является экологический и гуманистический характер взаимодействия человека с окружающей природой.

Культура народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — подлинная сокровищница, к сожалению, до сих пор малоизвестная мировому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью; колоритными обрядами и экзотическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Часть этого богатства сосредоточена в российских и зарубежных архивах и музеях, в государственных и частных коллекциях. Реликты и фрагменты культурного наследия, к счастью, до сих пор сохранились в отдельных очагах.

Серийное издание этих памятников сделает достоянием России и всего человечества образцы уникальной культуры, которая станет визитной карточкой всего российского Севера, вневременным вкладом живущих сегодня народов Севера в культуру и историю великой России.

Проект Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена обращен ко всем регионам проживания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, где могут подготовить уникальные образцы этнической культуры, которые войдут в эту серию.

Памяти моих родителей —
Ивана Андреевича Лазарева
и Татьяны Николаевны
Лазаревой (Лехановой) —
посвящаю эту книгу

ВВЕДЕНИЕ

Специальной работы, посвященной мировоззрению эвенков, нет. Однако отдельные проблемы, связанные с мировоззрением эвенкийского этноса, исследователями рассматривались. В научной литературе описаны представления эвенков об окружающем мире, религиозные верования и связанные с ними бытовые и производственные обряды, а также другие вопросы.

А.Ф. Анисимов в монографии «Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований» [3] описал представления о душе, эволюцию тотемистических верований, происхождение шаманства.

Основным трудом по нашему вопросу следует считать книгу Г.М. Василевич «Эвенки» (раздел III, гл. 4 «Представления эвенков об окружающем мире») [16]. Автором рассмотрены народные представления о вселенной, небе и небесных светилах, о происхождении земли и животного мира; о животных, птицах, рыбах; об огне, душе, силе *мусун*, *сингкэн* и др.

В работе А.И. Мазина «Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов» [27] показана система традиционных верований, представлений о мире и обрядов в том виде, в котором она сложилась к концу XIX — началу XX в. у эвенков-ороченов, в основном эвенков Амурской области.

Наша же цель — рассмотреть мировоззрение эвенков, его отражение в фольклоре и связанное с ним мировосприятие, традиционно выработанное в практике жизни.

Мировоззрение понимается как мирозерцание, но мирозерцание в системе обобщенных взглядов на мир и место человека в нем. Понятие «мировоззрение» включает обусловленные этими взглядами убеждения людей, идеалы, принципы жизни, принципы познания и деятельности. Мировоззрение есть отношение человека к окружающей его действительности и самому себе. Выделяют три основных типа мировоззрения: житейское (обыденное), в котором отражаются представления здравого смысла, традицион-

ные взгляды на мир и человека; религиозное, связанное с признанием сверхъестественного мирового начала; философское, в котором обобщается опыт духовного и практического освоения мира. На основе рационального осмысления культуры философия постоянно вырабатывает новые мировоззренческие ориентации. Носитель мировоззрения — личность и социальная группа, воспринимающие действительность сквозь призму определенной системы взглядов. Мировоззрение имеет огромный практический смысл, влияя на нормы поведения, жизненные стремления, интересы, труд и быт людей.

Мировоззрение эвенков мы рассматриваем как мировоззрение не только отдельного индивида, но и этноса, так как этнос является носителем определенного мировоззрения. Мировоззрение служит основным критерием, характеризующим этнос и делающим его общностью, в нашем случае — эвенками.

Основными, узловыми категориями мировоззрения являются понятия «мир» и «человек» в их взаимосвязи. Мировоззрение и система верований — понятия близкие, однако понятие «мировоззрение» гораздо шире, оно вбирает в себя систему верований. Оно также включает в себя систему представлений об окружающем мире. Но в первую очередь, на наш взгляд, **мировоззрение есть одна из форм осознания человеком себя в окружающем мире.** Древнее традиционное мировоззрение эвенков — форма их сознания и мышления и в то же время форма познания мира.

Традиционное мировоззрение и традиционный образ жизни с его обычаями, обрядами, ритуалами и узаконенным порядком неотделимы друг от друга. Одно обуславливает другое. К примеру, верования, связанные с представлениями об огне, определяют целую систему запретов *Одё*, которые неукоснительно соблюдает в жизни эвенк. Вместе с тем эти верования далее развиваются в шаманской мифологии и практике камлания в представления и понятия о богине Аихит Эни, или Аин Маин. Традиции, ритуалы и обряды захоронения костей животных связаны с таким аспектом мировоззрения, как понятие о вечноживой душе зверя, с представлениями об умирающем и воскресающем звере.

Традиции являются наиболее устойчивыми компонентами культуры, как бы составляющими ее каркас. «Традиция» — от латинского «передача», «предание» [6, с. 90]. Понятие «традиция» тесно связано с понятием «обычай», нередко их отождествляют. Однако, хотя это и однопорядковые понятия, они все же далеко не идентичны. Обычай можно называть традицией, но не все традиции

являются обычаями. Традиция есть понятие родовое, обычай — видовое. В самой общей форме обычай — это «стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение» [9, с. 133]. В отечественной литературе преобладает представление об обычаях как о традициях преимущественно в сфере быта и семейно-бытовых отношений.

В жизни эвенков за советский период произошли глубокие изменения: появилась прослойка народной интеллигенции (учителя, врачи, культурные работники и т.д.), родилась национальная литература, основная часть эвенкийского населения стала грамотной. Однако, несмотря на все это, традиционное мировоззрение эвенков сохранилось не только в этнически замкнутых коллективах охотников и оленеводов, но и среди большинства населения.

Обращение к традиционному мировоззрению эвенков имеет большое значение хотя бы по той причине, что они освоили огромные территории — не только пространства Сибири и Дальнего Востока, но и арктические районы. Эвенки проживают на севере Якутии в арктических улусах: Оленёкском, Жиганском, Анабарском. Предки эвенков заселили окраину ойкумены — Арктику, создали свой интереснейший фольклор и самобытную культуру. Изучение этого наследия играет важную роль в решении общих проблем прогрессивного развития человечества.

Прошлое — это часть настоящего. Роль прошлого особенно осязаема в культуре малочисленных народов Севера. Несмотря на процессы урбанизации, большая часть населения Севера ведет традиционный образ жизни. Это диктуется условиями жизни в тайге и тундре, традиционными видами деятельности. Оленеводы содержат своих оленей по опыту прошлого, охотники пользуются правилами и способами охоты, выработанными много столетий назад. Женщины ведут хозяйство так же, как и в далекие времена. Сменились лишь некоторые орудия охоты (появились современные ружья), в быт вошли уместные в тайге и тундре современные предметы быта (радиоприемники, рации и т.д.). Но в основном жизнь северянина, в том числе и эвенка, не подверглась основательным изменениям: тот же чум или палатка, олени, охота, рыбалка. Если и появилось что-то новое, оно не изменило жизни северян коренным образом. Отсюда и отношение людей к окружающему миру — они смотрят на него, воспринимают его так же, как и много-много лет назад. И это несмотря на то, что большое число охотников и оленеводов научились читать и писать, они знают, что происходит в стране и мире. Все равно их жизнь оста-

ется обособленным островком в океане современности. Мировоззрение сохраняет свои прошлые черты, традиционное мировоззрение живо и поныне. Оно лежит в основе социальной памяти, формирующей многие аспекты культурно-исторического самосознания.

Обсуждая мировоззрение эвенков, необходимо принимать во внимание то, что оно обуславливается многими взаимосвязанными причинами: способом производства, общественными отношениями, особенностями логического мышления, относительной самостоятельностью развития этнических представлений о природе и окружающем мире, этническими связями и контактами.

Рассматривая отражение мировоззрения эвенков в фольклоре, мы не можем обойти вопросы, связанные с традициями быта. Рассматривать мировоззрение в отрыве от практических традиций жизни невозможно. Эвенкийский фольклор до сих пор имеет ярко выраженную функциональность, связан с практикой жизни, в особенности это относится к обрядовому фольклору. Фольклор, обрядовая практика и быт в традиционной жизни эвенков взаимосвязаны и живут в единой системе. Об этом мы писали в своей монографии «Эпические традиции в эвенкийском фольклоре: Очерки» [25].

Фольклор — активная форма духовной культуры. Особенно это характерно для архаического фольклора, к которому следует отнести и эвенкийский. Фольклорные произведения и сейчас исполняются эвенками не просто для того, чтобы услаждать слух присутствующих. Функциональное назначение большинства из них состоит в том, чтобы воздействовать на действительность (заговоры, обрядовые песни), восполнять ее (предания). В фольклоре весьма активно отражается действительность. При этом действительность в ее реальных жизненных очертаниях чаще не изображается в точном смысле этого слова, а обозначается, моделируется с определенной активной целью. Механизм отражения фольклором действительности весьма сложен, отсюда словосочетание «отражение действительности», когда речь идет о фольклоре, надо употреблять с большой осмотрительностью.

Фольклор эвенков не только отражает действительность, он сам — часть действительности, элемент быта. До сей поры это целая сфера традиционного народного быта и традиционной культуры.

К.В. Чистов в книге «Народные традиции и фольклор», говоря о вопросах общей теории фольклористики, ставит под сомне-

ние расхожую формулу «фольклор — искусство слова». Фольклор и не только «искусство», и не только «слова», утверждает он. Далее пишет: «Шире можно сказать, что для ранних стадий развития человечества фольклор — это все формы духовной культуры, связанные с языком, выраженные речевыми средствами или — в том числе и речевыми средствами коммуникации. Обратим внимание на то, что в таком смысле термин “культура” употребляется как синоним “традиции”» [40, с. 287].

Несомненно, прогресс научных исследований в области восприятия человеком окружающего мира связан с совместными работами нескольких научных дисциплин. Особенно остро стоит проблема вскрытия единства и взаимообусловленности общественного и естественного в развитии сознания человека, в формировании его знаний об окружающем мире. И каждая из наук использует свои методические подходы, свой специфический материал, свою терминологию.

Фольклористический аспект исследований представлений о мире за последние десятилетия значительно продвинулся вперед благодаря системному, структурному и семиотическому анализу фольклорных текстов. Широко распространены реконструкции представлений об окружающем мире на основе изучения таких текстов. В нашей работе мы также будем использовать данный метод.

Однако оперирования исключительно фольклорными текстами для моделирования и реконструкции миропонимания явно недостаточно. Становится все более доказанным, что решающую роль в историческом развитии познавательных процессов играет соответствующая организация практической жизни с доминирующей ролью непосредственного наглядно-действенного опыта. Довольно часто то, что традиционно рассматривается как признак религии, оказывается спецификой исторического развития познавательных процессов. Их результаты закрепляются механизмами культуры, несущими этническую окраску [8, с. 47].

При рассмотрении мировоззрения любого этноса, в том числе и эвенков, встает вопрос о системности их миропонимания. В фольклоре эвенков, естественно, отражена определенная система миропонимания. Она связана с традициями жизни и практики. Г.Н. Грачева, исследуя традиционное мировоззрение охотников Таймыра, пишет: «Существует некоторое стремление приписывать народностям, стоявшим на иных ступенях экономического развития и, следовательно, находившимся в иной познавательной ситуации, отсутствие развитой способности к систематизации. На

основании такой посылки делается вывод о невозможности системности или какой-либо стройности в представлениях. Думается, что это не так. Отсутствие способности к систематизации привело бы к невозможности обобщения, формирования понятий и категорий, в конечном итоге к невозможности языкового общения» [19, с. 14].

Вполне естественно, что при попытке реконструирования целостной картины мира, традиционно сложившейся у этноса, выявляются многочисленные труднообъяснимые противоречия. Мирозозрение — категория сложная. Исследуя нашу тему, мы останавливаемся на важных для нас моментах, которые наиболее ярко отражены в фольклоре эвенков. Привлекая фольклорный материал, мы не можем обойти и того, что входит в систему миропонимания, на основании которой могут быть объяснены те или другие традиционные действия эвенков, запреты, отношение к тому или иному предмету и явлению. Не только фольклор является для нас источниковедческой базой, но и то, как сами эвенки в реальной жизни объясняют свое миропонимание и как они ведут себя в той или иной ситуации.

Традиционное мирозозрение включает в себя и шаманизм, поэтому в нашей работе рассмотрен и этот аспект.

Соционормативная культура (моральные и иные нормы народного права, социальные институты) исторически формируются на основе главных мирозозренческих аспектов. Выработанная этносом система норм, регулирующая их поведение, также основана на традиционном мирозозрении.

Работа имеет Приложение. Одна его часть состоит из рассказов Ивана Андреевича Лазарева, амурского эвенка из рода Кэптукэ, шамана своего рода. Материал иллюстрирует традиции практической жизни эвенков, основанные на их мирозозрении. В рассказах И.А. Лазарева отражена жизнь, облаченная в ритуалы и обряды, сопровождающиеся обязательным словесным оформлением, что свидетельствует о культе слова у эвенков. К примеру, в рассказах о медвежьих ритуалах прослеживаются мирозозренческие аспекты, связанные с верой в существование души не только у человека, но и у животных. Рассказы о шаманах — это пласт живой речи, своеобразный вид устного повествования, очень развитого в современной жизни эвенков.

Другая часть Приложения — это фольклорные тексты, записанные от разных сказителей и отражающие мирозозрение эвенков.

В условиях, когда древние традиции претерпевают изменения, подобный полевой материал, содержащий сведения как по этнографии, так и по фольклору эвенков, весьма ценен и уникален.

Фольклорные материалы автор собирал более 20 лет полевых работ. Они должны найти выход в научную среду, так как будут полезны для многих ученых, занимающихся изучением эвенкийской культуры в самом широком ее понимании.

Для удобства чтения и восприятия работы мы сочли нужным давать отрывки текстов и примеры на эвенкийском языке после их перевода на русский.

Глава I

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЭПОСЕ ЭВЕНКОВ

Из всех жанров эвенкийского фольклора наиболее стройную, развитую и как бы законченную картину мира заключает в себе эпос — вершина духовной культуры эвенков. Эвенкийский эпос весьма архаичен, тем более интересна сложившаяся в нем картина мира.

Относительно представлений о мирах и происхождении героев, отраженных в героических сказаниях эвенков, Г.М. Василевич писала следующее. В этих сказаниях существуют три мира — верхний, средний, нижний: «верхний — это зона гольцов с тундрами и снегами; средний — это зона лесистых склонов гор; нижний — это зона долин и степей» [22, с. 6]; «божественное происхождение героев было не характерно для эвенкийских сказаний, хотя гиперболизация действий и поступков героев уже существовала» [22, с. 5].

Накопленный и изданный в 1970—2000 гг. фольклорный материал показывает несколько другую картину. В наших работах доказывается, что эвенкийские эпические богатыри имеют «божественное» происхождение, но само понятие «бог» отличается в эвенкийском мировоззрении от европейского понятия. Все «божественное» у эвенков в первую очередь связано с понятием «дух», и сами понятия «бог» и «божественное» суть в первую очередь «дух», «духовное». Эвенкийские эпические богатыри имеют божественное происхождение, оно выражено в очень архаических формах мировосприятия. Мы касались этого в монографиях «Эвенкийский нимнган. Миф и героические сказания» [26] и «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора» [13], говоря о ранних мифологических представлениях о человеке в сказаниях об одиноких героях.

Эвенкийские эпические богатыри имеют родителей-духов. Родителями могут мыслиться дух жилища, дух огня-очага [13, с. 99—109]. В этом мировоззрении эвенков, как фольклорно-эпическое, так и практически-бытовое, очень архаично и специфично. По материалам нимнганов и другим материалам, связанным с мировоззре-

нием эвенков, можно получить более уточненную картину мира. Речь идет о миропонимании людей, сложившемся в эпоху господства мифопоэтического мышления. Сформированное в эту эпоху представление о мире эволюционировало, но в общих чертах сохранилось у эвенков до начала нынешнего столетия. Человек традиционного общества не создавал систематизированной и всегда логически осознаваемой им картины мира, она включала в себя разновременные представления, что определяло полисемантическую знаков и понятий традиционной культуры. Их изучение может способствовать реконструкции этно- и культурогенеза.

Система представлений о мире и месте этноса в этом мире является одной из важнейших сторон традиционной культуры, специфической для каждого этноса и игравшей большую роль наряду с социальными факторами во внебиологической адаптации человека в природе. Картина мира как основа мировоззрения служит средством интеграции человека в природе, регуляции взаимоотношений между людьми и взаимодействия разных сфер культуры. В картине мира отражен глобальный образ мира, но этот образ не является зеркальным отражением реальности, хотя формируется в пределах конкретного сознания и обуславливается требованиями жизнедеятельности человека.

Верхний, Средний и Нижний миры

События в эпосе эвенков разворачиваются в трех мирах. Верхний мир носит собственное название *Угу Буга*, Средний — *Дулин Буга* и Нижний — *Хэргу Буга*, как и в обыденном бытовом сознании.

Средний мир — *Дулин Буга* — герои эпоса называют еще и *Сивир*. Г.М. Василевич пишет: «Сивир» — название земли и племени. В сказаниях упоминаются три земли Сивир. Средняя Сивир-земля граничит с Кеян-землей; через Кеян-землю попадают в Кидан-землю» [22, с. 338]. Слово «земля» здесь употребляется в значении «страна», «государство».

Отправляясь в странствия, эпический герой обычно желает попутешествовать по всем трем землям, по всей *Сивир*: «Сивира три земли окружу странствиями своими». — «*Илан Сивир дуннэвэн токорихиндингав*». Сингнаны-богатырь поет о своем желании постранствовать по Сивиру так:

— Сингнэр-сингнэrbунин!
Дорогие мои!

Сингнэр-сингнэrbунин!
Гэйлер эхигилэн!

Дёлоны-отец,
трижды шелковая Солкокчон,
матерью называемая, мать моя,
я ведь в дальние
земли поеду.
Сивира от начала [до самого конца]
оберну следом своим, — сказал.

[13, с. 271, 275]*

Дёлонындя амай-гу,
шлар дюпты Солкокчон,
эней гунэри энини,
би-ты горомо няны
дуннэлбэ нэнэчим нян.
Сивир муданмадукин
токорихиндингав, — гуниттэн.

[13, с. 270, 272]

Реализация общей картины мира нашла свое выражение в ритуальном столбе *сэргэ* у эвенков-орочёнов [27, с. 7].

По трем мирам путешествует и богатырь Сингнанай, но Нижний мир он только пролетает на своем коне. Цель его путешествия состоит в желании узнать землю, проехать по ней от конца до края. Об этом он говорит так:

— Вот эту Сивирушку свою,
Сивир обкручу, прикончу (т.е.
проеду всю)! — сказал. —
Животное мое, скотинища моя
прибыть должна
ко мне обязательно, — сказал.

[13, с. 267]

— *Эркэн Сивир дуннэкэнми,
Сивирва токорно, мананатыв!* —
гунэн.
*Абду абдундяв эмэнгэтын,
эхин до миндулэ, — гунэн.*

[13, с. 266]

К богатырю Сингнаная сверху прибывает его конь-помощник, который и должен повезти его по мирам. Конь прибывает, и они отправляются в путь**.

Сингнанай на своем коне пролетает над темными местами, и эти места — земли врагов-авахов, т.е. Нижний мир.

Летел, летел (на коне),
затем по каким-то
темным (без света солнечного)

землям

несет его [конь].

*Дэгэрэн, дэгэрэн,
тадук екул-да
хактырал дуннэлбэ*

нгэнэведехинэн.

* Здесь и ниже даются ссылки на опубликованное сказание «Каменное сердце имеющий Дёлогун-богатырь и его парнишка-ребенок Большую силу имеющий Сингнаны-богатырь». Многие места из сказания были исполнены сказителем дважды, т.е. мы имеем варианты этих частей. Поэтому в некоторых случаях приведенный текст не соответствует полностью изданному либо дается в уточненном нами переводе.

** Присутствие коня-помощника характерно для дальневосточных сказаний, а также сказаний эвенков Чаро-Олёкминского и Алданско-Зейского регионов. Конь упоминается в сказаниях «Сирбут-сирбунэй», «Алтанай и Тывьенэй», «Кодакчон» (№ 2), все они опубликованы в сборнике «Исторический фольклор эвенков» [22].

Этот факт рассмотрен Г.М. Василевич в статье «Конь в эвенкийском фольклоре» (The Horse in Ewenki Folklore // Central Asiatic Journal. — 1965. — № 12. — С. 320—332).

Авахов земли
достигли, оказывается.
Когда летели над этими землями,
шум да крики да
оттуда слышались.
По верху летя, проехали.

[13, с. 273]

Авахил дуннэлбэтын
исчал, бадага.
Тар дуннэлбэ дэгдерэктын,
айдан-да, тэнкэн-дэ
тадук долдыадявки.
Угил дэгнэл, илтэнэ.

[13, с. 272]

Пролетев страну авахов, конь предупреждает, что сейчас они полетят быстрее, но полетят к хорошим людям:

— *Кинга-киверлой!*
Хозяин мой, —
опять говорю. —
Слушай,
смотри.
Вот опять
что говоримое [ранее]
не забыл ли?
Отсюда дальше
поедем
к хорошим людям
и увидим их.
Аи-людей,
лучших из них
встретим,
прослышим [о них], — сказал.

[13, с. 275]

— *Кинга-киверлой!*
Хуннирай-гу, —
гундем няны. —
Долдыдякал,
ичэдекэл.
Эхилэ нян
гуннэнгилбэв
эчэс няны омгоро?
Эдук дюлэски,
гиркундинатын
ая тэгэлбэ,
ичэнэл нян.
Аи бэел,
аяргалбатын
уилдыдингэт,
долдыдынгат, — гунэн.

[13, с. 274]

Наш богатырь не видел еще Верхнего мира, по пути он встречает девиц-птиц, которые зовут его в *Угу Ирай Буга*, он спрашивает у них:

— Что это за *Ирай-землю,*
Угу Ирай называемую,
хотите достигнуть вы? — спросил.

[13, с. 277]

— *Екун тар Ирай бугалканма,*
Угу Ирай гуннэриэв,
аяннадырас? — гуниттэн.

[13, с. 276]

В Верхнем мире он находит своего родственника, дядю Торганандю, при встрече они пробуют силы, и наш богатырь оказывается сильнее. И тут Сингнаны называет другую цель своего путешествия:

— *Сингнэр-сингнэрбунин!*
Дорогой мой
богатырь Торганандя,
на твои слова спасибо говорю.

— *Сингнэр-сингнэрбунин!*
Гэйлер ихилэгэн
сониг Торганандя,
гуннэдус бахива гундем.

На мой ответ
не обижайся.
Девушку-киливли [свою]
другому богатырю отдай, — сказал.
Женой моей назначенную,
девушку человека для себя
сам я должен найти, — сказал.

[13, с. 291]

Гуннэдув няны, гундем,
экэл тыкулла.
Ахакан-киливли
хунту матаду букэл, — гунэн. —
Ахив ахилангив,
ахаткан бэевэ мэндуи
мэнми бакантыв, — гунэн.

[13, с. 290]

Суженая (*ахив ахилангив*) Сингнаная живет в Верхнем мире — *Угу Ирай Буга*, туда далее и едет богатырь. Когда он прибывает туда, находит свою девушку по имени Юлтэк, та сразу отвечает ему так:

— *Явир-явирдокан!*
Явир-явирдокан!

.....
От рождения моего
мата любимый,
из людей-аи самый лучший,
к судьбе своей пришел, — сказала.

[13, с. 297, 299]

— *Явир-явирдокан!*
Явир-явирдокан!

.....
Балдыдяк балдыдув
матав маныргун,
илдук аяргун,
сураклаи эмэчэс, — гунэн.

[13, с. 296, 298]

Юлтэк по сюжету предназначена для Сингнаная с самого рождения, он тоже ищет именно ее. Появление в эпосе этого мотива говорит о дальнейшем развитии нимнгакана — невеста как суженая, предназначенная судьбой, является персонажем, характерным и для эпоса других народов, не имеющих черт архаики и синкретики, которые свойственны большинству эвенкийских нимнганов.

Описания миров в эвенкийских сказаниях бывают и более подробными, например в сказаниях Н.Г. Трофимова [39, 40]. Однако чаще эвенкийские сказители не приводят пространных описаний их вида, оценка дается через отношение героя к увиденному.

Угу Буга в эпосе имеет несколько ярусов, и один из них — *Угу Ирай Буга* в сказаниях дальневосточных эвенков. Эта страна так прекрасна, что наш земной человек Гарпарикан-богатырь сомневается, что какая-либо девушка из этого мира пожелает поехать с ним на его родину.

— *Геро-героканин!*
На мою землю какая женщина
с такой прекрасной страны,
«Зачем мне это?!» говоря, поедет?
С такой хорошей земли,

— *Геро-героканин!*
Би бугалав ема ахи
эрбэн ая дуннэдук,
«Ева гуннэ», нгэнэдингэн?
Эр ая бугадук,

от [ее] восходящих семи лучей
[солнечных]

какая это женщина за меня
пойдет?

Разве что дурочка какая пойдёт.
На моей Дулин Бугаканушке
кроме зверей других
никаких нет, человека нет.

[13, с. 333]

юри надан гарпадукун

ема ахи миндулэ нэнэдингэн?

Арай акари миндулэ нэнэдингэн.
Би Дулин Бугакакундув
бэйгэлдук хунту
екун-да ачин, бэе ачин.

[13, с. 332]

В Угу Ирай Буга есть земля, которая называется Юри Юлтэн Туринын — Восходящего солнца земля, куда направляется Гарпарикан за невестой. Эта земля находится на самом верхнем ярусе Угу Ирай Буга, идти надо на позицию полдневного солнца. Но чтобы попасть туда, нужно преодолеть границу, где такие остро-конечные скалы, что вершины их подобны иглам. Там есть семь ущелий, место это носит имя Энин надан бомчар — Мать семи ущелий. Иглоподобные скалы с семью ущельями постоянно движутся, и преграда-граница миров представляет собой семь ярусов движущихся скал, каждая из этих гряд имеет свое ущелье, через которое и попадают в эту Страну солнца. О Стране солнца — Юри Юлтэн Турин — говорится в сказании «Гарпарикан-мата» так:

В Стране солнца людей-урангкаев
родившихся
очень и очень много, полным
полно.

В Стране солнца, Восходящего
солнца стране,
правителя имя — Сэялбунэр.

[13, с. 327, 329]

Дылача бугадун урангкай балдынан
сома баран баранын.

Дылача бугадун, Юри Юлтэн
бугадун,
бэгинтын гэрбин — Сэялбунэр.

[13, с. 326, 328]

Правитель Восходящего солнца страны Сэялбунэр рассказывает о своей земле:

Моих племен (народов) девять
тысяч.

Их господин я есть.
На нашей земле разные люди,
Восходящего солнца земли много
людей.

Я все племена людей обошел.
Восходящего солнца земли много,
и прекраснейших девушек-кидак
есть.

[13, с. 333]

Би тэгэлби егин няма.

Тар бэгинтын би бихим.
Бугадувун арахинай бэе.
Юри Юлтэн Туринын кэтэ

бэегилин

Би бутунну бэе тэгэнмэн гиркулив.
Юри Юлтэн бугаду кэтэ
сокан кидакалин бивкил.

[13, с. 332]

Г.М. Василевич в предисловии к книге «Фольклор эвенков Якутии» делает вывод, что слово *Сибир* в олонхо заимствовано якутами, так как в эвенкийских нимгаканах *Сивир* — название не только земли, но и племени. И заимствовано оно было, «когда предки саха и эвенков жили рядом с маньчжуроязычными сивирами (шивеи VII)» [39, с. 7].

Юри Юлтэн Турин входит в *Угу Ирай Буга*, но там есть еще и Страна семи морей — *Надан Булдяр*. Правитель *Юри Юлтэн Турин*, *Сэялбунэр*, должен взять в жены девушку-шаманку *Уилдыкэн*, а живет она в Стране семи морей, главные приметы которой — огнедышащего моря земля (*тогомо булдяр буга*). Огнедышащее море — море, извергающее огонь, т.е. там есть вулканы либо горячие гейзеры. Наш богатырь *Гарпарикан* становится сватом и вместе с *Сэялбунэром* летит в Страну семи морей за девушкой-шаманкой *Уилдыкэн*, которая до этого помогла *Гарпарикану* спасти сестру и убить врага *Олбоя-Толбоя*.

Угу Буга имеет три яруса, на первом никто из небесных людей не живет. *Угу Буга* — земля многослойная, обычно упоминается семь ее слоев, которые представлены тучами, маревом, туманом.

Космическая модель мира в эпосе эвенков имеет вертикальную ориентацию. В мифах также существует вертикальная ориентация. (Творец *Сэвэки* при уже имеющемся Верхнем мире создает Среднюю землю, а его брат-антипод создает Нижний мир и уходит жить туда. См., к примеру, текст № 1 «Откуда появились у эвенков запреты *Одё* и традиции *Иты*» в ч. II нашего Приложения.)

В эпосе эвенков образ мирового дерева трансформирован в образ боевого дерева, на которое эпические герои вешают либо свои доспехи, либо нож (пальму), отправляясь в путешествие в другие миры. Остающимся наказывают, чтобы смотрели за ножом (пальмой), ибо по нему можно узнать, жив герой или погиб. Иногда герой, втыкая нож, обращается к самому дереву:

Опять втыкает свой нож в то большое дерево свое. То мать будет, наверно, отец ли, бог-дух ли будет.

— Ну, если через три года вернусь, если ножик мой будет висеть, живой буду, если умру, ножик мой упадет, — тополию своему наговаривает [10, с. 113].

Нян-дат тикираниттан котови тар мондядуви. Тар эинтын бидигэн, аминтин, сэвэкин бидигэн.

— Де, илан анггалии эмэрэкив, котоконми локучадяракин, уикин бидигэв, будэкив, котоконми тикчингэн, — хулиндяглави икэчивки болла [10, с. 95].

Космическая концепция, согласно которой мир делится на Верхний, Средний и Нижний, характеризует мировоззрение всех народов Крайнего Севера.

Между тремя мирами в эпосе существуют границы. Эти границы представлены однотипно — неприступными скальными хребтами, замыкающими каждый из миров в отдельную страну-мир. Пересечь границу не способны ни зверь, ни олень. Но богатыри эвенков преодолевают эти границы миров.

Он проехал страны с буйными ветрами и достиг отвесной скалы, на которую не могли посмотреть в упор ни костистые, ни копытные [39, с. 267].

Де эр нгэнэвкэнниксэ, арахинай ахал мускатицил бугалба илтэниксэ, екун-кат охиктачин-кат, уручин-кат утари ичэхинэ калдис кадарла исчаран-ивит [39, с. 162].

Животным, обитающим в Среднем мире, другие миры чужды, им не дано пересечь границы миров, поэтому богатыри сами пересекают их, используя свои возможности:

Подбежав к этой скале, пестрый олень поднял оба уха, как будто испугался чего-то, и уперся, не двигаясь, как бы ни подгонял его хозяин [39, с. 267].

Де эр кадагава ихикса, эр мэрилэ орон бихэмдэ он-ла олонмотно-гу, он-гу дюр сенми сэргэлившэнэ-сэргэлившэнэ иччин он-да илбэчэлин энэ олухуйда угуунна-дяран-ивит [39, с. 162].

Хозяин оленя, богатырь Хуркокчон, добирается в Верхний мир, обернувшись соколом:

Он достиг вершины скалы, прислоненной к небу, и оказался в стране, покрытой никем не помятой травой. Вот, идя, он всмотрелся и догадался, что пришел в страну Хэглэндор-старика, едзящего верхом на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи [39, с. 268].

Все вперед ехали,
Вот так следуя,
В отвесную скалу они уперлись,
Зовущуюся границей Верхнего и Среднего миров,
По которой не могли бы подняться-спуститься
Ни копытные, ни когтистые.

[43, с. 329]

*Дюлэски-ноон нгэнэвкэндердэктэрэ,
Тар нгэнэдэксэл-нгэнэдэксэл,
Дулин бугадук Угу Буга саган гуимури,
Екун-да урулка, охикталкан,
Кейн энэн эврэ-туктырэ
Калдыс кадар кайдан.*

[43, с. 328]

Чтобы преодолеть границу миров, у которой есть хозяйка-дух, старуха-скала, герои должны обратиться к ней с просьбой-обращением, просьбой-заклинанием, сделав все необходимое, т.е. совершив нужные действия, соблюдая обряд:

Потом Киладий-красавица
С блестящими волосами
Собралась говорить, перед тем
Разорвав посередине
Треугольный шелковый свой платок.
Одну половину
Набросила она на березу,
Другой половиной трижды взмахнула,
С такими словами:
— Гуре-гуре!
Гора-старуха, почитаемая бабушка,
Зовущаяся границей Верхнего и Среднего миров!

.....
Поэтому вещие мои слова
Вбей себе в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Дай нам дорогу,
Почитаемая моя бабушка! — сказала [девушка].
Как только она кончила говорить,
От того места, где они стояли,
Пролегла красивая речная долина,
И по этой тропе они
Со своим стадом оленей, коров и коней
Достигли ближнего края
Средней земли.

[43, с. 329, 331, 333]

*Тар некэксэ, киладима нюриктэлкэн
Киладий киливли
Тыкэн гуннэ турэлкэн она-она
Илан кирилкан солкомо билатпи
Дулиндулин тэкэрэгэр танан-да,
Дюр балдыри чалбатканду
Тэкэрэгэр танан-да
Калтакадин илара далбатаран,
Тыкэн гуннэ турэтчэрдэгэ:
— Гуре-гуре!
Эр угу буга дулин буга саган гунмури
Сагды урэ эвэ котун,*

.....
*Де тарит би иччилэк турэнмэ
Иргэлэви иктэвуксэ,
Долави долдыкса,*

*Сендулави силдыкса,
Мунду артыкъя букэл,
Котун эвэв! — гундерэн.
Тыкэн гуниксэ, этэмурэжин,
Нунартын бихидуктын гескаки
Екун-да ая кохак биракан одан.
Де тар хоктоли илан
Дэткэн дэлэмичэвэр бодовол,
Тар-дат дулин бугавар
Эвгу сагалан ихиксал.*

[43, с. 328, 330, 332]

В эпосе эвенков граница миров представляет собой не просто неприступные скалы, непреодолимые ущелья — это место, где происходит переход из одного мира в другой. Поясним нашу мысль: граница миров не принадлежит ни тому, ни другому миру, это как бы нейтральное состояние миров, нейтральная полоса. Попав на границу миров, человек также становится нейтральным. Он здесь и не жив, и не мертв, он находится в пограничном состоянии. И поэтому именно здесь, на границе миров, возможно восхождение человека. Во многих нимнгаканах погибшего героя оживляют на границе миров.

Шаманка Аякчан-красавица со своим мужем Хуркокчоном берут с собой кости богатыря Верхнего мира Тамнара, отправляясь на Среднюю землю, чтобы на границе миров попытаться оживить его. Кости Тамнара везут в колыбели. И на границе миров его оживляют:

В пути они достигли серебряной горы, отделяющей Верхнюю землю от Средней, спустились на вершину горы. Богатыря Тамнара, ездившего верхом на тумане, уложили в серебряную колыбель, пригнав суставы к суставам, и хорошая шаманка Аякчан-красавица запела [39, с. 280].

Эр нэнэденэл угу буганюн дулин буга дюгдуритин мэнгүмэ урэн гунмури урэлэ ихиксал, тар оёдун тыктэ-дэ били акинмар тамнаксакан укчакилкан Тамнар сонинг букатырва мэнгүмэ эмкэду сот аят дяланман дяландун дяваксал, эр ая удаган Аякчан-киливи тыкэн гуннэ турэлкэн-сэхэлкэн одяран-ивит арай [39, с. 175].

При оживлении человека ему обязательно дается новое имя, ведь он уже, по представлениям эвенков, другой, т.е. как бы новый человек, и имя у него должно быть другое:

Сам ты, ожив, покажи свою чистую, хорошую внешность! И пусть изменятся твоё звучное имя и громкая слава. Если спросишь: «Кем же стал?», то стань сыном богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, родившимся дважды храбрым богатырем Дерисом, ездящим на полосатой

туче, мелькающей между восемью облаками. Баю-баю, баюшки! Встань же быстро на ноги! — *Хэде-хогай, хэде-хогай!* — говорит [39, с. 280].

Тадук одакин гэлнэри гэрбис солтама суракис нян хунгут угин, «Ни одан?» — гунэкис, Хэглэндэр баян атыркэн амилкан, Сэвэккилэн баян атыркан энилкэн дюра балдыча, дякун туксу дяпкалин дэриликэн нэнэри дюра туксу укчакилкан Дерис сонин букатыр гунмури гэрбилкэн окал! Бэлу-бэлу, бэлукэн, соди-соди тургэнди дяландуви илдякал! — Хэде-хогай, хэде-хогай! — гуниттэн [39, с. 175].

Граница миров в фольклоре эвенков имеет свое название — *солкит* (место соединения миров, место соприкосновения миров):

Вот и до места соединения Средней земли с Верхней землей долетели, оно называется *солкит*. Затем на Верхнюю землю забрались [11, с. 72].

Угу Буга солкиттан данчан, тадук Угу бугала туктыксэ, кудинман нэнэрэн, экениклэн [11, с. 48].

Таким образом, граница миров в эпосе является сакральным, священным местом. Это связано с древними представлениями эвенков о душе — основе жизни человека. Эвенки считали, что, умирая, люди (их души) уходят в другой мир — *Буни* (мир мертвых). То есть, если ты мертв на Средней земле — *Дулин Буга*, то можешь быть живым в другом мире. Даже в мире мертвых человек жив — он живет теперь не на Средней земле, а в *Буни*. *Буни* находится в Нижнем мире. Потом человек попадает в *Угу Буга*, так как душа бессмертна. А на границе миров возможно воскрешение и возвращение на Среднюю землю.

В тексте № 10 («Кокай-шаман») ч. I нашего Приложения представлено традиционно-бытовое видение эвенками мира: мир живых людей и мир мертвых — два самостоятельных и прочно замкнутых мира; их соединяет дыра-отверстие. По рассказу, камлая, шаманка вызволяет душу человека, уже ушедшую в мир *Буни*, так как в *Буни* не принимают эту душу, говоря, что рано пришла, и открывают отверстие, через которое шаманка вытаскивает душу человека. Такое представление о мире *Буни* свойственно всем эвенкам старшего поколения и сейчас.

Образ границы миров в виде скал и ущелий характерен для эпоса эвенков, в мифах же миры соединяются отверстиями-дырами, через которые люди время от времени попадают в другие миры (Верхний и Нижний). Но иногда такое представление находим и в сказаниях:

Летя, стальной ястреб-приспособление (для полета) вход Верхней земли размером с петлю аркана чуть-чуть пронзил, кажется. На Верхней земле

зеленым-зелена трава, зелень имеющая земля. Очень светлая Верхняя страна, оказывается... Средней земли в три раза светлее земля Верхняя [11, с. 76—77].

Нэнэдэнэ, сэлэмэ гекин манан Угу буга солкичин мавут гилдыкангачины араккан чомполорон бадага. Угу бугаду чут чукалкан, мучиктэлкэн дуннэ. Дин-нэри дуннэ-ивит Угу буга... Дулин дуннэдуктын илаптакин нэри дуннэ болла [11, с. 52].

В мифах эвенков, а также в бытовом мировосприятии, Общий мир тоже состоит из трех миров, которые имеют те же названия: *Угу Буга, Дулин Буга, Хэргу Буга*. Картина появления Общего мира (мироздания) в мифах такова: Верхний мир существовал, и в нем обитал творец-божество Сэвэки; под Верхним миром была сплошная вода; ни Среднего мира не было, ни Нижнего мира. Затем Общий мир создается так: Сэвэки творит Среднюю землю, имея помощников из водоплавающих; его брат-антипод творит Нижнюю землю и уходит жить туда.

Эпическая же картина появления Общего мира отличается от мифологической. По большей части одновременно появляются все три мира. Но развитие Нижнего мира не описывается ни в одном героическом сказании эвенков. Описываются и воспеваются возникновение и расцвет Верхнего и Среднего миров.

К примеру, в сказании «Иркисмондя-сонинг» все три появившиеся земли, все три мира называются словом *Сибир*: «Давным-давно три *Сибир*, как у годовалого оленя чуткие уши, появились-возникли одновременно» [39, с. 99]. — «*Билир-билир илан Сибир мойкан сергачинин серилдунал оскечэл-ивит уху*» [39, с. 202]. Здесь следует пояснить перевод — чуткие уши оленя в едином порыве прислушиваются к миру, звукам. Именно единство их движений положено в основу образа, оба уха чутко прислушиваются ко всему одновременно — также одновременно появились три мира, три земли, живые, растущие, подвижные.

Как видно из наших примеров, эпическая картина мира (мироздания) соответствует трехчленному делению в эпосе тюрко-монгольских народов. В сказаниях восточных эвенков картина мира однотипна, различия сводятся лишь к отдельным деталям, описания могут быть либо развернутыми, либо краткими. К примеру, в сказании о Содани [42] описание Среднего мира состоит из 70 стихов, а в сказании о Дэвэлчэне — всего из 30.

Описанная Г.М. Василевич конкретная картина трех эпических миров не всегда соответствует материалу сказаний. В сказаниях эвенков Верхний мир предстает прекрасной землей, более прекрасной, чем Средняя земля. Там вечное лето, вечная раститель-

ность, тепло и благополучие. По Г.М. Василевич, Верхний мир — «это зона гольцов с тундрами и снегами» [22, с. 6].

Нижний мир Г.М. Василевич описывает как зону долин и степей, в то время как в сказаниях Нижний мир изображается мрачным, без солнечного света, там смрадный воздух, там всегда крик, раздоры и т.д.

Отмеченная Г.М. Василевич конкретность трех миров в сказаниях эвенков есть не что иное, как своеобразная проекция трехчленного деления мира на землю богатырей — героев Средней земли.

Вертикальная космическая модель мира, характерная для эпических сказаний эвенков, сложилась еще в дошаманский период. Герои и героини, а также второстепенные персонажи путешествуют свободно по всем трем мирам. Согласно шаманскому мировоззрению, такое передвижение регламентировано: в Верхний мир может попасть только шаман.

Невесты

Одной из постоянных невест в эпосе дальневосточных эвенков является дочь Солнца, именуемая в разных сказаниях по-разному. Например, в сказании «Прекрасная Секакчан и ее брат Ирани» ее зовут Кимэкчэн, «Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь» — Юлтэкчэн, ее именем названо сказание «Секалан». Но во всех сказаниях сходно описание дома невесты.

В сказании «Секалан», записанном Н.Я.Булатовой, находим:

Тот человек пришел, поймал, опустившись на огромный дом, похожий на колокольчик [10, с. 116].

Тар бэе эмэчэ, даявача, докса, чоранначин дюдяду [10, с. 98].

В сказании «Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь и его сын Большую силу имеющий Сингнанай-богатырь» родственник Сингнаная указывает ему, где живет его суженая, которую он ищет:

Высоко наверху живет та,
в Верхнем мире дом ее,
дом сделан из золота,
с Верхнего неба свисая,
кружась кружится.
Дома ее застать можешь,
когда полдень будет,

*Угилэ угилё бидевки тарингис,
Угу Бугаду дючи бивки,
дюн мэгундук овча,
Угу Бугадук уркэлденэ,
нэриденэ нэритчэвки.
Дюдун баками бакадинас,
инэн дулинман иссакин,*

домик ее как колокольчик, —
сказал Торганандя.

[13, с. 293]

дюканын чорангачин, —
гунэн Торганандя.

[13, с. 292]

Отправившись вверх на своем коне, Сингнанай достигает Верхнего мира, конь остается пастись, сам же герой идет дальше по этой стране.

Идя-идя, видит вдруг —

домище, свисая, кружится.

Полдень вот-вот наступит.
Лестница большая там есть,
в дом этот поднимается.

[13, с. 297]

*Н'энэденэ-нэнэденэ, ичэрэн
арай —
дундя уркэлденэ, бугадук
уркэвлэдерэн.*

*Инэг дулин эрты-эрты олтак.
Леснисэнде тала бивки,
тара дюлатын туктыдевки.*

[13, с. 296]

В дом дочери Солнца герои разных сказаний попадают по-разному: одни по лестнице, и невеста сама отворяет дверь; Ирани-богатырь простреливает цепь, чтобы уронить дом на землю и зайти в него. В одних сказаниях своего жениха невеста принимает добровольно, в других предстает как воинственная дева-богатырша, имеющая свою площадку для битв, она выходит замуж только за того, кто ее осилит. Так, в сказании «Прекрасная удалая девица Секакчан и ее младший брат Ирани», записанном в Амурской области от А. Яковлевой, на дереве у дома дочери Солнца висят высушенные черепа побежденных богатырей, она говорит пришедшему Ирани, что убила 99 богатырей, хитростью побеждает Ирани, сбросив в дыру, ведущую в Нижний мир [Архив ЯНЦ, фонозапись, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179].

Мы не зря привели выше описания дома дочери Солнца. В эвенкийском тексте, когда говорится, что дом ее подобен колокольчику, вместо распространенного в эвенкийском языке слова *чоран* употреблены слово *ковактэ* и словосочетание *ковактэ-конгактэ*, что означает 'круглый колокольчик, бубенчик', точнее — 'шарообразный колокольчик' [35, т. I, с. 410].

В сказании «Умуслинде-сонинг», записанном от К.П. Афанасьевой, в *Угу Ирай Буга* вместо шишек на деревьях растут такие золотые колокольчики:

Умусликэн-сонинг, *Ирай*-земли достигнув,
увидел то, чего никогда видеть не видел, —
земля их с золотыми шишками [на деревьях] была,
из красной меди шишки те были.
Колокольчики *конгактэ-ковактэ* те шишки.

Умусликэн-сонин Ирай Бугала ихиксакан, —
окин-да энэви ичэрэ ичэрэн.
Бугатын мэгумэ чорикачи бичэ.
Хуларин мэигун чорикачи.
Контактэ-ковактэ чорикачи.

(Из архива автора)

Такими же колокольчиками увешана вся одежда шаманки Уилдыкэн. Музыковед Ю.И. Шейкин, исследователь музыкального фольклора удэгейцев, пишет, что среди удэгейских звуковых игрушек имеется комокто — шарообразный колокольчик из бронзы, который подвешивался к «спинке углообразной люльки (известной в этнографической литературе под названием “тунгусская колыбель”»)», его звон сопровождал колыбельное пение [41, с. 47].

В некоторых сказаниях образ дочери Солнца вообрал в себя древние представления эвенков о духе-хозяйке земли, о хозяйке всего животного мира на земле. В тексте № 19 «Мокогдыр и Сигундар» [22] богатырь Мокогдыр едет, чтобы взять в жены дочь Солнца. Живет она в сверкающем доме, сделанном из серебра, ее щенками являются два огромных медведя, бычками — два огромных лося. Она варит угощение для кустарников и тальников, потом зовет их:

— Кустарники, тальники,
идите!
Свой саламат есть!

[22, с. 279]

— Октар, сектал,
эмэкэллу!
Саламатывун!

[22, с. 126]

Отправившись с Мокогдыром на его родину, дочь Солнца не входит в жилище, потому что там, убив медведя, едят ритуальное угощение *сэвэн*, готовящееся из медвежьего сала и мяса дикого оленя. Это блюдо называют еще *тэкэсун*. Мокогдыр зовет дочь Солнца поесть блюдо из медвежатины, на что она страшно обижается и, рассердившись, разбивает землю Мокогдыра. Сказитель по этому поводу говорит:

Дочь Сигундара вот такая была: она ударила трижды по земле и разбила ее. Появились три птицы и улетели. Сама, будучи божественной, она тоже улетела. Прежде она была божеством и не ела мяса медведя. И сейчас улетела вверх на небо, чтобы не есть сэвэна [22, с. 280].

Перевод сделан неточно, поэтому мы его уточнили. Дочь Солнца против убийства медведя, поэтому и не ест медвежатины. Она ударяет три раза по ритуальному блюду сэвэну. Ударяет так силь-

но, что земля дает трещины в трех местах и из них вылетают три птички и улетают.

Уточненный перевод:

Сигундара [Солнца] дочь вот такая была. По тому [что ей предлагали] она трижды стукнула, в трех местах земля раскололась. После этого три птички появившись (досл.: сделавшись) улетели. Божественное слово ее (т.е. силу волшебную имеющее слово у нее было), тоже улетела [она]. Прежде сама божеством была, медведя мясо не ела никогда. Чтоб не есть, улетает на небо, вверх.

Сигундар хунадин таргачин бичэ. Таринги иларакан иктэчэ, илан дуннэли дэлпэргэчэ. Тар некэхэ, илан чивкая охал дэжилчэл. Тангаран-турэн мэнин, нян дэжилчэ. Ур мэнин тангара бичэ, эхэхэ уллэвэн эвки дептэ бичэ. Эдэи дептэ дэгиливки бугала, уискэки [22, с. 127].

Здесь текст требует разъяснения, так как содержит сведения, связанные с мировоззренческими аспектами.

Эвенки считают, что у медведя, как и у человека, тоже есть душа. У человека в течение жизни и смерти бывает три души. А поскольку эвенки воспринимают медведя как «наполовину человека» (*бэе калтакан* — досл.: человека половина) либо считают (по мифам), что медведь произошел от человека, то и выходит, что у него тоже три души. Поэтому вылетают три птички-души из расколотой земли, т.е. из мира мертвых *Буни*, находящегося внутри земли. Вероятно, расколов землю в трех местах, дочь Солнца хочет оживить медведя, вернув его души.

В сказании «Прекрасная женщина Секакчан», записанном нами в пос. Удское от А.С. Гавриловой, образ дочери Солнца совершенно другой — это девица-богатырша, убивающая своих женихов, вступающая с ними в противоборство один на один, победившая 99 богатырей и повесившая их отрубленные головы на свое ритуальное священное дерево с тремя вершинами: «99 мужчин головы повесившая, засушившая была та женщина». — *«Егиндяр егин бэе дылван хулгари бичэ тар ахи»* («Ая ахи Секакчан», из архива автора).

Младший брат прекрасной женщины Секакчан по имени Ирани идет свататься к дочери Солнца, в этом сказании она носит имя Кимэкчэн. Кимэкчэн вызывает его на битву на своей площадке для боев, где стоит серебряный столб. Поставив богатыря на столб, она ударяет его так, что тот проваливается вовнутрь земли. На помощь брату спешит Секакчан, вызволяет его из Нижнего мира, и начинается битва между двумя женщинами-богатыршами. Вначале они соревнуются-бьются, будучи женщинами, за-

тем превращаются в птиц и продолжают битву. Побеждает прекрасная женщина Средней земли Секакчан, которая подвешивает дочь Солнца Кимэкчэн над огромным костром, таким образом наказывая ее. Дочь Солнца просит пощады и обещает выйти замуж за брата Секакчан. Подвешивание над костром означает очищение дочери Солнца, превращение ее из строптивой богатырши в обыкновенную женщину-жену.

Таким образом, образ дочери Солнца в эпосе эвенков сложен и противоречив. К примеру, в сказании «Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь и его сын Большую силу имеющий Сингнанай-богатырь» дочь Солнца — нежная и верная невеста, ждущая своего суженого, богатыря Средней земли Сингнаны. Она сама открывает дверь своего кружащегося на золотой цепи дома-колокольчика под самым солнцем, приглашает Сингнаны в дом, кормит и говорит, что видела его во сне и давно ждет. В сказании о Мокогдыре в образе дочери Солнца предстает дух хозяйки земли.

Несомненно, последний образ наиболее древний. Образ небесной девицы-богатырши тоже архаичен. И только образ дочери Солнца как суженой невесты в сказании о Дёлоргуне и его сыне Сингнаны более поздний.

Таким образом, все невесты эпических богатырей живут в Верхнем мире — *Угу Буга*. В сказаниях *Угу Буга* конкретизирован: имеет свои ярусы. Один из самых верхних, где проживает дочь Солнца, обычно называется *Угу Ирай Буга*. Конкретная земля дочери Солнца имеет название *Юри Юлтэн Турины* — Восходящего солнца земля. Невесты в сказаниях живут в более южной стране, их приданое — крупный рогатый скот. Они не являются эвенкийками, прилетают из других земель в образе небесных птиц-девиц, именуемых в эпосе *киливи* и *кидак*. В этом находит отражение такая форма отношений у эвенков, как экзогамный брак.

Небесные светила

По материалам большинства сказаний, жителями *Угу Буга* являются те, кого можно назвать богами и полубогами, одновременно духами и материализованными личностями.

«Почтенный Хоглэндор, постоянно вращающийся вокруг трех земель *Сивир*, ответственную работу имеющий, очень большим начальником-господином являющийся, богатый старик, семь звезд

использующий как верховое животное». — «Илан Сибэрбэ эрэгэмэ токордяри, хэгдинэ хавачи, сонку бэгин оча, надан охикактэ укча-килкан Хоглэндор баян этыркэн» [39, с. 265]. Из полного, распространенного имени Хоглэндора ясны его сущность и функции: объезжает вокруг все три земли *Сивир* на семи звездах с определенной целью, так как назван владеющим богатством стариком.

Если обратимся к таблице брачных отношений, составленной по сказанию «Иркисмондя-богатырь», то увидим, что небесные жители являются предками эпических героев сказания, это первое и второе поколения в роду эпических героев [39, с. 203]. Следует обратить внимание на то, что у этих поколений эпических богатырей как бы не существует жен. Если Дылача (Солнце) является отцом Дергэлдина и Симоксин, то кто же их мать? Геван (Рассвет, Заря) имеет дочерей Секак, Дарпек, Куккумачан и сына кузнеца Торонтая, но кто их мать — неизвестно. Нянгня (Небо) имеет сына Дюгирмандю, но мать также неизвестна.

Эта неясность, скорее всего, порождена тем, что Дылача — Солнце, Геван — Заря, Нянгня — Небо в период, когда создавалось сказание олицетворяли в мировоззрении эвенков как мужское, так и женское начала природы. И у разных групп эвенков, как отмечает Г.М. Василевич, представления о Солнце были различными: наиболее ранние, как о женщинах, сохранялись к 1930-м гг. у енисейских эвенков; подкаменно-тунгусские эвенки считали Солнце стариком; сымские эвенки полагали, что Солнце — мужчина, а Луна — его жена. Поэтому-то первое и второе поколения героев сказания, представленные космическими объектами как родителями людей, непарны.

Г.М. Василевич отмечает в предисловии к книге «Фольклор эвенков Якутии», что «предки ряда богатырей, старше которых никто не упоминается, имеют имена, данные по небесным светилам: Геван (солнце в момент восхода) — отец трех дочерей; Дылача (солнце днем); Хэглэндор (Большая Медведица), Чолбондор (Чолбон — Венера)» [39, с. 5], и относит этот факт к общеалтайскому пласту, но замечает, что в нимнганках амурских и охотских эвенков родители ведущих героев или героинь не упомянуты.

Наши материалы, собранные в 1970—1980-е гг., свидетельствуют о том, что все невесты и жены эвенкийских богатырей являются дочерьми либо Солнца (Дылача хунадин), либо Луны-Месяца, либо созвездий (Бега хунадин). Богатыри Верхнего мира, берущие в жены эвенкиек, являются то сыновьями созвезд-

дий, то Солнца и Луны (например, созвездие Улгэр — это отец богатырей Верхнего мира Гарпани, Мэнгнуни, Дылькэни. Улгэр — созвездие Плеяды).

Активная роль созвездий в судьбе героев в фольклоре связана с их значением в жизни эвенка. Дальневосточные эвенки дали многим созвездиям свои названия, отличающиеся от названий у западных эвенков, у них есть свои варианты сюжетов, к примеру о Манги [25].

Необходимо отметить, что небесный родитель — Солнце — лишь упоминается как родитель героев, но сам никакого участия ни в судьбе своих детей, ни в судьбах зятьев и невесток зримо не принимает.

В сказаниях дальневосточных эвенков (амурских и хабаровских) персонаж, носящий имя Геван, выступает как Месяц, а не полная Луна. Его дочь называется дочерью Месяца-Луны. Дело в том, что в говорах восточных эвенков и эвенков Якутии слово *геван* означает переход от ночи к дню, а в некоторых говорах — неполную луну, т.е. месяц.

В записанном нами от А.С. Гавриловой сказании «Одиноким родившийся Умусликэн-богатырь» будущая жена Умусликэна и ее сестра ходят по Средней земле в образе лосих. Приняв их за земных лосей, Умусликэн стреляет из лука, но они, став птицами, улетают. После долгой погони Умусликэн попадает в дом к девицам Солнца, где у одной из них он вынимает свою стрелу и впоследствии женится на ней [Архив ЯНЦ, фонозапись, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179].

Геван-старик принимает активное участие в судьбе героев во многих сказаниях и имеет человеческий облик почтенного старика. В сказании «Прекрасная удалая девица Секакчан и ее младший брат Ирани» Геван-старик указывает невесту Ирани-богатырю, дает ему необыкновенную уздечку, имеющую своего духа, и с помощью этой уздечки Ирани ловит верхового коня, на котором едет к невесте, дочери Солнца Кимэкчэн. Геван-старик имеет в сказании и свой запев. Жены у Гевана-старика нет. Но когда он узнает, что погиб его сын, он говорит о нем: «Верхнего неба *Буга* младший сын-мизинец, сын мой Пестрая Шуба!» — «*Угу Буга чимиткэкин, омолоив Мэрилэ Сангияк!*» Из этого мы можем заключить, что матерью его сына по имени Пестрая Шуба является небо *Буга*. В картине мира дальневосточных эвенков небу *Буга* отводится важное место [24], с ним связаны многие аспекты мировоззрения эвенков (об этом будем говорить далее).

Между жителями Верхнего мира — *Угу Буга* — и жителями Среднего мира — *Дулин Буга* — существуют узаконенные Небом взаимобрачные отношения. Так, в сказании «Иркисмондя-сонинг» Хоглэндор-старик, являющийся небесным жителем, говорит своему будущему зятю: «Ну сынок, быстро иди к своей подруге, если вам случайно суждено остаться в живых, то не дадите победить себя, ведь ваша судьба должна была иметь связь с этой землей (т.е. с *Угу Буга*) и зацепку с Неба». — «*Балдингахул онихун эр Сивирдун ситимучи. Нягнядук карагачи бимчэ бичэн-е! Нунган ахун бичэлин айилиннахун айихун эмчэ алгахара бичэн, боллага*» [39, с. 164].

Таким образом, браки людей-*аи* (к которым относятся эвенки Среднего и Верхнего миров) совершаются, как говорится, на небесах.

Племя *аи*

Во всех сказаниях эвенков эпические богатыри берут в жены небесных девиц — *киливи* либо *кидак*. Это жительницы Верхнего мира — *Угу Буга*. Если обратимся к опубликованной таблице, отражающей брачные отношения в сказании «Иркисмондя-богатырь», то увидим, что отцом Кукумачан, жены эвенкийского богатыря Иркисмонди, является старик Геван, имя которого переводится как: 1) заря, рассвет; 2) восток, восход [39, с. 203].

Дедушка Инмокон, жены богатыря Коколдокона, — старик Нягня, имя которого переводится как 'небо'. А дед Солкокчон, которая становится женой богатыря Монгундора, — старик Дылача (Солнце). То есть все невестки в сказании ведут свое происхождение от родителей, являющихся, в представлении эвенков, небесными жителями — это одновременно и люди, и космические объекты (солнце, небо, рассвет, заря). В свою очередь, небесные богатыри женятся на девушках Среднего мира — *Дулин Буга*.

Своим родственным узам с небесными жителями люди Средней земли обязаны своим невестам и женам — жительницам Верхнего мира. В подкаменно-тунгусских и качугском говорах невестку, тетку по матери называют словом *уги*, что дословно переводится как 'верхняя', т.е. из Верхнего мира. В токкинском говоре невестку и тетку по матери называют *уи*, что может иметь и другое, более вещественное значение — 'веревка, вязочка' (т.е. невестка — это веревка, соединяющая жителей Средней земли с небесными жителями).

В эвенкийском эпосе, и только в эпосе, говоря о невестках и женах эвенкийских богатырей, используют специальные термины: *кидак*, *киливли*. Оба термина имеют общее значение — небесные девицы-птицы. *Кидак* (*кедак*) соотносится с *кидан* — названием фольклорного племени эвенков. В эвенском *кидак* означает 'цапля', а *кидани* (*киданиндя*) — собственное имя фольклорного героя [35, т. I, с. 391]. Известно, что *кидане* являлись одним из тунгусо-маньчжурских народов.

Слово *киливли* можно соотнести со словом *килен* (мн. ч. *килер*, *килет*, *килагир*), так называли тунгусов, живших в XVIII в. по рекам Охота, Тауй, Мая, Тугур, Хонтайка, в устье р. Шилки, на оз. Ессей. Все южные тунгусо-маньчжурские народы (орочи, нанайцы, ульчи и др.) называли эвенков *килэ* [35, т. I, с. 393]. То есть *киливли* — это девушка-эвенкийка, а *кидак* — из племени *киданей*.

Все эвенки — жители Среднего мира и небесные жители, жители Верхнего мира, — составляют в эвенкийском эпосе одно единое племя, родственное по своим корням, обозначенное термином *аи* (*айи*).

- а) Оказывается, родился и вырос один эвенк-*аи*,
Которому по жидкой его крови было суждено
Стать этого утэна хозяином,
По крепкой родовой его крови предназначено
Предопределено разводить
В том очаге огонь-дедушку.

[43, с. 133]

Эр утэн дюва дютариду
Увагас сэксэдук онилкан
Эр колумтанду анача,
Того эхэкэвэ илаттыду
Тынис тэкэн сэксэдук дилгалкан
Умун аи эвенки оскечэ-балдыча ивит.

[43, с. 132]

- б) Если спросишь: «Кто ты по роду-крови,
Мата, прибывший
С приветом и разговором?»,
То [отвечу]: «Моя мать — Эден Еексит,
Мой отец — Аи бэгин.
Я эвенк-*аи*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежееголенными рогами».

[43, с. 215]

*«Иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн
Мата, эмэксэ
Дороволкон-улгурилкэн оданны?» — гунэкис.
«Эден Еексит энилкэн бичэв,
Аи бэгин амилкан бичэв.
Иркимэктэ иркин бэюн авдулкан
Иркиничэн гунэри
Аи эвэнкин одам».*

[43, с. 214]

Богатырь Иркиничэн, встретив богатыря из Верхнего мира, говорит ему следующие слова:

Поведем разговор, будем заодно.
На нашей тропе и твои, и мои
Зарубки одинаковые.

[43, с. 215, 217]

*Умун улгурье улгучэмэткэт.
Си-дэ, би-дэ умун хоктоду
Сугаривчал сонигил одап.*

[43, с. 214, 216]

Херкининдя, родившийся в Верхнем мире, является человеком, близким Иркиничэну, у них на одной тропе «зарубки одинаковые», т.е. они люди одного племени, обозначенного в эпосе термином *аи* (*айи*). Этому племени «настоящих людей» противопоставлено в эпосе племя авахов из Нижнего мира.

В «Диалектологическом словаре эвенкийского языка» находим слово *айи* с двумя значениями: 1) доброе существо Верхнего и Среднего миров в сказаниях; 2) добродетель [31, с. 12]. Тут же указано производное от него — *айихит* (дух-спаситель) [31, с. 12].

Категория людей, отнесенных к типу *аи* (*айи*), основным предназначением в своей жизни считает творение добра в Верхнем и Среднем мирах, в этом они и противопоставляются авахам Нижнего мира.

Люди-*аи* борются в эпосе с авахами и никогда не заключают брачных уз с ними, обычно богатыри-*аи* говорят авахам, когда те приходят с намерением жениться на девушке-*аи*, следующее:

В какой стране ты видел,
Чтобы авахи взял в жены
девушку-*аи*,
Поставил для семьи чум,
Развел огонь-дедушку,
Родил детей,
Вырастил скот,
С семьей счастливо
Жил как человек?

[43, с. 155]

*Эр-кэ си ир бугаду авахи,
Аимгу ахатканма ахилакса,
Ахун алаха дюва таникса,
Того эхэкэвэ илакса,
Хутэвэ балдывукса,
Авдува иргикса,
Нимэр она ниргийнэ
Бэе бинивэн бинэвэн ичэксэ?*

[43, с. 154]

Слово *аи* (*айи*) образует в эвенкийском языке целую группу словосочетаний, которые лингвисты относят к «парным словам». Приведем примеры.

1. Словосочетание *аи-бэе* 'человек Верхнего или Среднего мира':

— *Гунир-гуниргуний!*
Откуда это опять
этот человек *аи-бэе*,
лучший из них идет?

— *Гунир-гуниргуний!*
Иргит няны-гу
эркэн айи-бэе,
аяргун эмдэргэн?

[Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177]

В другом сказании говорится:

В это время
в одном месте
шум слышался.
Оленного человека,
аи-человека жрали [авахи].

Тар некэдерэктын
арай умун дундэду
айдан долдывран.
Ораннокон бэевэ,
айи-бэевэ алакедявки.

(Из архива автора)

Как видно из текстов, оленные люди Средней земли отнесены к типу людей-*аи*.

2. Очень употребительное в фольклоре и устойчивое словосочетание *аи-урагкай* 'настоящий человек, истинный человек'. К таким людям относятся жители Верхнего и Среднего миров.

а) — Верхнего неба настоящий
человек я, — сказал.

— *Угу Буга аи-урагкаин бихим, —*
гучэ.

б) Настоящих людей не видя,
в *утэнэ*, имеющем душу, рос ты.

Аи-урагкайва энэ ичэрэ,
кутинэр утэлкэнду оскедечэс.

(Из архива автора)

3. Часто употребляется в сказаниях словосочетание *аи-аймак* 'родственник из людей Верхнего либо Среднего мира':

— *Эрил-эрилдонин!*
Многочисленная родня,
родственники *аи*,
слышали и видели вы?

— *Эрил-эрилдонин!*
Эрдын тэгээлби,
айи-аймакилби,
долдырас — ичэрэс?

[Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177]

4. Словосочетание *аи-тэгэл* 'люди племени Средней и Верхней земли'.

— Люди племени Средней
и Верхней земли,
я говорю, что

Аи-тэгэл, би гундем,
шлар дунты Солкокочон

трижды шелковой Солкокчон
небесным путешествиям пришел
конец

*нягнярьялва китылдэрин,
мудан одан эхилэ.*

(т.е. герой женится на ней).

[Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177]

Как видно из примера, устойчивое словосочетание *аи-тэгэл* объединяет в единое племя «настоящих людей» жителей Среднего и Верхнего миров.

В тунгусо-маньчжурских языках корневое гнездо слова *ај*, к которому этимологически восходит слово *аи*, очень обширно, но четко имеет два основных значения: 1) помощь; 2) спасение [35, т. I, с. 17—18].

К этому же корневому гнезду относится и слово *аја*, имеющее главные значения: 1) хороший; 2) добрый; 3) красивый [35, т. I, с. 18—20].

В негидальском языке *аи* — ‘дух гор’, от него, по преданию, произошел негидальский род Айюмканов.

В ороцком языке значения ‘старинный’, ‘древний’, ‘давний’ передаются словом *аинапти*, от корневой основы *аји*. Суффикс *-напти*, как и в эвенкийском *-пти*, придает значение подобия: *горопти* — ‘старый’ (букв.: далекого наподобие). То есть буквальное значение слова *аинапти* — ‘подобный временам *аи*’. Словосочетание *аинапти тэлуну* в ороцком означает ‘древнее предание, предание времен *аи*’.

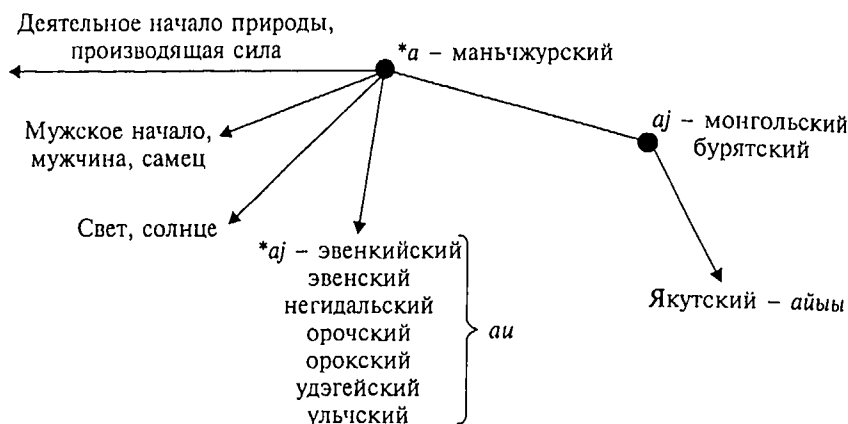
В эвенкийском языке *аиптыкин* — ‘по-человечески’, ‘по-доброму’, ‘по-хорошему’.

В баргузинском диалекте эвенкийского языка *айил* — ‘сосед’. В солонском языке, очень близком эвенкийскому, *айл* — ‘деревня’, ‘поселок’; *аичилами* — ‘ходить в гости’.

Привлекая для анализа словарный материал письменного монгольского языка, находим, что *ајул*: 1) селение; 2) дом, юрта; 3) семья; 4) сосед. В бурятском языке *айл*: 1) юрта, группа юрт; 2) семья; 3) соседи, жители одной общины.

В якутском эпосе богатыри *айыы* имеют тот же статус, что и эвенкийские богатыри *аи*, т.е. взаимоотношения их с жителями Верхнего мира, божествами, те же — они относятся к единому клану *айыы*.

Поиски древнего корня термина *аи* (*айи*) привели нас к маньчжурскому *а, имеющему первое, основополагающее значение ‘деятельное начало природы, производящая сила’, что соответствует понятию «дух» (см. схему).

Какова логика мировоззрения эвенка, в основе которой он, человек-эвенк, есть рожденное Небом, Солнцем, Зарей существо? Он исходит из того, что каждое живое существо, будучи неотъемлемой частичкой природы, есть ее порождение и часть. Мой ребенок — это моя плоть, я — плоть своих родителей и т.д. А в самом начале, по своей сути, я — часть мира, вселенной, природы, что отражает эвенкийское выражение «соринка мира, вселенной, природы, земли» (*Няння, Буга токтан, дуинэ токтан*), как называет себя эвенк.

По причине того, что у человека есть душа, он тоже является наполовину духом, ведь его душа настолько самостоятельна, что может покидать тело во время сна. Небесные жители подобны человеку в том, что имеют душу — дух и материальную оболочку.

Наша схема этимологических соответствий эвенкийского слова *ai* маньчжурскому *a* получается весьма логичной и показывает, что слово *ai*, употребляющееся для обозначения жителей Верхнего и Среднего миров, восходит к общеалтайской (а возможно, и более ранней) общности, так как обнаруживает соответствия и в тюрко-монгольском пласте.

Эвенкийский фольклор, имеющий глубочайшие исторические корни, свидетельствует о непрерывной связи времен и эпох. Наскальные изображения, созданные тысячелетия назад, ярко и убедительно иллюстрируют сюжеты и мотивы фольклора народов Сибири, истоки которого находятся в железном, бронзовом, а быть может, и в каменном веке.

Выдвижение на первый план образа человека в начале II тыс. до н. э. в наскальном искусстве Восточной Сибири, в комплексах глазковской культуры, относящейся к культуре эвенков, можно связать с зарождением эпоса, в центре которого стоит человек-герой, человек-богатырь. Именно в это время для первобытного искусства важным объектом познания становится человек.

Известно, что Верхнее Приамурье входило в ареал формирования северных тунгусов, к которым относят эвенков. Приморье в неолите и бронзовом веке явилось районом сложения южных тунгусов. Синегайская культура датируется двумя первыми веками I тыс. до н. э., и она также отмечена в Приморском крае. «Во всяком случае местные культуры железного века, тунгусская принадлежность которых считается доказанной, генетически увязывается через бронзовый век...» [7, с. 358].

Проблема этногенеза тунгусов до конца не раскрыта до сих пор. В связи с этим, по сообщению Г.М. Василевич, Л.Я. Штернберг еще в 1920-е гг. не раз указывал на то, что следует распутать этнические узы в Нижнем Приамурье и на Енисее.

В нимнгакане «Девятигорбый младший брат» интересен момент, когда старший брат убивает изюбря по указанию младшего. Изюбря в нимнгакане отводится магическая роль — с его помощью оживляются родители героев. Обратившись к археологическим материалам, находим, что у синегейцев также существовал культ изюбря, захоронение которого обнаружено под полом одного из домов. Следует отметить, что у восточных эвенков (например, сологонов, отчасти кэптукэ) шаманы считали изюбря матерью-зверем, он являлся как бы двойником шамана.

Материалы эти ценны, с нашей точки зрения, тем, что записаны от сказителей, которых можно назвать профессионалами, а не случайными рассказчиками.

Таким образом, во многих сказаниях эвенков можно найти свидетельства связи этого народа с южными соседями.

Эпические перевоплощения в свете традиционного мировоззрения

Эпические герои без всяких затруднений путешествуют из одного мира в другой, находят в Верхнем мире — *Угу Буга* — себе суженых, борясь с чудовищами и врагами-авахами, попадают в Нижний мир — *Хэргу Буга* — и т.д. Г.М. Василевич отмечает, что по мере развития шаманизма и шаманской космогонии сформи-

ровалось представление, что в Верхний мир мог попасть только шаман [16, с. 214]. Путешествия эпических героев по трем мирам отражают дошаманское мировоззрение эвенков — «в дошаманский верхний и нижний миры (по мифам) был открыт доступ для всех людей» [16, с. 214].

Верхний мир эпические герои чаще всего достигают, обернувшись птицами. В Нижний мир они попадают, как говорится в эпосе, с помощью «разных уловок» и «разных хитростей». Под разными уловками и хитростями имеется в виду способность эпических героев перевоплощаться в птиц, зверей, различные предметы. Необходимо подробнее разобраться в этом, ибо все перевоплощения героев имеют свою систему и связаны с мировоззрением эвенков.

Например, герой сказания Дэвэлчэн, спасая свою сестру, должен попасть в Нижний мир, землю врагов-авахов. Но сделать это в своем настоящем обличье, как считали эвенки, опасно, да и невозможно. Чтобы попасть в Нижний мир, нужно быть не отринутым этим миром, нужно войти в него, используя его же устройство и законы, — такова логика древнего эвенка. Но как научиться разным хитростям и уловкам, которыми обладают жители Нижнего мира?

Наш герой обретает эту способность, убив сторожа дороги в Нижний мир — трехглавого орла, когда-то насильно приведенного сюда авахами и поставленного сторожить дорогу в Нижний мир. Трехглавый орел «родом из птиц-аи», поэтому, умирая, он дает совет выщипать его пух и перья, полежать на них три дня и три ночи. После этого Дэвэлчэну будет под силу «пройти все три мира» [43, с. 265], ведь трехглавый орел уже давно стал жителем Нижнего мира (хоть и против своего желания) и узнал его особенности. Проспав в пухе и перьях орла три дня и три ночи, Дэвэлчэн постигает таким образом опыт жизни трехглавого орла.

Затем Дэвэлчэн, «который, проспав в пухе орла, разным хитростям научился, тоже трижды перевернулся, превратился в трехгранную железку, со звоном опустился вниз» [43, с. 269].

Почему, обернувшись железкой, можно попасть в Нижний мир? Логика очень проста — это значит уподобиться богатырю-авахи.

В эпосе нет описания того, как богатыри-авахи попадают в Средний мир. Но их имена кое-что могут сказать нам, ведь наречение именем в своем мире — это благословение-заклинание, вкладывание в основу имени отличительных особенностей нарекаемого — его талантов.

Все богатыри Нижнего мира имеют в составе своего полного богатырского имени определение «четырёхгранные железные»: Четырёхгранный железный Дэвиндэр, ездящий на нарте-таратайке (*Дыгин кирилкан, алтама таратайка сергалкан Дэвиндэр*); Быка-пороза верховым имсющий четырёхгранный железный Дыгияндя (*Сири-огус укчакилкан, дыгин кирилкан сэлэмэ Дыгияндя*); Четырёхгранный Сэлэргун Сэвэендя и др.

В эвенкийском эпосе железо считается атрибутом Нижнего мира, мира авахов. Вся одежда авахов, да и сами они, вплоть до зубов, созданы из железа:

Своими зубами, подобными
покрытому тридцатилетней
ржавчиной

железному кайлу,
он принялся грызть, терзать
верхний слой тела живого человека.

[42, с. 163]

*Никинды тулгу кун улдэвэн
илан дян ангигиду девидийчэ*

*койго сэлэмэ иктэлдимн,
иникин бэевэ иникинды
кэнгиктэмэт муигнандяран.*

[42, с. 162]

В сказании «Храбрый богатырь Содани-мата» Иркиничэн-богатырь попадает в Нижний мир таким способом:

По железной тропе попытался
Спуститься вниз.
Но не сумел

Протиснуться [своим человеческим
телом].

После этого,
Трижды перевернувшись,
Он превратился в круглого гладкого
Бултэрикэна-парня
С невидимыми руками-ногами
И покатился свободно вниз.

[43, с. 207, 209]

*Сэлэмэ хоктоли хэргискэки тыктэви
Ухорон иксэтми-дэ
Сониг илэ мэндиви эрэгэмэ эчэ
батта.*

Де тар амардукин

*Иларакан хунилдэхинэн-дэ
Налан-халганин эхи ичэврэ
Умун тэгин бултэмэ-нюн
Бултэлэмэ Бултэрикэн омонги окса,
Де кунул хэргиски хукэлчэнэ
Кирилестук кирилэслэ бултэгдехинэн
ивит.*

[43, с. 206, 208]

В записанном нами от хабаровского эвенка, сказителя Дмитрия Николаевича Соловьева сказании об Умусликэне находим авахи-богатыря по имени Бултара Бултарай, имеющего способность оборачиваться круглым железным шаром. Его запевные слова: «*Бул-тара-бултара-бултара!*» Важно отметить, что и здесь эпический богатырь делает то же самое: уподобляется богатырю-авахи, использует «уловку» врага и проникает в его мир.

Уланындя-богатырь, герой сказания, записанного нами от эвенков Амурской области, имеет от рождения способность, свя-

занную с его чудесным рождением. Старик-отец лил пули из свинца-олова, и одна капля расплавленного олова упала на голую коленку старухи-матери. Через девять месяцев из распухшего колена рождается у них сын, имеющий облик удава-*дябдара*. Старики дают своему сыну-удаву такое имя: Из расплавленного олова рожденный Уланындя-богатырь. Уланындя-богатырь проникает в Нижний мир, становясь расплавленным оловом, — протекает в щелку.

К олову у эвенков совершенно другое отношение, чем к железу. Если железо ассоциируется с чем-то враждебным, то олово для них — святой металл, он имеет свойство оберегать человека от болезней сердца. Амулет, изготовленный из олова, носят на шее, он имеет название *мевака*, от слова *меван* 'сердце', либо *тудя* 'олово', хотя его могут делать и из свинца.

Из свинца амулет *мевака* делают, чтоб сердце не болело. Рябчика убивают, из сердца его кровь взяв, тот амулет мажут, затем надевают на человека. Можно такой амулет сделать из ольхи.

Свинецтук мевакава овкил, меванын эдэн энурэ, инкичэнмэ вавкил, меван-дукин сахэвэ гаксал, тар мевакава сэрэвкил, тадук бэду тулевкил. Тадук дуль-гиктэдук нян мевакава овкил (материалы автора, записано от И.А. Лазарева).

Амулет такого типа может иметь более широкое назначение — оберегать человека от дурных и завистливых людей, помогать в делах, обеспечивать удачу. В этом случае он носит название *тудя*, даже если был изготовлен не из металла, а из дерева — ольхи.

Таким образом, только знание мировоззрения эвенков может помочь расшифровать и понять многие эпизоды и сюжетные коллизии в их фольклоре.

Картина мира в декорациях праздника *Икэнипкэ*

Эвенкийская картина мира представлена не только в эпосе эвенков, но и в их обрядности и ритуалах.

Бурятская исследовательница Н.Б. Дашиева, описывая праздники бурят *тайлганы*, упоминает эвенкийский материал, в частности по эвенкийскому празднику *Икэнипкэ*. Она пишет: «Все это представляло собой модель мира, характерную для традиционного мировоззрения эвенков» [20, с. 86].

В монографии «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора» [13] на с. 181 дан рисунок, отображающий картину мира в сказании К.П. Афанасьевой «Гарпарикан». Рисунок был

выполнен под руководством самой сказительницы. Общее строение мира (трехчленное) такое же, как изображают его эвенки-орочёны в виде ритуального столба *сэргэ* (см. фото), описанного в книге А.И. Мазина [27].

Мы попробуем сравнить и спроецировать картину мира, отображенную в декорациях к обрядовому празднику *Икэнипкэ*, с эпической картиной мира у эвенков.

Ритуальный столб *сэргэ*, изображающий строение мира: верхняя, куполообразная часть — Верхний мир (*Угу Буга*); средняя, дисковидная — Средний мир (*Дулин Буга*); ниже, шарообразная — Нижний мир (*Хэргу Буга*). Рядом со столбом изображения лягушки и гагары, помогавших богу Сэвэки создавать Среднюю землю.

Снимок сделан в 2000 г. в местности Бакалдын, в 45 км от г. Якутска.

Обряд *Икэнипкэ* — 'обновление жизни', 'пир', как его называли эвенки по-русски, не упоминался до Г.М. Василевич ни одним из путешественников и исследователей. Впервые Г.М. Василевич дала его описание в статье «Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков» [15].

Этот сложный обряд представлял собой восьмидневный хоровод с пением, в котором имитировались:

- 1) погоня всех присутствующих вместе с шаманом и его духами за воображаемым оленем, «убиение» его и «приобщение» к его мясу;
- 2) весь годовой цикл жизни охотника;
- 3) движение вниз по шаманской реке и дальше вверх по р. Энгдекит до ее истоков (движение по Энгдекит вначале направлялось на юг, затем на восток).

Еще в начале XX в. у западных эвенков танец-хоровод сохранялся как один из элементов обряда, в котором движения изображают погоню людей за божественным оленем. К востоку от Енисея этот хоровод — *ехор* — превратился в увеселение.

1. Для *Икэнипкэ* ставили специальный большой чум-дю, *дюкча*, в котором должны были поместиться все участники хоровода. Вокруг чума устраивали своеобразное мольбище, состоящее из деревянных изображений людей и животных.

2. С четырех сторон чума помещали на столбах деревянные изображения *гашалил* — больших мифических журавлей, лебедеподобных птиц.

3. По сторонам от входа ставили по четыре или по восемь *дарагушал* — человекообразных фигур с одной рукой. Таких же *дарагушал*, только меньших размеров, помещали внутри чума, по две штуки вправо и влево от *малу* — места за очагом против входа.

4. Около наружных *дарагушал* устанавливали по четыре деревянных человекообразных фигуры с пальмами и луками в руках — *хэмэкэр*. Это были главные защитники от духов.

5. Прямо против входа втыкали в землю жердь, на верхнем конце которой был изображен орел-*киран*.

6. Срединная жердь — *чимка* — была намного выше чума. Она подымалась над верхней связкой жердей чума, а на вершине ее устраивалось беличье гнездо — *чанэ*.

7. Около *малу* в чуме ставили столб *туру* — символ лестницы, по которой к людям должны были спускаться верхнее божество Экшэри или его помощники.

Мы выделили все значительные декорации, пронумеровав их. Предлагаем нашу интерпретацию значения и смысла декораций в

этом обряде, связанную с эпической картиной мира у эвенков (см. рисунок).

1. Специально построенный чум, где должны были поместиться все участники действия, символизировал Среднюю землю — *Дулин Буга*. Материалы эпоса свидетельствуют о том, что эвенки считали землю общим домом всех людей, населяющих ее. Об этом мы упоминали, когда писали о духе-хранителе одинокого героя [25].

Проведение обряда в течение восьми дней можно связать с тем, что дом-*утэн* строили из восьми плах, половинок лиственниц. Это часто подчеркивается в сказаниях. В сказании «Средней земли Умусиндя» читаем: «У него был из восьми половинок лиственниц сделанный дом-*утэн*» [22, с. 214].

2. Мифические журавли, лебеди вокруг чума — прилетающие девицы-птицы: *кидак*, *киливли* и *гаха*-девицы в эпосе. Они же, по материалам эпоса, могут являться и в виде животных: лосих, изюбрых, белок и т.д.

3. Однорукие и одноногие человекообразные фигуры — *дарагушал*, устанавливаемые у входа в чум, — это имеющие намерение прийти на Среднюю землю одноглазые, однорукие и одноногие авахи. *Дарагушал* внутри чума означают, что авахи могут приходить и делают это.

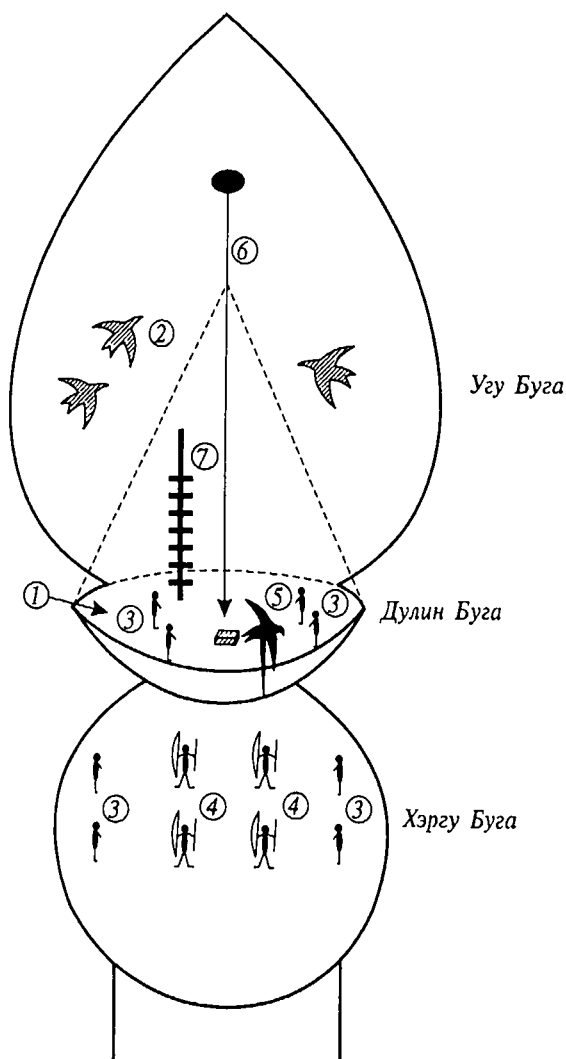
4. Деревянные человекообразные фигуры с пальмами мыслились защитниками людей от духов, т.е. от авахов. Они ставились напротив одноруких и одноногих *дарагушал* — в эпосе это наши защитники, богатыри мата и сонинги.

5. Установление жерди с изображением орла-*киран* может быть связано с очень распространенным в фольклоре способом попадания в Верхний мир. В сказании «Торгандун Средней земли», записанном А.Н. Мыреевой, героя в Верхний мир доставляет орел [37].

Способ попадания на небо с помощью птицы — весьма распространенный мотив в фольклоре эвенков:

Гидало устал жить на Средней земле, он захотел жить на Верхней земле. Утром рано встал, пошел искать птицу. Вечером пришел Гидало домой, привел птицу. Птица сказала: «Ты запаси на три года еды, одежды, воды, дров». Гидало позвал всех мужчин, сказал: «Вы сделайте на птице балаган». Все, что предполагал увезти, положили в балаган. Гидало вошел в балаган. Птица полетела [28, с. 36—37].

6. Срединная жердь, возвышающаяся над чумом с устроенным на ней беличьим гнездом, это и есть реализация в декорации

Проекция декораций к обрядовому празднику *Икэнипкэ* на эпическую картину мира.

1 — жилище героя; 2 — мифические птицы; 3 — одноногие и однорукие *дарагушал*; 4 — фигуры с пальмами и луками; 5 — орел-*киран*; 6 — срединная жердь — *чимка*; 7 — столб *туру*. Более подробные описания даны в тексте под теми же номерами.

обряда мифической версии о происхождении эвенков от небесных людей, одетых в беличьи шкурки. То, что жердь выше чума, означает, что предки эвенков, люди-белки, родились не на земле, а «упали с неба», их гнездо вне пределов чума — земли. А сам чум — Средняя земля.

7. Столб *туру* с лестницей олицетворяет возможность связи земных и небесных людей. Вспомним лестницу к дому дочери Солнца, цепь, держащую ее *чорами* — дом (дом-колокольчик). Верхнее божество Экшэри — у западных эвенков, у дальневосточных эвенков это Буга.

Таким образом, проекция декораций к обряду *Икэникэ* на картину мира в философско-мировоззренческом видении позволяет говорить об их взаимообусловленности, кроющейся в мировоззрении эвенков.

В заключение отметим, что взгляды на появление мира, трех его составляющих в эпосе и мифах эвенков различны. По мифам человека и Среднюю землю — *Дулин Буга* — создает творец Сэвэки. В эпической картине мира природа, мир не являются творением бога-творца, как в мифах эвенков. Ни один из трех существующих в эпосе миров — ни *Угу Буга*, ни *Дулин Буга*, ни *Хэргу Буга* — не был кем-то создан — мир возник сам по себе. Картина мира, его возникновения в эпосе более соответствует реалистически-научному взгляду на появление земли, человека, вселенной.

В современном эпосоведении гипотеза А.Н. Веселовского об обрядовом происхождении эпоса отошла на второй план [18]. Однако, как нам кажется, для эвенкийского фольклора это весьма важная и актуальная гипотеза, ибо к настоящему времени в процессе сбора материала к томам фольклора эвенков накоплен ранее не известный исследователям обрядовый материал, раскрывающий мировоззренческие аспекты обрядовой практики.

Архаический повествовательный фольклор — не единственный источник формирования художественной системы героического эпоса. То, что мы часто привычно относим к поэтическим средствам создания эпоса (гиперболизация и др.), тесно связано с мировоззренческими установками, требующими пояснения при публикациях. Описывая то, как расправляется герой эпоса с врагом-авахи, эвенкийский сказитель часто использует такую формулу:

И потащил его к горному распадку.
Тальником из горного распадка
Беспощадно его ислестал,
Красным тальником

*Онгкой урэлэ ирна сурурун.
Онгкой урэ буксэткэндин
Ониканман оран,
Гивагунай буксэткэндин*

Отделил ему мясо [от позвонков].
Тот человек не выдержал.
Широкая его спина сузилась,
Длинные мысли укоротились,
Пришел его смертный день.

[43, с. 305]

*Сигдэкэнмэн гивгуран.
Чагу бэе он-да эчэ тээрэрэ.
Эмгэс кэнтэрэн тиелдэн,
Нонум дялин урумудэн,
Бури инэнгигин эмэрэн...*

[43, с. 304]

Словосочетание «красный тальник» (*гивгунай буксэткиэн*) употреблено здесь вовсе не для красоты описания, не ради поэтической аллитерации. Красный тальник (краснотал) считается растением, имеющим силу против нечистого духа, этого растения боялся приведения. Враг-авахи связан с Нижним миром, красный тальник для него опасен, а человека он защищает, поэтому-то и хлещут своих врагов богатыри-эвенки не чем иным, а именно красным тальником.

Завязка сюжета в героическом сказании «Иркисмондя-сонинг» состоит в том, что старший брат Иркисмонди по имени Овладевший с трех лет клещами, с четырех лет молотом кузнец Торонтай вдруг раздавил молотком указательный палец. Причина такого несчастья (по словам Иркисмонди) заключается в том, что этот опытный и от бога имеющий талант кузнеца старый человек уже давно «не угощал четырехугольный очаг салом почитаемых зверей» [39, с. 204], т.е. не выполнял обряд кормления огня-очага по имени Колумтан. Крови из пальца так много, что она рекой течет за порог. Только быстро исправленная ошибка — Иркисмондя кормит огонь — останавливает кровь. Небрежность и забывчивость по отношению к выполнению обрядов, связанных с огнем-очагом, влечет за собой неприятности и беды, по представлению эвенков. И беда не заставила себя в данном случае долго ждать — появились враги-авахи.

Таким образом, нарушение обрядности, нарушение табу служит в данном случае сюжетообразующим элементом эпоса.

Именно взгляды и традиции являются основным ключом к разгадке многих вопросов, поставленных в эпосе эвенков. Художественная система эвенкийского эпоса (образы героев-богатырей, сюжеты, в частности путешествия героев по мирам в перевоплощенном виде и др.) и практически-бытовое мировоззрение эвенков крепко взаимосвязаны и взаимообусловлены. Возможно, именно это и является подтверждением теории А.Н. Веселовского об обрядовом происхождении эпоса. Но вопросы, касающиеся эвенкийского эпоса, еще предстоит изучить детально и основательно в будущем.

Глава II

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИИ ЖИЗНИ. КУЛЬТ СЛОВА У ЭВЕНКОВ

Понятие «Буга» и связанные с ним традиции Одь и Иты

Человек — земли соринка,
Неба-Вселенной духом взрашен
(досл.: Буга воспитанник).

Бэе — дуннэ токтан,
Буга иргигэн.

Так любил повторять мой отец, эвенк рода Кэптукэ Иван Андреевич Лазарев. Небо *Буга* есть родитель и воспитатель человека — считали эвенки. В этнографических работах Г.М. Василевич, А.Ф. Анисимова, А.И. Мазина имеются сведения о божестве *Буга*. Представления эвенков о *Буга* и многих других явлениях никогда не были законсервированными, они развивались, упорядочивались и ныне живут в сознании людей, ведущих традиционный образ жизни.

Во всех тунгусо-маньчжурских языках и в эвенкийском, в частности, слово *Буга* имеет основные значения: 'мир, вселенная'; 'небо, небесный свод'; 'бог, дух'. У эвенков есть еще слово *нягня* — 'небо, небосвод', 'высь, воздух'. Но оно никогда не употребляется в значении 'бог, дух'. *Нягня* обозначает чисто физическое явление.

Представления о небе как о божественном начале дает текст, записанный от И.А. Лазарева:

Солнце и небо *Буга* теплом своим все соринки земли растят. *Буга* и есть *Буга*: *Буга* видит, сверху греет, человека человеком делает. *Буга* не любит плохого. То, что тебе *Буга* дает, не жалея для людей, соблюдай обычай равного дележа со всеми — *Нимат*. Этот закон *Буга* дало людям.

Сигун, *Буга* улундиви дуннэ токтаван иргивки. *Буга* бугагачин: *Буга* ичэчивки, угиньк нямалгивки, бэвэвэ бэербувки. *Буга* эвки аявра эрувэ. *Буга* бунэвэн бэеду экэл мулана, нимадыкал. Тар *Буга* соконын.

Как видим, от неба *Буга* зависит вся жизнь человека: оно и законные обычаи для эвенков установило, оно и следит за нравственностью человека. У неба *Буга* те же функции, что и у солнца *Сигун*, т.е. эти два понятия во многом отождествляются в сознании эвенков. О том, что климат и атмосферные явления зависят от неба *Буга*, говорит пословица: «Дождь идет — *Буга* мочит, небо

прояснится — *Буга* высушило». — «*Буга тыгдэрэн — уларан. Буга нендэлэрэн — Буга олгиран*».

Эвенки считают, что небо *Буга* следит за поведением человека, все поступки человека должны быть угодны небу *Буга*, он ничего не должен делать против воли неба *Буга*. Если кто-то делает что-то не так, как положено, его обычно останавливают выражением: «Против неба *Буга* делаешь! Грех!» — «*Бугаскаки! Нэлумо!*»

Радости и несчастья даются человеку небом *Буга* в зависимости от его поведения: «Небо *Буга*, если пожелает, — добра даст и плохое пошлет на твою плохость (т.е. если сам делаешь плохое — плохое получишь)». — «*Буга аяя буми будинэн, эрувэ-кэт ундинэн мэн эрудус*».

Небо *Буга* посылает наказание человеку, если он этого заслужил: «*Буга проклянет!*» — «*Буга ныкидян!*»

Небо *Буга* может говорить, речью его являются звуки грома. Устойчивое словосочетание *Буга турэнин* означает речь неба, слова божества *Буга*.

Небо *Буга* мыслится эвенкам как космический родитель, давший жизнь человеку, на что указывает завет-наставление: «Неба *Буга* благословением живет человек, родитель *Буга* человеку все дает. *Буга*-родитель кормит, противного ему не задумывая, противного ему не делай».

В песнях, которые эвенки поют по разным поводам, всегда упоминается *Буга*, у него просят для себя благополучия:

Где трава есть, где глиняная земля —
хорошо же, хорошо же нам.
Если небушко *Буга* пожалеет нас,
хорошо жить будем.

Чукала иду, иду-кэ тукалан —
аямамат-нгэн, аямамат-нгэн.
Бугакакун муланакин-иган,
аямамат-ган бидегэтын.

При исполнении хороводных круговых танцев тоже обязательно обращаются к *Буга*:

Дэвэ-дэвэ, давайте танцевать!
Хорошо жить будем!
Пусть олени наши пасутся,
небушком Буга даны они нам.
Хорошо, хорошо!

Дэвэ-дэвэ-дэвэдэгэт!
Аямамат бидетканэ!
Ороты-игон огкоктын-игон,
бугакакун будингэн.
Аямат, аямат!

Если небо *Буга* все видит и следит за нравственностью человека, то может быть и судьей, определяющим судьбу человека. В нимнгакане «Тывгунай-молодец» Чолбон Чокулдай обращается к врагу: «Пойдем к скале, где сходится глиняная земля с бездон-

ным небом *Буга*, там рассудят, кто из нас прав, а кто виноват...” Пройдя большое расстояние, пришли к тому месту. Чолбон Чокулдай первым сел на коня, а конь прыгает. Когда небо отодвинулось от земли, небо успело срезать только кончик хвоста у коня. Когда прыгнул на коня второй человек — он был рассечен надвое вместе с конем. Так погиб Синэлтукэн» (сказание записано А.Н. Мыеевой).

Кем же по полу является божество *Буга* у эвенков?

На этот счет имеется много сведений, но они противоречат друг другу: одни эвенки видят *Буга* в облике женщины, другие — в облике мужчины. Необходимо отметить, что путаница и неясность проявляются всякий раз, как дело доходит до выяснения пола божества. Разделенность по полу выступает отчетливо и ясно только в шаманском пласте сведений.

Если опираться на данные языка, то определить пол не всегда возможно. В эвенкийском языке нет грамматической категории рода, как в русском языке, хотя есть суффиксы, имеющие родовое значение. Например, суффикс *-мну(-мни)* обозначает лиц женского пола: *айичимну*, *айичимни* ‘врачиха, докторша’; *алагумну*, *алагумни* ‘учительница’; *пуягимну* — женщина из рода Пуягир. Суффикс *-нкур* обозначает лиц мужского пола: *пуягинкур* — мужчина из рода Пуягир, *кэптукэнкур* — мужчина из рода Кэптукэ. Но все дело в том, что эти суффиксы не присоединяются к любому слову, значит, есть слова, не имеющие признака мужского или женского рода.

Вместе с тем в эвенкийском языке существуют парные словосочетания, уточняющие принадлежность к полу. Например, если в контексте возникает необходимость уточнить пол ребенка, то слово *куна* (ребенок) употребляют со словами *ахаткан* (девочка) или *хуркэн* (мальчик): *ахаткан-куна* — девочка (досл.: девочка-ребенок), *хуркэн-кунакан* — мальчик, юноша (досл.: мальчик-ребенок).

Слово *Буга* не имеет суффикса, указывающего на принадлежность к конкретному полу, но эвенки часто употребляют такие словосочетания: *Энин-Буга* — мать наша *Буга*, *Эни-Буга* — мать *Буга*; *Амин-Буга* — отец наш *Буга*, *Ами-Буга* — отец *Буга*. Из этого можно сделать вывод, что *Буга* как высшее божество олицетворяет как женское, так и мужское начало природы.

Буга является и материей, и духом, ибо сам человек тоже имеет эти две формы: материальную — физическое тело и духовную — душу, вполне самостоятельную, имеющую способность покидать тело.

Небо *Буга* как податель жизни и как родитель растит-воспитывает человека. Это подобно концепции в «Бхагават-гита», где читаем: «Лишь взором, медитацией и прикосновением рыбы, черпахи и птицы поддерживают жизнь своих отпрысков».

Эвенк постоянно помнит о *Буга*. *Буга* — источник всего, из *Буга* и от *Буга* все происходит. *Буга* — верховный правитель Вселенной, поддерживающий существование человека и наставляющий, воспитывающий его. В сознании эвенка *Буга* — живое существо. Поэтому, например, эвенками-ороченами *Буга* воспринимается как человек-эвенк. Матушка *Буга* имеет внешность согбенной старушки-эвенкийки.

Слово *Буга* может означать 'родина', 'земля', 'страна', т.е. место, где эвенк родился и живет. Но основополагающее значение слова *Буга* в системе мировоззрения эвенков — 'вселенная', 'мир', 'космос'. Отсюда другое, вытекающее из него значение — божество *Буга*. При этом *Буга* не имеет единого и конкретного образного воплощения. Это божество, которое является основой нашего мира, нашей Вселенной, по сути дела это и есть сама Вселенная. И человек есть порождение *Буга*, воспитанник и дитя *Буга*, как и все остальное, что живет на земле.

Эвенк не выделял себя из природы как что-то уникальное и особое. Воспринимая мир единым и целостным, он ставил человека в один ряд со всем, что создано природой, а по понятиям эвенков — порождено и воспитано *Буга*. Такое восприятие мира и мироустройства в свое время было отнесено к первобытности мышления. Считавшееся ранее в цивилизованном мире «примитивным и анимистическим», в настоящее время оно воспринимается по-иному: меняется оценка материальной и духовной культуры арктических народов.

Эвенкам была свойственна не первобытность, а первородность мышления и мировосприятия, заключающая в себе рациональные и единственно правильные подходы к законам жизни и вытекающим из них традициям. Сейчас, когда люди нашей планеты уже пожинают плачевные плоды своего «царствования» и «завоевания» природы, они начинают понимать, что воспринимать себя следует не как нечто уникальное, а как неотделимую часть мира и природы. Человек и сам есть окружающая среда.

Из принципа единства мира, неотделимости человека от природы вытекал и другой важный момент миропонимания эвенка — миру изначально присуща гармония. Мир устроен не нами, и человек не может безнаказанно менять и переделывать его по

своему желанию и усмотрению. Поэтому-то и воспитывалось у человека с раннего возраста уважение ко всему живому, отношение к каждой букашке и былинке как к самому себе.

В традиционном мировосприятии эвенков вся природа жива, и ничего в ней нет неживого. Все предметы, воспринимаемые нами как неживые, для эвенка обладают силой *мусун* — живой силой, силой энергии. Г.М. Василевич в своем классическом труде «Эвенки» [16] назвала это силой движения. Один престарелый эвенк сказал нам так: «Камень имеет *мусун* — потому живой. Камень — это земли, мира кусочек. Все живое — земля, камень, дерево, трава».

Великая ценность первородности мышления состоит в том, что это качество мировосприятия позволило выработать основные принципы природопользования и этики отношений человека и природы.

Эвенкийское слово *одё* переводится как 'запрет, оберег, табу'. Но оно же имеет и более общий смысл — **система запретов, регламентирующая поведение человека в обществе и его отношения с окружающей средой (*Одё*)**. Не имея письменности, эвенки закрепили эти нормативные правила в полуфольклорную форму: краткие изречения, подобные пословицам, но отличающиеся от них тем, что советами в пословицах человек может пользоваться по своему усмотрению (может их выполнять, а может и игнорировать), выполнение же запретов *Одё* для эвенка обязательно. Эвенкийские пословицы — это художественный фольклорный жанр, тогда как *Одё* — руководство к повседневному поведению, нормы жизни.

Многие эвенкийские *одё* являются также нормами морали эвенкийского общества, этическими нормами. В промысловой этике существуют *одё*, которые следует отнести к нормам нравственности человека: запрещено надругательство над зверем и его останками, нельзя причинять страдания животным, разорять гнезда птиц и даже ругать зверя словами. Бытует и поныне охотничий запрет-*одё*: нельзя стрелять в спящее животное.

Промысловая этика и свод *Одё* передавались из поколения в поколение, почитались и соблюдались. Причиной межродовых и племенных столкновений могло быть нарушение правил охоты и несоблюдение *Одё*. К примеру, одним из основных *одё* было правило: нельзя убивать больше того, что необходимо тебе (*Энэ манатыра экэл ватыра*. — Досл.: Не съев всю еду, не убивай).

В *Одё* нашли отражение нравственные стороны взаимоотношений человека и животного. Выходя на первую осеннюю охоту и

добыв зверя, охотник полностью раздавал мясо сородичам и не брал себе ни кусочка. Считалось, что «дающий охотник» и «дающий род» всегда будет иметь охотничью удачу. Голову лося и оленя как одну из важных частей животного никогда не ели в одиночку, приглашали всех членов семей, кочевавших вместе. Есть в одиночку либо одной семьей голову лося и оленя считалось *одё*.

Разделка туш добытых животных происходила всегда в определенном порядке с соблюдением ритуалов, также зафиксированных в *Одё*:

— Не разбрасывай кости зверя, а сложи их на специально построенный лабаз.

— Не дrobi кости без надобности, не выбрасывай копыта и другие мелкие части — при перерождении в новом облике зверь будет в них нуждаться.

— Добыв горноста́я, лису, колонка или соболя, покапай на огонь их жир и в дыму окури их шкурки.

— Добыв большого зверя или медведя, принеси жертву со словами: «Подай, Буга, еще зверя!»

— Голову и кости медведя сложи в том порядке, как у живого, и заложи указатель (ветку) в направлении солнца восходящего, чтобы он знал, как вновь возвратиться в наш мир.

— Повесь голову медведя на специальный ритуальный шест. Если выбросишь — рассердится, и, когда будешь впредь охотиться на него, может произойти несчастье.

По отношению к каждому добываемому животному существуют свои конкретные правила-*одё*, их очень много, но охотниками они всегда соблюдаются неукоснительно.

Множество *одё* было направлено на самосохранение и продолжение человеческого рода. Они являлись правилами жизни для мужчин, женщин, детей, семьи, рода. К примеру, близкие должны были неукоснительно следить, чтобы роженица выполняла следующие *одё*: не ела несвежую пищу, если поест такую — сгорит от жара и умрет; не поднимала тяжелые вещи, не носила дрова, воду; за месяц до родов роженице нельзя было выделывать шкуры, шить. Подобные запреты сохраняли здоровье роженицы и будущего ребенка.

Итак, *Одё* — это свод конкретных правил, запретов-табу для повседневной жизни человека.

Кроме *Одё* у эвенков существовал и существует неписанный свод узаконенных традиций, регламентирующий социальные, семейные и межродовые отношения. Он касался и отношений чело-

века с окружающим миром. Это обозначалось словом *иты* (*итин*), имеющим значения 'режим, закон, устав', а также 'обычай, традиция, порядок'. По представлениям эвенков, *Иты* как законный порядок и традиции жизни эвенкам дало небо *Буга*. По фольклорной версии, их оставил как заветы бог-творец Сэвэки, сотворивший Среднюю землю, человека и животных. Это заповеди общечеловеческого содержания, по которым следует жить эвенку. *Иты* составляют общий свод положений и подобны библейским типа: не убий, люби ближнего своего и т.д.

Таким образом, традиции *Иты* — это общечеловеческие законы общества. Как говорят пожилые эвенки, человек должен следовать хотя бы 18 заповедям-наставлениям, составляющим основу *Иты*:

1. Неба *Буга* и земли благословением живет человек. Небо-родитель *Буга* дает все, небо-родитель *Буга* кормит человека. Против воли его не иди, противного его воле не делай. — *Дуннэ, Буга аидин бэе бидерэн. Буга бурэн, Буга улирэн. Бугаскаки энэ гунэ, бугаскаки энэ некэрэ.*
2. Всех и всё земля растит, человек тоже ее соринка. — *Бутунну-вэ дуннэ иргивки, бэе нян дуннэ токтан.*
3. Все, что даруется небом-родителем *Буга*, не жалея для людей. Делись безвозмездно, соблюдая обычай Нимат. Еще ни один человек не умер от того, что накормил сироту, поэтому небо-родитель *Буга*, благословляя, даст пищу тебе. — *Буга бунэвэн бэеду эври мулана, борилдыври, нимадыври. Анадяканма карайчадук умун-да эчэ абулла. Буга буми — будинэн.*
4. Жизнь прожить — не один горный перевал перевалить. Еще никто на свете, не испытав невзгод, не жил. — *Бинивэ бидэ — умун алакит эчэ бирэ. Ни-кэт биргэвэ энэ олоро эчэ бирэ.*
5. Всяк живущий пару себе находит, всяк свой корень имеет. Без женщины-матери как человеку родиться? Женщина семейство свое трудом рук своих содержит (досл.: мизинцем своим растит). Матери своей, родителей и предков своих тропу торя, по следу их идя, живи. — *Еми-да инэри гохичивки бивки. Ахия ачин идук балдымча бэе? Ахи унякандии кэргэнми иргивки. Энинми-аминми удяватын удяна бидекэл.*
6. Как люди достойные живи (досл.: по следу человека иди), не обрубая тропы их. Сокровенные мысли друг друга узнавая, душа в душу живя, люди жить должны. Свои прихоти во вред другим не убаюкивай как младенца. Тех, кто раньше тебя солнце увидел, слушай (т.е. слушай советы старших). — *Бэе*

удялин нэнэкэл, бэе удяван энэ хакура. До довар долдынал, дял дялвар санал, бээл бивкил. Мэн энэлгэви экэл бэлурэ. Дылача нёгут ичэчэлбэ долчаткал.

7. Ветвью самостоятельной у дерева став, «сам себе хозяин» — не думай так. Доброе из себя наружу выпускай, а плохое подавляй в себе. — *Халан окса, сулин оча бихим, гуннэ, экэл дүлэви-нюн токторо. Аяви ювнэ, эруви ивнэ бидекэл.*
8. С недобрыми мыслями далеко не уйдешь, дорога их коротка и обрывочна. Лишь благими мыслями дорогу свою жизненную удлинишь. Добром движимая, мысль длинный и долгий путь проходит. — *Амаритпи дялитпи горово этэнны иста, ая дялитпи-нюн бидингэс. Гиркулкан аялкан дялис дялувдинган-нюн.*
9. Желание и страсть унижать человека из всех запретов-одё самый греховный, невиновному вину находить — самый тяжкий грех. И самый невзрачный по внешности может гордостью людей стать. — *Бэевэ хэргимнэри — одёдук одёкит. Буруйя ачин бэевэ тырэрэкис — одёдук одё. Бэе ухагун бэе соргун овки.*
10. Не радуйся плохому, даже если тебе от этого нечаянная польза выйдет. Ведь только ногти и волосы радуются смерти человека, ибо неудержимо расти на мертвом теле начинают. — *Экэл окинкат урунэ эруду. Бэе будэкин, охиктал, нюриктэл арай урунывкил.*
11. Грехи невидимо приходят к человеку, поэтому не возгордись: лицом к лицу свое же худо повстречаешь, сзади внезапно будешь настигнут тем, что сам плохого сделал. Ведь если захочешь под землей скрыться — земля тверда, если захочешь на небо улететь — небеса высоко слишком. — *Нэлумухи энэ ичэврэ эмэвки, экэл сокатта: дүлэгитпи арчадингас эруви, амаргитпи боконмудяс эруви. Хэргиски нэнэми — дуннэ маңа, угиски нэнэми — няңня гороло.*
12. Доброе и справедливое слово — вечно, от ребенка твоего к потомству шагать будет. Недоброе слово вполуха слушай, через другое выпускай, не оставляя внутри себя. — *Ая турэн мудана ачин — хутэдукис хутэлэс нэнэдингэн. Уха турэнмэ калтака сендиви долчаткал, геливи ювкэл.*
13. Слов своих на землю не роняй, разбрасывая. Так живя далеко не пойдешь. — *Турэнми дуннэду энэ гарандара. Тыкэн некэтки, горово этэнны иста.*
14. Тобой произнесенная худая речь к тебе же по твоему следу вернется, догонит тебя самого. Твои плохие слова тебе же будут сказаны, позже догонят тебя и к твоим детям придут, вернувшись. — *Эрут турэтнэс си-ты удялис эмэдингэн, боконди-*

гон. Эру турэныс дюлегидис арчадинган, амаргидис бокондингон, хутэлдүлэс эмэдингэн.

15. Сам свой рот кормя и воспитывая, живи. — *Мэн амгави ирги-нэ, бидекэл.*
16. «День длинен, год долог» говоря, так не живи. Срок человеческой жизни на земле помни. — *Инэнги эрдэ, анганы игонум, гуннэ, экэл бидерэ. Бэе бинивэн сана, бидекэл.*
17. Двуногому ни в чем не уступай (т.е. будь не хуже других людей), завистливому не подражай, тропу безрассудного не выбирай для своего пути. Хорошего человека себе в напарники-друзья ищи. — *Дюр халгалканду дюлэви экэл бурэ, эру ехачива экэл ичэттэ, дюлэ дюлэви нэнэдеривэ экэл бодоро. Аява тэричивкэл.*
18. Очаг свой разожги, ребенка роди, скотину вырасти — корнем человека стань. — *Тогово илакал, кунаканмэ балдыкал, авдува иргивкэл — бэе тэкэнин окал.*

Наставления-заветы *Иты* облечены в фольклорную форму пословиц. Хороший человек воспринимает *Иты* как нравственные нормы и придерживается их в жизни, ибо они даны небом-родителем *Буга* и творцом человека божеством *Сэвэки*.

Сила мусун и сила слова

По представлениям эвенков, все одушевленные предметы имеют душу-*ами*, а неодушевленные — *мусун* (*мухун*) — силу движения. Понятие *мусун* очень сложно. По нашим материалам, оно, скорее, соответствует понятию «психическая энергия» («живая энергия»). Неживые, на современный взгляд, вещи в системе традиционного мировоззрения эвенков живы, так как обладают силой *мусун*.

У эвенков существует много запретов-*оде*, которые остерегают человека от того, чтобы он нечаянно, ненамеренно не убил эту жизненную силу в каком-либо предмете: «Не рой землю — поранишь ее *мусун*». — «*Экэл улэрэ дуннэвэ — мусунмэн хэрэкидинэс*»; «Не дろби камни без надобности — убьешь *мусун*». — «*Экэл дёлово япчура — мусунман вадингас*».

Во времена создания колхозов и первых опытов выращивания овощей и картофеля многие эвенки не заводили огородов и не сажали картофель не из-за неумения это делать, а потому, что не хотели раскапывать землю, боясь навредить ей.

Мусун многих явлений и предметов, по мнению эвенков, могла лечить человека, способствовать удаче в жизни. Камни необык-

новенной формы и окраски считались обладающими огромной мусун. Например, громовой камень *агды охокон* (досл.: грома огонек, грома искорка) может помогать человеку силой и энергией, заложенной в нем. Такие камни находят, когда молния разбивает дерево. *Агды охокон* нужно хранить втайне от других, так как он приносит удачу, укрепляя своей мусун жизнь человеку. Он как бы служит ему источником дополнительной энергии.

Вещи, созданные человеком, тоже могли иметь мусун. Термином мусучи назывались предметы, изготовленные человеком, например лук-самострел, убивающий лося. Мусучи, мухулкэн (досл.: имеющий мусун) — так говорится и о вещах, памятных и дорогих человеку, подаренных ему. Такие вещи имеют мусун, так как несут в себе неосоздаваемый, но вполне ощутимый заряд доброго — того, чего желал нам даривший и любивший нас человек. Если придется и сегодня кому-то найти дорогую вещь (кольцо, часы и т.п.), то лучше ее не брать, повесить на дерево где-нибудь поблизости от места, где нашел, либо положить на возвышение, так как эта вещь не твоя и не тебе предназначена (потеряна случайно). Брать ее нельзя по следующим причинам:

1. Она помогает своему хозяину. Если ты ее присвоишь — отнимешь у человека то, что ему помогает жить.
2. Так как эта вещь предназначалась не тебе, то ее мусун может вести себя отрицательно по отношению к тебе, не помогать, а вредить. Вещь все равно пойдет тебе не впрок.
3. Найденные вещи, имеющие мусун, все равно «уходят», т.е. попадают в другие руки и ходят до тех пор, пока не попадут к настоящему хозяину или не испортятся: «Как пришло, так и уйдет. Это же мусучи». — «Он эмэчэ, тыкэнты хурудингэн. Мусучи бо».

Вещь-подарок, имеющую мусун, можно только дарить, т.е. передаривать, завещать, тогда эта вещь пойдет человеку впрок и будет долго служить ему. Вещи, изготовленные с большим мастерством и имеющие отношение к тому, что называется искусством, тоже были мусучи, мухулкэн. Более того, считалось, что они живут своей самостоятельной жизнью, не зависящей уже ни от мастера, ни от других людей. Особенно это касалось женских украшений и искусно изготовленных предметов труда, оружия. Ведь такие вещи служили очень долго и переходили по наследству, т.е. в течение своего срока служили многим людям, поэтому и должны были иметь самостоятельную судьбу, самостоятельную жизнь.

Слово, речь человека тоже обладает мусун. Г.М. Василевич отмечает, что случайные совпадения сказанного и исполненного

привели к тому, что у эвенков выработалась привычка быть очень осторожными в словах: нельзя было говорить худого — произнесенные слова могли превратиться в действительность, ибо они имели *мусун* [16].

Но не столько исполнения сказанного выработали у эвенков особую осторожность по отношению к слову, сколько само восприятие этого понятия. Есть специальное выражение фразеологического характера *мухулкэн турэн*. Точный перевод этого выражения: 'имеющее живую силу *мусун* слово', 'имеющая живую силу *мусун* речь человека'. Оно имеет значения: 1) волшебное слово; 2) заклинательное и заговорное слово.

Слово воспринималось как нечто живое, обладающее особой живой силой — *мусун*, и потому могло как навредить человеку, так и помочь. Старые люди, услышав ругань, всегда скажут и сегодня: «Слова их убить бы!» — «*Турэнвэтын вадинаяе!*» Если же люди уже наговорили друг другу плохих слов, то эти слова нужно как бы обезвредить, парализовать, убить. Раньше произнесение подобающей в этом случае фразы было одним из магических способов остановки, нейтрализации действия слов, способных нанести вред людям.

Представления о слове как о некоей живой субстанции отражены в языке эвенков, особенно в языковых образованиях, называемых фразеологизмами.

1) Слово может «убегать»:

«*Би-гу турэнмэв бокондои некэденны?!*» — «Это мое-то слово ты хочешь догнать?!» Данное выражение употребляют в словесных поединках, спорах, оно имеет и переносный смысл: «Ничего ты мне не докажешь».

2) Слово может «бороться»:

«*Турэндивэр горчагат!*» — «Пусть слова наши поборются!» Данное выражение имеет и переносный смысл: «Давай поспорим!»

3) Слово имеет хоть и невидимую, но все же материальную оболочку:

«*Би турэнми амгадус этэн батта*». — «Мое слово в твоём рте не поместится». Данное выражение имеет смысл: «Не переспорить тебе меня, не убедить тебе меня, потому что я прав, и мое слово больше твоего по размерам».

4) О слове можно «споткнуться», «удариться», как о любой материальный предмет, на него можно «натолкнуться»:

«*Турэнду туркэвчэ*». — «Споткнулся о слово». Выражение имеет значение: «Не смог возразить ничего в ответ».

5) Слово можно «бросить» либо «поднять»:

«Турэнми дудэнду этэм гарандара». — «Я свое слово на землю не брошу». Выражение имеет смысл: «Выполню обещанное, полностью сказанное».

Так как имя человека является словом, то все свойства слова переносятся и на имя человека. Такое же отношение было и к названиям многих животных: медведя, тигра, волка.

Имя было индивидуальным. Без него человек не мог существовать. В системе мировоззрения эвенков имя выражало сущность человека, было как бы его частицей. И оно не должно было повторяться. Поэтому имя ребенка в большинстве случаев являлось вообще новым словом. В быту, внутри семьи, не называли друг друга по имени, обходясь словами-заменителями. Муж и жена обращались друг к другу со словами *эдэ*, *гирки* (друг, товарищ). Детей называли *хутэ* 'дитя, ребенок'; *омолги* 'парень'; *хунат* 'девушка'.

Табу на произнесение имени человека связано с восприятием имени как живой субстанции — лишний раз окликать, беспокоить имя человека не нужно, считают эвенки. В подтверждение этого можно привести многочисленные случаи из современной жизни, когда подростки дети-школьники просят не называть их в присутствии других словом *хутэ* 'дитя', а называть по имени. Мы были свидетелями того, как однажды девочка просила мать не окликать ее этим словом, а называть по имени. Но мать ответила ей так: «Да сколько же мне раз [на дню] приходится звать тебя, имя-то твое устанет ведь! Имя-то — слово ведь, *мусун* имеет, устанет оно». — «*Каятын би синзэв эридингэв, гэрбис дэрдингэн эчэ! Гэрбис — турэн бо, мусучи, дэрилки тарингис*».

С подобными ситуациями приходится сталкиваться довольно часто. К примеру, по сей день эвенки придерживаются табу на произнесение имени умершего. Покойника не называют по имени, говорят чаще всего *сэмчэ* 'исчезнувший, растаявший в этом мире'. Обязательно добавляют при упоминании умершего суффикс *-гэхэ* (наха): *ами-наха* 'покойный отец', *эни-гэхэ* 'покойная мать' и т.д.

Имя давали не сразу по рождении, так как должны были накопиться наблюдения над характером, способностями ребенка, чтобы имя являло его суть. В случае беды имя меняли. У эвенков существовал запрет-оберег: «Если стрясется беда — перемени имя». Имя следует изменить, чтобы несчастье не нашло тебя во второй раз по твоему имени. И до сих пор у всех эвенков соблюдается

запрет на выбор имени и разговоры на эту тему до рождения ребенка.

Ругать детей считалось большим *оде́*, так как у эвенков имелось понятие о «тяжелом слове» (*ургэ турэн*). Если к ребенку относились плохо, ругали его, обижали словами, то небо *Буга* забирало его к себе. Так, в сказании «Старший брат Олдонындя и его сестры Нюнгурдок и Уняптукэн» (№ 3 в ч. II нашего Приложения) старшая сестра, принимая роды, выругалась на младенца — он был очень живым и никак не давал запеленать себя. Тут же откуда-то появился двуглавый орел и унес ребенка.

Душа — мысль — слово

Представления о душе являются одним из основных ключей к осмыслению и пониманию многих аспектов мировоззрения эвенков, нашедших отражение в традициях и фольклоре.

По сведениям А.Ф. Анисимова [3], у эвенков существовало представление о том, что человек имеет три души: 1) *ханян* — душу-тень, находящуюся внутри тела либо поблизости от него; 2) *бээн* — душу-тело, находящуюся всегда в теле человека. — физиологические функции организма связывались с деятельностью этого двойника человека; 3) *маин* — душу-судьбу, название которой связано с именем верховного божества эвенков Маин, определяющего судьбу человека. Все три души нужны человеку для его полноценной жизни, они являются тремя составными, потеря каждой чревата болезнями и смертью. То есть все три души связаны и составляют общую единую душу.

Г.М. Василевич отмечает, что во всех эвенкийских говорах понятие «душа» выражена словом *оми*, обозначающим полноценную многосоставную душу человека. Душу-*оми* имеют все одушевленные предметы [16].

О местах обитания души человека у разных групп эвенков существовали разные представления. Местом обитания *оми* считали голову, сердце, вены и артерии, легкие. Но было и общее в этих представлениях, то, что принималось всеми: *оми* может менять свое место в теле человека. Во-первых, это объясняется сложностью представления о душе. *Оми* — единое целое и вместе с тем складывается из составных частей: *ханян* + *бээн* + *маин* = *оми*. Во-вторых, у разных групп эвенков понятия о душе различались по стадийности развития. В-третьих, представления о душе все время претерпевали изменения. Даже в годы советской власти, когда

атеистическим воспитанием понятие о душе вообще вычеркивалось из жизни, оно не исчезло, а продолжало жить, развиваться.

В фольклоре эвенков представления о душе человека нашли свое воплощение в разных жанрах. По фольклорным материалам можно проследить, как они менялись и развивались.

Наиболее древним является представление о яйце как носителе жизненной силы. Почти во всех сказаниях можно найти эпизоды, где душа человека и его жизнь связаны с яйцом. Дожившие до сего времени поговорки: «Одно яйцо — одна жизнь». — «Умун умукта — умун ин»; «Одно яйцо — одна смерть». — «Умун умукта — умун бунн» — говорят о том же.

В сказании «Одиноким родившийся Умусликэн-богатырь», записанном нами от Анисьи Степановны Гаврильевой в Хабаровском крае, душа Умусли связана с яйцом. Выбившись из сил в погоне за улетевшей женой, Умусли лежит у края озера и говорит свои прощальные предсмертные слова (*кэретэ турэн* — досл.: 'похоронные слова-завещания, похоронное заклинание'):

— Геруканин, геруканин!
Одно яйцо моё, продыравившись,
как же не может сломаться!

.....
Умереть мне время настало! — сказал.

[13, с. 231]

— Геруканин, геруканин!
Умун умуктан идуи этэн
хултэргээрэ хултэргэдин!

.....
Хултэргээрив одан! — гунчэ.

[13, с. 230]

В другом варианте сказания об Умусликэне («Умусли — красный паучок») душа той, что должна стать женой богатыря, тоже находится в яйце, а сама она улетаёт от него, превратившись в уточку-чирка. Умусликэн гонится за своей будущей женой. Старишка, встретившаяся ему на пути, советует, как поймать ее *душу-оми*, чтобы взять в жены:

По следу пойдешь, дикую олениху встретишь. Поймай олениху за заднюю ногу. Если не ухватишь за заднюю ногу, то убежит душа-оми твоей жены. В животе у оленихи найдешь яйцо, в яйце ее душа (из архива автора).

Умусликэн — красный паучок, поймав олениху, роняет яйцо, оно разбивается. По словам информатора, богатырь «душу-оми своей жены упустил».

Согласно эвенкийскому мифу, записанному нами от Х.Ф. Хи-рогир в пос. Эконда Красноярского края, бог-творец Хэвэки создал вначале душу человека, а затем уже его телесную оболочку:

Бог-творец Хэвэки сделал вначале души людей. Души людей он сделал из серебра, в виде кукол.

Хэвэки ноноли оран бэе ханялван. Ханялва мэнгумэт оран, куклэгэчирвэ (из архива автора).

Согласно традиционным взглядам, согласно мифу, душа человека — его первоначало.

В понятие «*оми*» эвенки вкладывают представления и о душе животных. Все они *омичил*, все душу имеют.

Душа в яйце — это одно из самых ранних представлений эвенков о душе. Помещение души человека в яйцо восходит, очевидно, еще к тому периоду, когда человек считал себя и все живое чем-то единым, что имело одну основу жизни, одну жизненную силу. По более поздним и современным представлениям, душа человека все-таки находится в теле человека, душа животного — в теле животного.

В нимнгаканах о железных чудовищах чулугды, одноглазых, одноруких и одноногих, они имеют одно уязвимое место — глаз:

Глаз Чулугды в огне лопнул, сгорая. Так они убили Чулугды. Люди говорят: «Если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может Чулугды умереть. Все его тело железное, один глаз, как у человека» (из архива автора). (В данном случае глаз — место обитания души Чулугды.)

В сказании «Храбрый Содани-богатырь» душа авахи тоже обитает в глазу. Иркиничэн одолевает врага, Четырехгранного железного Сэлэмэ Дэвиндэрэ, но душа его успевает «убежать», а физическое тело остается в руках Иркиничэна:

— *Кингир-кингирдэнин!* — сказал он.
Моргнул единственным своим глазом —
Красный огонек из его глаза,
Как искра, взметнулся вверх,
Неизвестно куда долетел —
Пропал.

[43, с. 177, 179]

С поверьем о душе, которая может обитать в глазу, связано много оберегов-запретов *одё*. Например: «Глаза медведя не едят. Если съесть, ослепнут твои глаза». — «*Эхэ ехаван эвкил деврэ. Деврэкис, ехалги балидингатын*». Ослепнуть можешь в наказание за то, что погубил часть души зверя и он не сможет возродиться на земле. Эвенки совершали обряд захоронения не только головы, лап, туловища медведя, но и отдельно его глаз.

Однако с магической целью, чтоб обрести долголетие, охотник мог рискнуть сделать то, что рекомендует другой, противоположный запрет-оберег: «Если проглотить глаз медведя, не задев

зубами, долго проживешь». В этом случае важно условие — не задев зубами, т.е. не повредив этот глаз, не раскусив и не испортив его, тогда душа медведя останется целой, а ты обретишь долголетие. Существовавшая ранее и существующая поныне в среде охотников традиция отдельного захоронения глаз медведя у дальневосточных эвенков, конечно, связана с представлениями о местообитании души зверя.

Местом обитания души человека могли быть волосы. Считалось даже, что они являются заместителем человека. Об этом писали еще Я. Линденау и К. Рычков. «Эвенки верили в особую силу волос. Они могли быть временным местом для души, поэтому считались заместителем человека», — отмечает Г.М. Василевич [16, с. 224].

Вспомним, к примеру, бытовой обряд первой стрижки волос у ребенка, не описанный, кстати, в этнографической литературе. В мою бытность ребенком этот обряд не обставлялся особой подготовкой и приглашением родственников, а проводился как семейный. До года либо до полутора лет, в зависимости от того, как скоро ребенок начинал ходить, стричь и подрезать ему волосы не разрешалось. Считалось, что у него еще детская душа, сила ее и сама она находятся в волосах у темечка либо на затылке. Когда подходило время, стрижку совершала чаще всего сама мать, иногда бабушка, если она была. Мужчины — ни отец, ни дяди — не могли делать этого. Состриженные волосы сжигались, а прядь с затылка до повзреления ребенка хранилась у матери в особом мешочке, где находились волосы всех ее живущих детей. Прядки умерших сжигались. Я видела в последний раз свою прядь волос у матери до поступления в институт, в 1967 г., когда мне было 16 лет.

У эвенков существует много табу, связанных с волосами. Например, запрет остригать волосы мужа женой — укоротишь его жизнь либо семейная жизнь не будет ладиться. Нельзя стричь, обрезать волосы вечером и ночью, нельзя вечером и ночью причесываться, заплетать волосы, так как можно потерять волосинки (не все до единой собрать и сжечь), и тогда частью твоей души завладеют злые духи, отчего будешь болеть, плохо чувствовать себя. Расчесываясь, обязательно собирали все до единой волосинки и сжигали, чтобы не потерять силу. Табу на обрезание и стрижку волос вечером и ночью мне объяснили и так: «Если потеряешь хоть одну волосинку, то, умерев, будешь искать эти волосы, приходить ночью в те места, чтоб найти свои волосы». Данное объяс-

нение требует уточнения: умерший будет приходить в поисках потерянных волос потому, что часть его души осталась в затерянных волосах. Чтобы душа покинула земной мир и попала куда нужно, необходима ее целостность. В старину вообще не стригли волос даже мужчины. Мужчины носили косу еще в начале XX в. Женщины стали обрезать волосы лишь с приходом советской власти, становясь комсомолками. Большинство пожилых эвенкиек, живущих сейчас, ни разу в жизни не обрезали и не стригли волосы.

В книге «Фольклор эвенков Якутии» находим следующий запрет-одё: «Женщина не должна показывать волосы ни старшему брату мужа, ни его отцу. Покажет — будет плохо: во время болезни выдернет все волосы» [39, с. 317]. На первый взгляд, кажется весьма странной мотивировка запрета-одё, но не для эвенка. Старший брат мужа и его отец — это люди другого рода, имеющие свой очаг-огонь, а значит, и своего духа. Отношения между родами не всегда хорошие, поэтому лучше оберегать свои волосы (т.е. свою силу, здоровье, душу), не показывая их чужому глазу. Почему при нарушении запрета во время сильной болезни сама женщина может их повырывать у себя? Да потому, что в состоянии болезни человек не всегда контролирует себя, оскверненные чужим глазом волосы могут мешать, приносить страдания, и больная попытается избавиться от них — начнет рвать свои волосы.

В сказании «Иркисмондя-сонинг», Секак-красавица спасает своего племянника Чагилкана и его товарища своими волосами, опустив их в ущелье: «Зацепитесь оба за концы моих волос, а я подниму вас на эту скалу» [39, с. 215]. Несомненно, она использует здесь особую силу волос, поскольку скала, к подножию которой сбросила богатырей Дяга-Баба, настолько недоступна, что на нее «не удавалось вскарабкаться ни одному зверю, имеющему когти».

Уничтожение души человека, находящейся в волосах, описано в нимнгакане «Тывгунай-молодец», где враги опаливают чело-вечьи головы, бросая их в огонь и вынимая оттуда: «И трое суток в огне жгли человеческие кости и волосы те людоеды». В хранящейся в архиве ЯНЦ СО РАН рукописи сказания «Торгандун Средней земли», записанного и расшифрованного А.Н. Мыреевой, Иркисмондя побеждает авахи потому, что успевает прикрыть путь ускользания для души авахи: «Он крепко схватил его за ворот вместе с лохмотьями волос на затылке и, не дав ему даже закончить, бросил в мерзлую землю вглубь на девять саженей, выхватил... нож и вмиг перерезал голое горло авахи». И здесь волосы на затылке — место обитания души.

Записанная нами пословица «Когда умирает человек, то плачут его волосы». — «*Бэе будэкин нюриктэлин согговкил*» — тоже свидетельство связи души с волосами: волосы плачут, ибо их покидает душа.

В орокском фольклоре отражены точно такие же взгляды на местонахождение души — это подмышки и волосы.

Мокчу думает: «Ну сегодня твоей смерти день!» У богатыря же, когда тот шестом подпирается, подмышка виднеется. Мокчу в подмышку его стрелял [29, с. 135].

Снова женщина будит Гэвхэту. Тот встал, взял меч ее мужа и отрубил ему красные волосы. Тот моментально умер [29, с. 149].

Одним из свойств души является способность покидать тело не только в случае смерти человека, но и во время сна, как считают эвенки. Поэтому будить человека нужно осторожно, как бы предупреждая об этом его отлучившуюся на время душу, чтобы та успела вернуться.

Перемещения души эвенки определяют как «перетекание души», и очень часто определяющим словом, характеризующим это свойство души как живой субстанции, является причастие *эенмэтты* — ‘перетекающая’, ‘переливающая’, от слова *эйэ* (*эйэн*) — ‘течение’:

— Из какого-нибудь мира
Не навестил нас
Эвенк-урангкай,
Подобно мне неукротимый,
С богатырскими жилами,
С двумя ногами,
С гибкими суставами,
С плавающей душой-матерью? — сказал.

[43, с. 139, 141]

— *Эр миттулэ ир-вэл бугадук*
Эр мингэчин эрчимулкэн
Сонин сумулкон,
Дюр халгалкан,
Булдингыри му дялалкан,
Эенмэтты энин-омилкан,
Эвэнки-урангкай он-ка
Эвки бакалнара? — гуннэ.

[43, с. 138, 140]

С представлениями о способности души перемещаться связаны в фольклоре превращения героев, а также способы их бегства. Так, в сказании «Мэнгрудня-богатырь и сын его Умусликэн» душа авахи по имени Сэлэрбун убегает. Вот три примера из этого сказания (архив автора).

Вдруг один глаз его выскочил из моря,
обращаясь к Умусли. запел:

— *Бултара-бултаканин!*
Умусликэн, богатырь-человек,
попробуй-ка меня поймать.

Бултара-бултаканин!
Попробуй-ка меня убить.
Бултара-бултаннин!
Поймай меня в воде,
тогда героем будешь.
Бултара-бултаканин.

Нырнул в море Умусликэн (став рыбой), гонится за глазом. Гонится, гонится. До самого центра моря, к самому его пупу приплыл. Самое глубокое место — пуп моря. А глаз Сэлэрбуна заскочил в камешек, упал в самый пуп моря. И лежит там. Не достать его.

Душа авахи «перелилась, вошла» в камешек и на дне моря нашла себе убежище, оттуда враг издевательски поет:

Бултара-бултаранин!
Камень достав, камень сломав,
тогда поймашь меня.
Бултара-бултаранин!
Попробуй осиль меня.
Бултара-бултаранин!

Перемещение душ героев в неживой предмет — один из способов перевоплощения не только в эвенкийском эпосе, но и в эвенкийском фольклоре вообще. Так в прозаическом фольклоре восточных эвенков героини превращаются в иголку, чтобы спрятаться. То есть перевоплощения в иголку являются по сути дела перемещением, а по эвенкийской терминологии — «перетеканием» души в какой-либо предмет с целью сохранения своей жизни. Героини чаще всего, обернувшись иголкой, прячутся в женскую сумочку для рукоделия. Все превращения героев с помощью перемещения их душ в неживой предмет связаны с верой в то, что душа может покидать человеческое тело и возвращаться в него. Но самая суть этих перемещений неотделима от понимания души как средства жизни человека (*омин — бэе индевунин — омин мэндыкэн*). Отсюда логика эвенка: спрятав, переместив свою душу из своего тела в другой предмет, можно сохранить свою жизнь.

Считая душу средством жизни, эвенки ассоциировали ее с разумом. Г.М. Василевич отмечает: «Ум человека и душа — одно и то же. Бэе дялин омин-дэ умунэн» [16, с. 225]. Понятия «дял» и «оми» взаимосвязаны.

Разум, сознание, ум обозначаются в эвенкийском языке словом *дял*, как и в других тунгусо-маньчжурских языках. Кроме того, данное слово имеет еще два основных значения: 1) мысль; 2) характер человека.

Представления эвенков о дял как о человеческой мысли очень наглядно демонстрирует текст, дающий рекомендации к магическим действиям, которые могут избавить человека от плохих мыслей другого. Обезопасить себя таким образом может почти каждый. Текст записан от А.И. Лазарева, и первое, чем он обратил на себя наше внимание, было краткое описание условия, при котором совершались эти магические действия:

Это бывает — с плохими мыслями человек, а может, и шаман какой бывает. И вот эта его плохая мысль идет за тобой следом. «Пусть лосей долго не сможет добыть он!» — про кого-то подумает (пожелает). И вот эта его задуманная мысль потом за тобой следом ходит. Невидимо для глаза человека можно задавить (т.е. победить). И от этого нужно уметь избавиться.

Тар бивки — эру дяличи бэе, багар эру дяличи саман бивки. Эхилэ тар эру дялин бодовки. «Эгин бэуктэрэ!» — гунчэдингэн багар. Тар гунчэинэн дялин эхилэ бодовки. Эхит ичэврэ бэевэ тырэнкитын. Ну тара сапада нада.

Плохая мысль может увязаться за тобой только при условии, что недоброжелатель видит тебя при этом: «Старый человек посмотрел — его мысль у тебя как твой хвост за тобой будет ходить». — «Сагды бэе ичэтчэ — бэе дялин иргидус бодоктовки».

Таким образом, мысль жива настолько, что может выполнять самостоятельно заложенную в ней программу действий. При этом, как мы видим из текста, мысль обычно оформляется в словесную форму, даже если эти слова не произнесены вслух («Пусть лосей долго не сможет добыть он!»). Способ «привязывания» недоброй мысли к человеку — передача через глаза, взгляд. Здесь налицо связь понятий: душа → мысль → слово (оми → дял → турэн). «Привязывание» недоброй мысли к человеку — это то, что обычно называется сглазом, порчей.

Для того чтобы избавиться от недоброй мысли, нужно изготовить для нее вместилище. То есть недобрую мысль нужно как-то материализовать с целью ее наказания. А так как она рождена человеком, то изготавливается травяной человек. Обретшая материальную оболочку, недобрая мысль, брошенная на специально построенный лабаз, уже не может пойти за тобой — травяной человек не способен двигаться сам. Понятия «душа-оми» и «мысль-дял» перекликаются в сознании эвенка, поэтому скорее всего суть обряда состоит в наказании души недоброжелателя, ведь травяной человек мыслится как сам недоброжелатель.

У эвенков Хабаровского края обряд избавления от навязанной недоброй мысли носит название *конконохин* — от слова *конкоми* (бить, стучать каким-либо предметом о другой), что переводится

как 'добывание удачи путем битья'. Приведенный ниже текст записан от Е.Н. Соловьевой в пос. Владимировка Хабаровского края в 1989 г.

В прошлом году мой сын замаялся, ничего не смог добыть. Когда он собрался на охоту [в этом году], я сказала:

— Травы сухой принеси.

Из нее сделала женщину и мужчину. Хорошенько наказала [сыну]:

— Подальше унеси, еды им оставь. Завтра иди, с палкой, к людям тем (т.е. травяным) пойдешь, с посохом иди. Палкой этой отлупи их, говоря: «Не делайте мне плохого!».

Хорошо он отлупил их (человечков из травы). И в этом году много добыл. Мой дедушка так делал. Из-за того, что мой сын намаялся (ничего не добыл в прошлом году), я так сделала.

Геванган омонгив туркэврин, екума-кат элчэ бултара бихин. Бэюдэви некэдерэкин, би гуным:

— *Чукая эмукэл.*

Тадук очав ахива, бэевэ. Аямат мэтэвучим:

— *Часки эксэкэл, дептыетын накэл. Тымнын кэнэтын, мохичи, бэедэткэл, тиевлэч хурудов. Тар мот идакакал, гунденэ: «Экэллу минэ эрут ора!»*

Аямат дуктэчэ бихин. Эр анганма кэтэвэ бакарин. Эхэкэв тыкэ онкин. Омонгив тар туркэвнэдун тыкэн орев.

Представления эвенков о душе имеют много общих черт с представлениями о душе в мировых религиях. Соотношение понятий «душа» и «мысль» (*оми* и *дьял*), «душа» и «сознание» весьма сходно с тем, как воспринимают это буддисты. В момент смерти душа человека соответствует его сознанию: «Тело, которым ты сейчас обладаешь, называется духовным телом склонностей; оно — не из плоти и крови, и потому ни звуки, ни свет, ни видения, ничто не причинит тебе вреда: ты более не подвержен смерти. Тебе достаточно знать, что это — твои собственные мысли» [36, с. 56].

По сведениям, оставленным Г.Н. Потаниным, орочёны, отправляясь на охоту, расчищали огнище (место, где горел костер), выравнивали пепел, опрокидывали на это место котел и затем, сев в круг, рассказывали сказки. Закончив, высказывали пожелание обильной добычи, снимали котел и на пепле находили «следы зверей», по которым угадывали количество и род добычи. Свидетельство Г.Н. Потанина иллюстрирует использование фольклорного слова в магических целях для обеспечения удачного промысла [30, с. 697].

Традиция рассказывания нимнганов и улгуров перед промыслом соблюдается и сейчас, но происходит это теперь чаще всего без особых приготовлений и условностей, будто не имеет никакого отношения к охоте. Обычно рассказываются случаи из

собственной охотничьей жизни. В большинстве своем это смешные истории о различных ситуациях, в которых охотник поначалу выглядит глупо, но всегда находит верный выход из положения. Сохранение традиции преследуют ту же цель, что и раньше — слово должно помочь охотнику в охоте.

Сказитель И.П. Павлов из пос. Владимировка Хабаровского края говорил о том, что пройти дороги войны невредимым ему во многом помогли нимнгаканы, а значит, магическое и волшебное слово героического сказания. Иван Петрович в молодости стал сказителем-нимнгакаланом, т.е. владел имеющим живую силу (*мусун*) поэтическим словом. Однажды, когда началась сильная бомбежка, он прямо в окопе стал петь нимнгакан. «Было какое-то странное состояние у меня тогда. Я будто был совсем в другом мире, а не под разрывами бомб и снарядов. И это спасло меня. Нимнгакан ведь как заклинание, как колдовство и заговор. Слово нимнгакана большую силу имеет», — рассказывал он.

По представлениям эвенков, сказителя еще оберегает дух *итчи*, который также связан с силой живого слова. Дмитрий Николаевич Соловьев прошел дорогами войны до самого Берлина и вернулся домой. От него я узнала о традиции исполнения героических нимнгаканов перед дальней дорогой, поединком либо отправлением на сражение. Получив повестку на фронт, Дмитрий Николаевич перед уходом на войну несколько дней пел нимнгаканы сородичам. На войне тоже пел, хоть его и не понимали, говоря: «Опять шаманить перед боем начинаешь, Митрий?»

Исполнение нимнгаканов перед судьбоносными событиями в жизни — древняя традиция эвенков, связанная с верой в силу слова.

Вера в силу живого слова отражена также в фольклорной традиции эвенков давать богатырям, *мата* и *сонингам*, имя с определяющим эпитетом. В эвенкийском эпосе имена главных героев представляют собой сложные словосочетания. Имя должно обладать магической силой. Как говорила Анисья Степановна Гаврилова, исполнительница героических сказаний, имена героям эпоса давались не просто так: «Богатырей называли, заклиная». — «*Маталба алганал гэрбивкил бичэл*». Имя обязательно включало эпитет, являющийся магическим благословением героя, и определяло главные достоинства богатыря. Например: На бок ни разу не падавший богатырь Бочок (*Олдондиви эхи тыктэ Олдоныкан-мата*), Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь (*Дёлоримевалкан Дёлоргун-мата*), Могучую силу имеющий Сингнаны-богатырь (*Ситэри сэнэлкэн Сингнанай-сонинг*).

О силе слова эвенки сложили предание-легенду, в которой шаманка Гунилгэн своим словом-песней возродила один из эвенкийских родов. Свидетельством особого отношения к слову как к живой субстанции может служить существование у эвенков культа слова. Все ритуалы и обряды всегда сопровождаются словами, ибо, как считают эвенки, не только производимые магические действия имеют силу, но и живое слово. Заговоры, благословения, заклинания — это не только обрядовые жанры, но и поэтические формулы эвенкийской речи.

Глава III

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ШАМАНИЗМ

Данная проблема в настоящее время является предметом обсуждения широкого круга специалистов. Нам же импонирует точка зрения Н.А. Алексеева [2], Т.Д. Скрынниковой [34] и других исследователей, разделяющих понятия «традиционные верования» и «шаманизм», но определяющих шаманизм как часть традиционных верований.

Традиционное мировоззрение эвенков несет в себе черты, сформировавшиеся в эпоху мифопоэтического мышления, что показано нами в предыдущих главах. Сложившаяся в ту эпоху картина мира эволюционировала, изменялась. В наше время провести границу между шаманскими и дошаманскими представлениями уже не просто, настолько они взаимосвязаны и взаимообусловлены. У Г.М. Василевич, чьи материалы относятся к началу XX в., деление на шаманские и дошаманские представления эвенков верно. Но шаманские представления формировались не только в среде шаманов. Они развивались на базе общенародных представлений, которые синтезировали шаманское и дошаманское. Мировоззренческая картина мира у эвенков содержит различные напластования, ее целостность не исключает некоторых противоречий, но именно это делает ее подвижной и развивающейся в процессе жизни этноса.

Шаманы развили аспекты мировоззрения, важные для выполнения их профессиональных функций. По нашим материалам, у

эвенкийских шаманов и шаманок существует два основных типа камлания:

- 1) шаман лечит от болезни;
- 2) шаман правит жизненную судьбу для достижения общего благополучия человека.

В первом случае он должен найти и вернуть украденную либо потерявшуюся, ушедшую душу-*оми*, от которой зависит физическое здоровье человека. Об этом типе камлания известно в этнографической литературе. Кратко, но очень достоверно он описан Г.М. Василевич [16, с. 234—250]. Почти нет сведений о втором типе камлания, когда шаман должен улучшить благополучие подопечного, повлиять на его судьбу — как говорят эвенки, «поправить судьбу».

В настоящее время большая часть эвенков грамотна, верит в медицину и современные методы лечения, обращается к врачам. Лишь в крайних случаях, тяжело заболев, когда уже не могут помочь врачи, человек просит о лечении шамана. Гораздо чаще обращаются за помощью к шаману с целью «поправить судьбу», «увеличить длину жизненной нити-веревки» (*уеви сирада*). Второй тип камлания сейчас очень распространен и востребован эвенками. Шаманка М.П. Кульбертинова часто камлала именно с такой целью. Практикующий ныне шаман Савей (Савелий Васильев) из пос. Иенгра тоже камлает по такому поводу. Эвенки верят в то, что шаман может отвести от них удары судьбы. А это значит, что представления о душе-судьбе Маин продолжают существовать. При этом они не только существуют, но и эволюционируют. В течение многих лет мы собирали и накапливали фольклорный и этнографический материал и можем изложить и обобщить многие сведения, не известные до настоящего времени ученым. Рассмотрим вначале представления эвенков о душе-судьбе Маин в практически-бытовом мировоззрении, затем сравним их с представлениями о душе-судьбе Маин в шаманском мировоззрении.

Душа-судьба Маин в мировоззрении эвенков

Представления эвенков о душе-судьбе изложены А.Ф. Анисимовым в работе «Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований» [3].

Как пишет Г.М. Василевич, на эту тему имеются записи И.М. Суслова: «Его записи, к сожалению без ссылки, были использованы в работе А.Ф. Анисимова, который для объяснения

своей схемы трех душ (бэен, ханян, маин) назвал Маин душой-судьбой и духом-хозяином верхнего мира, вершащим судьбы людей» [16, с. 226].

По сведениям Г.М. Василевич, у норильских и вивинских эвенков И.М. Суслов в 1924 г. сделал записи о душе Маин, «которая в виде невидимой нити тянется от головы человека вверх, где хэвэки (дух-хозяин верхнего мира) держит в руке нити всех тунгусских маин (душ) и тянет за них всех тунгусов. Стоит почему-либо оборваться нити, тунгус начинает болеть и умирает. Хэвэки сам может порвать или ослабить ее. Злой дух может перекусить маин, а иногда — похитить целый кусок ее» [16, с. 226].

Кроме краткого изложения сведений И.М. Суслова в книге «Эвенки» [16] мы не находим у Г.М. Василевич других данных о представлениях эвенков о Маин.

Таким образом, никто из этнографов, кроме А.Ф. Анисимова, не писал о представлениях эвенков о душе, о Маин в частности. Отчасти это объясняется отношением к проблемам души и судьбы в советское время — о душе не говорили, о ней не писали. Правда, относительно недавно появилась работа А.И. Мазина, в которой можно найти отдельные сведения о душе в представлении эвенков, но о душе-судьбе в ней не говорится [27].

Представление нганасан о душе как невидимой нити, тянущейся от головы к небу, в современной этнографии хорошо описала Г.Н. Грачева [19]. Автор очень осторожно обращается с русским словом «душа» по отношению к понятиям, существующим у нганасан, и их термины не переводит на русский язык как «душа» либо «душа-судьба».

По нашим материалам, представления о душе-судьбе существовали у эвенков издавна, существуют и сейчас. Они стали основой шаманского мировоззрения, поэтому как бы ушли в мифологию шаманизма.

Первым доказательством существования в прошлом представлений эвенков о душе-судьбе как о нити, соединяющей их с высшим божеством или с небом, является сам эвенкийский язык. Такое понимание судьбы находит отражение в традиционных выражениях, устоявшихся оборотах речи, пословицах, сложившихся много-много лет назад.

Например, до сих пор говорят о людях, рано ушедших из жизни, так: «Веревка его короткой была». — «Ухикэнын урумкун бичэ» (т.е. это ему на роду было написано). Как видно из самого выражения, судьба как предопределение, данное свыше, ассоци-

ируется с древним понятием о судьбе Маин, о судьбе как нити жизни, веревочки, данной человеку свыше.

Иллюстрацией сказанного может служить и то, как эвенки говорят о близнецах, как воспринимают их рождение. Кроме названия *дюрмун* (*дюрмичэн*), что дословно переводится как 'двойня', употребляется также *ибири*, от *ибир* 'черта, царапина, метка' [35, с. 296]. Некоторые группы эвенков считали появление близнецов чудом. Г.М. Василевич же отмечает противоположное отношение к рождению двойни: «Двойни (*дюрмичэн*) рождались редко, и их рождение считалось плохим предзнаменованием, так как у них, по представлениям, была одна душа» [16, с. 169].

Таким образом, рождение двойни считалось плохим предзнаменованием не для окружающих, а для самих близнецов — на двоих у них одна душа, а значит, и одна судьба. Если умирал один, то считалось, что и второй долго без него не проживет. Кстати, это нередко подтверждается примерами из жизни.

У дальневосточных эвенков существует представление о близнецах как о людях, имеющих от рождения одну душу и одну судьбу, предначертанную на небесах. Приведем отрывок из текста, иллюстрирующий это. Текст записан в пос. Владимировка Хабаровского края от Варвары Петровны Заровняевой в 1989 г.

Близнецы, бывает, рождаются, их словом *ибири* называют. Потому, что судьба их небом мечена. Но близнецам плохо может быть — вдруг один раньше другого умрет. Это плохо, потому что у них одна веревка, от одной пуповины они пришли. И душа *оми* у них тоже одна. Если один из близнецов-младенцев умирает, то второй растет раздражительным, плакской, болезненным. И долго не живет без пары.

Дюрмун-кэ, бивки, балдывкил, пугарбатын ибири гунывкил. Тыхэ бидэтын, Буга бивки. Ибири бими, эру-дэ бивки — бабар умунтын сэмдингэн. Тар эру, ибириду умун ухикэнтин, умун чугурудук эмчэл. Умун омитын. Ибиридук умун тэринин сэмдинэн, ге тыкулкас, соното, будэкэс бивки. Горово эвки нэзэрэ.

Как видно из текста, судьба двойни связывается с тем, что у них «одна веревка», «от одной пуповины они пришли». Понимание судьбы как нити, веревки, данной небом-божеством, иллюстрирует древнее представление эвенков о Маин.

Отмеченные не раз в различных работах популярного характера суеверия эвенков тоже могут прояснить кое-что. Например, при трудных родах прибегали к магическим действиям: развязывали все узлы на стойбище, стреляли из ружья в воздух и т.д. Нам кажется, что развязывание узлов как магическое действие связано именно с представлениями о судьбе как о нити-веревке, данной

свыше. Развязывание узлов — это улучшение качества веревки-жизни, веревки-судьбы. Жизненная нить должна быть ровной, крепкой, незапутанной. Все узлы на стойбище развязывались, так как любая веревка, любой ремень, сделанные человеком, имели отношение к жизни и судьбе не только мастера, но и его родственников. А на стойбище все, как правило, были родственниками: каковы их судьбы-веревки, такова и судьба новорожденного, ведь он связан родственно со всеми.

Обычай шить погребальную одежду, не завязывая узлов, у дальневосточных эвенков тоже связан с представлениями о судьбе как нити: никакие узлы не должны мешать умершему, он должен уйти из этой жизни с освобожденной от узлов нитью судьбы, ибо ему жить еще где-то в другом мире, а та жизнь, по воззрениям эвенков, очень похожа на нашу.

Представления о нити жизни породили обычай при шитье не завязывать на чужой нитке узелки своими руками. Если кто-то шьет, а ты, вдевая ему нитку, завязываешь узелок, то в том мире вам будет очень трудно встретиться. Это табу эвенки объясняют по-разному.

1. Если будешь завязывать узелок на чужой нитке, то на том свете (в другом мире) вам придется обоим пролезать через этот самый узелок, чтобы выровнять свои нити-судьбы, а как двоим это сделать? Можете порвать нить. Узелок на нити жизни всегда препятствие, грозящее оборвать нить-судьбу.

2. Если будешь завязывать узелок на чужой нитке, то в другом мире этот узел будет препятствовать вашей встрече. Ты подашь человеку руку, чтобы поздороваться, — рука не дотянется, будешь говорить — тебя не услышат.

Представления эвенков о душе-судьбе Маин в виде невидимой, тянущейся кверху, к голове человека нити сохранилось и поныне в обычаях, обрядах, суевериях. Дело лишь в том, что не все эвенки могут объяснить те суеверия, которых продолжают придерживаться.

В пос. Эконда (Эвенкийский автономный округ) мы записали от Прокопия Александровича Удыгира очень интересный текст, иллюстрирующий представления эвенков о Маин. Данный текст публикуем в Приложении, в разделе «Фольклорные тексты» под № 6 — «Явиль». Содержание его таково. Шаманка, не имеющая детей, камлая, отправляется в Верхний мир, чтобы получить душу ребенка, т.е. забеременеть. Путешествует в образе дикой оленихи, так как олениха, по шаманским понятиям, является ее двойни-

ком, главным духом. Не долетев до Верхнего неба, где у Маин хранятся души детей, олениха спаривается, встретив других оленей. Тут ей сверху слышится голос. Подразумевается, что сама Маин — богиня, ведающая судьбами людей, говорит ей о том, что она сделала неправильно — спарилась с духами посередине пути, поэтому у нее родится дебил. Маин наказывает, чтобы шаманка нарекла ребенка Явилем. У шаманки действительно рождается через три месяца ребенок с заостренной головой, одним глазом. Он растет быстро, а немного подросши, начинает истреблять оленей и убивать людей. Люди шлют жалобы наверх, Маин. Просят ее решить судьбу Явиля, убить его, так как от него никому нет житья. И богиня Маин отправляет на землю своих приближенных, они убивают Явиля.

Из данного текста можно получить много ценных сведений, относящихся к мировоззрению эвенков. Подвергнем этот текст анализу и дадим соответствующие пояснения с учетом того, что было сказано самим рассказчиком.

1. Муж спрашивает у своей жены-шаманки, почему она не просит о ребенке у Маин. Значит, именно Маин посылает души детей, которые должны родиться.

Вверх к Маин почему не обращаешься за счастьем? Душу-оми ребенка попросить?

Угиски Маиндула еда эннэнны хинкэлэрэ? Кугакан омиян?

2. В тексте Маин определена как подруга (а эвенки часто называют подругой жену) Сэвэки — божества, сотворившего Среднюю землю, зверей, птиц, все живое на земле, в том числе и человека. Значит, Маин тоже представляется божеством, подругой творца Сэвэки.

Шаманить стала... Вот, став диким оленем, спариваться полетела. Э-э-э, прямо ввысь к Маин! К подруге Сэвэки.

Нимжалкакуттан... Тарты бэюнинни хиручивахинан. Э-э-э, угискэки, Маиндула! Сэвэки гиркилатын.

3. Голос сверху говорит шаманке о том, что ребенка нужно назвать Явилем и что он будет дебилом. А это означает, что Маин знает все наперед, т.е. видит судьбу. Рассказчик пояснил, что имя ребенку она дает сама, чтобы потом в случае надобности было легко его найти среди других людей.

4. Люди начинают жаловаться Маин на Явиля, просят ее убить его. То есть сами люди не могут лишить его жизни без ее

разрешения. Не могут оборвать нить его жизни, так как этим ведаёт Маин.

5. Маин выносит приговор Явилю, отправляя женщину-птицу убить его.

Текст записан нами в 1986 г. и показывает, что представления о Маин сохранились у эвенков до нашего времени. У разных групп эвенков образ Маин имеет одинаковые черты, везде её функция однозначна — давать судьбу, знать судьбу человека и распоряжаться ею.

Представления о Маин развивались, и имя её менялось. У эвенков Амурской области она стала именоваться полным именем — Аин Маин. Шаманы стали называть её по-другому — Аихит Эни.

Душа-судьба Маин в мировоззрении шаманов

Дополнительные и качественно новые сведения о Маин можно обнаружить в пласте материалов по эвенкийскому шаманизму. Рассказы, записанные нами в основном от дальневосточных эвенков, открывают интересную картину.

Поскольку охрана душ и судеб членов своего рода находилась в ведении шаманов, то именно они развили в своем мировидении представления о Маин. Представления эти связаны со многими аспектами шаманского мировоззрения, мы остановимся на наиболее важных для нас основных понятиях.

О шаманских корнях и главных покровителях шамана

Для того чтобы стать шаманом или шаманкой, человек должен иметь шаманов или шаманок в своем роду. А так как практически в каждом роду были в прошлом или есть в настоящем шаманы либо шаманки, потенциально такой возможностью обладают многие. Отдаленность во времени между шаманом-предком и кандидатом в шаманы не имеет ограничений — он может быть выбран и через много поколений. Это отмечала еще Г.М. Василевич [16].

У эвенков кандидат в шаманы избирается как по линии отца, так и по линии матери. Приведем отрывок информационного текста, иллюстрирующего эти сведения. Текст записан от И.А. Лазарева, амурского эвенка, шамана рода Кэптукэ.

Если говорить о его шаманских корнях, то предков у него много: из рода Кэптукэ, Конгучанкуров, Буягиров и Пуягиров. Чтoб стать шаманом, через отца ли, через мать ли, шаманы в родове должны быть. Толя наверняка может шаманом стать. И от рода Кэптукэ, и от рода Конгучар, и от родов Буягир и Пуягир.

Тэкэнди гунми, тэгэлин кэтэ: Кэптукэл, Конгучанкур, Буягирил Пуягирил-нюн. Саман онатпи, аминдули-гу, эниндули-гу самар бингэтытын. Толэ, тэдемэ-дэ, багар, саман онатын. Кэптукэр-кэт, Конгучаркурдук-кэт, Буягирилдук-та Пуягирилнюн-да.

Однако одного этого условия мало. Шаманки и шаманы у эвенков считались избранниками неба Буга и небесной богини-божества, именуемой одними эвенками Аихит Эни, другими — Аин Маин.

В этнографической литературе нет сведений об этой богине у эвенков. Представления о ней рассмотрены лишь в статье автора [12].

Предлагаем тексты от информаторов, амурских эвенков. Для краткости изложения даем их только на русском языке.

От Ивана Андреевича Лазарева.

Аихит-мать называемая всю тварь земную (досл.: земли соринки) растит — и пташек, и человека. Эвенки называют ее Аин Маин или Аихит-мать, Аин Маин — солнце это. Теплом своим, излучением все растит, согревает. К солнцу никто не может приблизиться, даже самолет. Сожжет. Человек-урангай с неба пришел. Аихит-мать всех теплом-излучением растит, она человека человеческом делает, Аин Маин. Огонь — от Аихит конечик (т.е. огонь дан ею, это ее часть, ее сущность). Он никогда не будет утерян (т.е. огонь вечен, из века в век не потухнет, досл.: от века к веку идти будет).

От Федосьи Герасимовны Боярковской (родилась близ Албазина).

Аин Маин — самая главная, шаманы у нее просят: «Аин-Маин, одаривай нас!» Аин Маин — женщина. Это шаманов покровительница.

Таким образом, у амурских эвенков богиня-покровительница Аихит-мать (Аин Маин) есть: женщина-солнце, дающая жизнь всему живому на земле, оберегающая жизнь всякой твари земной; родительница тепла — очага на земле, человеческого очага. Она связана со своим избранником через огонь-очаг: «Шаманы от огня камлают. Шаманы от огня (с помощью огня) действуют (досл.: ходят)».

Эвенкийское имя богини следует расшифровать, тогда станут понятными ее сущность и функции, важные для человека.

Аихит-эни. Слово *аихит* образовано от слова *ай*, имеющего два основных значения: 1) помощь; 2) спасение.

Таким образом, имя богини можно перевести на русский язык как 'Помощь оказывающая мать', 'Спасение дающая мать' либо более приемлемо для русского языка: 'Помощница-мать', 'Спасительница-мать', 'Благодетельница-мать'. Аихит Эни — это благодетельница рода человеческого, спасительница и помощница человека-эвенка.

Аин Маин. Маин: 1) дух-покровитель, хранитель душ людей и животных, ниспосылающий удачу на охоте; 2) дух-хозяин Верхнего мира; 3) душа. Это слово имеется в родственных эвенкийскому эвенском, негидальском, нанайском языках с тем же значением.

Информатор К.В. Григорьев сообщил об Аин Маин следующее:

Аихит называют, некоторые Маин называют. Вроде бог, благословительница, как у русских Христос.

Но самая главная функция богини Аихит-матери (Аин Маин) — хранить души людей, посылать душу человеку, чтобы он родился.

Как сказано в информационном тексте И.А. Лазарева, «человек-урангкай с неба пришел». Будучи сам шаманом, Лазарев так говорил о своей покровительнице:

Аихит-мать невидима (человеческому глазу), как имеющий тело человек не видится. Греха не любит. Как солнце чистая (т.е. безгрешная). Плохие слова (т.е. недобрую речь) не любит. Народ свой, сородичей своих [нравственно] чистыми хочет видеть. Я греха остерегался, плохого никогда и ни за что не делал. Бывают люди — что собаки лают (т.е. говорят плохое). Это Аихит-мать видит. Аихит-мать душу-оми человека держит, человеческую душу-оми посылает [на землю], чтоб родился.

Таким образом, имея потенциальную возможность стать кандидатом в шаманы потому, что в роду были предки шаманы, нужно еще быть избранным самой богиней, имеющей два имени — Аихит-эни и Аин Маин, получить ее покровительство.

По материалам эвенкийского эпоса, один из ярусов Верхнего мира, где и живет Аин Маин, именуется *Угу Маян* — Верхний Маян. Там же проживают и небесные девицы-птицы *кидак* и *киливли*, которые становятся женами эвенкийских эпических богатырей. Так, девица-киливли Мэнгукчэн в сказании «Гарпарикан» указывает дорогу своему суженому богатырю Гарпарикану в страну Угу Маян:

— Куми-кумикокон!
Здравствуй, Гарпарикан!

— Куми-кумикокон!
Дорово, Гарпарикан!

Страны *Угу Маян* (Верхней Маян)
местность, Семь ущелий
называсмую, одолел ты, достиг.
[13, с. 331]

Угу Маян Надан бомчава
килдыдячиллачаи, килдынны.

[13, с. 330]

Отсюда видно, что представления о Маин отражены и в эвенкийском эпосе. Согласно мировоззрению шаманов, данная богиня-покровительница живет в Верхнем мире, в эпосе же место ее проживания уточнено, дано конкретное название одного из ярусов, самого верхнего, — *Угу Маян (Угу Маин)*.

Старуха Утакан, порывшись-порывшись, крылья нашла. Взяла их и, выйдя на улицу, сказала:

— Я родилась на Верхней земле, была красавицей Маинкана [11, с. 72].
Атыркан Утакан улэксэ-улэксэ, дэктылэвэ бакачан. Бакакса, ючэн, тадук гунэн:

— *Би Угу Бугаду балдыча бихим. Маинкан киливлин бичэв* [11, с. 48].

Таким образом, и фольклорно-эпическая картина мира, и мировоззренчески-шаманская соотносятся и имеют общие корни. Несмотря на то что в эпосе эвенков данная богиня не является зримым персонажем, ее присутствие в нем как хозяйки самого верхнего яруса неба — *Угу Маян* — находит отражение. Более конкретный образ с определенными функциями находим в шаманской картине мира. Именно шаманы, определив эту богиню как свою покровительницу и наставницу, развили, дополнили представление о ней. Стать шаманом мог только тот, кто получал ее покровительство.

С представлениями о богине-покровительнице шаманов Аин Маин, или Аихит Эни, связано и другое очень важное условие как для кандидата в шаманы, так и для действующего шамана. Это представление о шаманских корнях.

Представления о шаманских корнях

В шаманской терминологии эвенков нет терминов «белый шаман» и «черный шаман», как нет и деления шаманов на добрых и злых, хороших и плохих. Деление шаманов на белых и черных введено этнографами и атеистами-пропагандистами советского периода. С точки же зрения самих эвенков, в том числе и эвенкийских шаманов, это выглядит совершенно по-другому, хотя деление на две категории имеется. Шаман не имел права делать заведомое зло — такова была и есть в настоящее время шаманская этика. Весь вопрос в том, можно ли считать злом то или иное

действие шамана, отрицательно влияющее на человека. Принципиальное же назначение шамана — служить и помогать людям.

Вот как говорил о шаманской этике, сам будучи шаманом, И.А. Лазарев:

Шаман плохого не делает, остерегается своей покровительницы Аихит. Хотя он и шаман, но и у него начальник есть. Всякой ерунды не делает. Если он сделает плохое, это к нему самому возвращается. Свое плохое (т.е. грехи) человек в мире *Буни* (мертвых) на своих плечах потом несет. Это очень тяжелая ноша. Грехи свои тяжелым грузом носит с собой постоянно, прилеплены они к его спине. Потом вот еще что — если сделал плохое, наказание на неповинных детей твоих падает. А кто хочет беды своим детям, внукам? Наказание на детей падает. От грехов некоторых людей, если это привычка жизненная их (т.е. таков их образ жизни), весь род вымереть может. Например, отец плохой, такого же ребенка воспитал — все их грехи на будущее поколение ложатся. Раньше очень боялись этого. Своих детей дорогу жизненную, век жизненный плохой человек обрубает.

Саман эруе эвки ори, Аихиттук нэлэвки. Саман-да бинэ, нян бэгичи бо. Сякэйвэ эвки ора. Эруе оракин, мэндулэн эмэвки. Мэн эруви Буни Бугаду иныхиктэдевки, кэгтырэдун намарачагачин бивки. Тар сома ургэ. Нэлумови мэнын иныктэдевки. Тадук — эруе оракин, ани хутэлдулэн тыкивки. Н'и тар эхилэ хутэлдуи эруе некэдингэн? Хадыл эрул бэл нэлумодыкитын, таргачин бихиктын, тэкэнтын манавувки. Аминын эру, омолоин таргачинты ихэвчэ — дюлехикилбэр ныгивкил. Нонон сомат сэрэнчэкивкил бихитын. Хутэл хоктолботын, хутэл уелбэтын эру бэе кончоровки бо.

По нашим материалам, эвенкийские шаманы делились и делятся на две категории:

- 1) «имеющие корни от Неба» — *угидук тэкэчил*;
- 2) «имеющие корни снизу», «имеющие корни от Земли» — *хэргидук тэкэчил, дуннэдук тэкэчил*.

«Корни от Неба» имели те, кому покровительствовала Аин Маин (Аихит Эни). Так амурский эвенк К.В. Григорьев сообщил нам:

Корень одних шаманов от Аихит, от Аин Маин. Имеющий покровительство от Аин Маин, от Аихит Эни, всегда имеет свои шаманские корни от Неба, сверху. Другие, имеющие корни снизу, от Земли, т.е. от *Буни* (одного из ярусов Нижнего мира), от Земли внутренностей, имеют корни снизу.

Хады саман бивкил тэкэнин Аин Маиндук, Аихит Энидук. Таргачин тэкэчи саман Бугагит тэкэчи бивки. Гел, Буныгит, Дуннэ додукин тэкэчил, хэргидук тэкэчил.

Таким образом, шаманы, имеющие «корни снизу», могут состояться без покровительства Аин Маин (Аихит Эни).

Все дальневосточные информаторы говорили о том, что у эвенков шаманов с «корнями снизу», «корнями от внутренностей Земли» почти не было. И.А. Лазарев знал лично 11 шаманов, с

которыми контактировал и жил, но ни одного среди них с «корнями снизу» не было. Известная шаманка М.П. Кульбертинова говорила нам, что такие шаманы бывают, но не назвала ни одного среди знакомых ей по жизни шаманов-эвенков.

Главной функцией шаманов с «корнями сверху» было не столько лечение больного, сколько «поправление» судьбы человека, т.е. влияние на его жизнь, судьбу, чтобы человека миновали несчастья, трагедии. Это гораздо более важная функция, чем просто лечение от болезни.

Шаман всегда обращается к своей покровительнице через посредство своего духа огня-очага, называемого Кулумтан. Дух огня-очага Кулумтан — посредник между шаманом и его покровительницей Аихит Эни. На вопрос, почему он не может прямо обратиться к своей покровительнице, И.А. Лазарев ответил: «Кулумтан-мать передает то, о чем я прошу». — *«Кулумтан Эни тэдэвукки гэлэдеривэв»*.

Также он сказал, что Кулумтан-мать сообщает богине о всех хороших и плохих людях, о тех, кто живет по совести, а кто нет: «Кулумтан-мать сообщает Аихит люди как живут. Хорошей ли совестью живут или, плохое делая, живут». — *«Кулумтан Эни тэдэвукки Аихитту бэл он бидерэ. Аял-гу, эрул-гу бэл. Ая майгитпар бидерэ-гу, эрут-ку некэдерэ»*.

И.А. Лазарев был шаманом, имеющим «корни с Неба», его покровительницей являлась Аихит Эни.

Шаманы развили представления эвенков о нити судьбы, о нити жизни. Как говорил И.А. Лазарев, «судьба человека зависит и от родовой нити судьбы», которая соединяет всех близкородственных людей в одну общую нить-связку, по-эвенкийски — *уе*. И те, кто живут несправедливо, портят судьбу своих детей и близких, тянут их за собой. Если вдруг как бы без причин умирает молодой человек, то эвенки обычно говорят, что его потянули родные из умерших и живших несправедливо: «За его нить жизни потянули за собой». — *«Ухикэндукин танчал еда-ка»*. Либо говорят: «Из-за грехов родственников молодые умирают». — *«Дялил анидуктын илмактал сэмдерэ»*. Часто эти слова относят к самоубийцам. Наложение рук на себя считалось большим грехом, впоследствии этот грех тянул за собой другие грехи, многие в этом роду начинали погибать так же.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в системе шаманского мировоззрения представление о нити судьбы,

нити жизни человека было развито в представление о нити судьбы, общей для родителей и их детей, общей для всех близких родственников.

Сведения о шаманах, имеющих «корни снизу»

Относительно шаманов, имеющих «корни снизу», мы располагаем материалами от М.П. Кульбертиновой. В своем рассказе она не употребляет слово «шаман» (*саман*), заменяя его словом-заместителем «поющий» (*хэгэлэн*):

«Поющий» говорят, это чтоб слово «шаман» не произносить вслух. Некоторые «поющие» с самого низа корень свой имеют. Абдучаном-то называют, вот он снизу корень имеет. Словом *абдучан* эвенки корову называют. Оленем будучи, сверху корни имеет, от солнца. Каждый шаман свой корень знает, да и сам может сказать вам, откуда корень свой имеет.

«Эгэлэн» гунывкил, тар «саман» эдэвэр гунэ. Хады хэгэлэн хэргискэки тэкэчи бивки. Абдучан-ка тар бивки, нунан хэргиски тэкэчи. Абдучан гуктэ тар хукур гунывкил эвенкил. Орон бими, угискэки тэкэчи, сигунтыкаки. Саман тэкэми савки. мэнын-дэ гундян идук тэкэчи.

О своих шаманских корнях Матрена Петровна сообщила следующее:

«Бабушка моего отца шаманкой была, из рода Гангаи. Один глаз только имела, поэтому ее называли (за глаза) «одноглазая удаганка». Половинчатоглазая была, одноглазая. Ес шаманский дар упал на меня вроде бы. Да и говорили все: «ее дар упал». Эта бабушка моя сверху корни свои шаманские имела. Тот, кто имеет корни снизу, если шаманит, будучи в не очень здоровом виде (болея), в трясине увязает. Так вот нет становится того шамана (т.е. умирает часто во время камлания)*.

Аминими эвен саман бичэ, гагаи. Калтакачи ехачи бичэ, тар элэ «чокоты дуган» гунывкил нунганман бичэл. Калтаранди ехачи, чокорок. Тар миндулэ тыкнэн бидигэн. Гунывкил-дэт: «тар тыкчэ». Би эвэм угискэки тэкэчи бичэ. Хэргискэки тэкэчи бими, нимгандяна, бумулми, левэду левэвки. Тар эхилэ ачин овки тар саман.

По нашим сведениям, шаманы с «корнями снизу» имеют своей покровительницей Земляную мать — Дуннур Эни, своего двойника в образе домашнего рогатого скота, а именно — корову.

* Объясняется это тем, что «имеющий корни сверху» шаман имеет своей матерью-зверем олениху. Олень никогда не вязнет в болоте из-за устройства своих копыт. Корова же имеет другие копыта и преодолеть болото не может с той легкостью, как делает это олень. Шаман или шаманка путешествуют по мирам в образе своего двойника, называемого в этнографической литературе матерью-зверем.

Поэтому-то среди чистокровных эвенков и не было шаманов с «корнями снизу». Шаманы, имеющие «корни от земли», были шаманами других народов — скотоводческих.

Представления о шаманских венах и выборе кандидата в шаманы

И.А. Лазарев говорил еще об одном обязательном условии, которое соблюдалось при выборе кандидата в шаманы: «Шаман по его венам находится (выбирается)». — «Саман униктадук бакаевуки». Слово *уникта* имеет несколько значений: 1) вена; 2) кровеносный сосуд; 3) артерия; 4) пульс. Как правило, в каждом конкретном случае это слово употребляется с одним определенным значением, но в приведенном выше выражении И.А. Лазарева оно имеет обобщающее значение — это и система кровеносных сосудов, и пульс человека. Чтобы выбор упал на того или иного кандидата в шаманы, он должен обладать нужной системой кровеносных сосудов и определенным пульсом. То есть вся его кровеносная система (артерии, вены, пульс) должна быть точно такой, какой обладал его предок — шаман или шаманка. Шаманство передается по линии своего рода — и матери, и отца. Естественно, физиологические признаки, гены шамана-предка передаются наследнику.

У кандидата в шаманы должна быть «сильная кровь» и ее должно быть достаточно. Значит, еще одним требованием к кандидату в шаманы было качество и количество его крови. Об этом автору рассказывал не только И.А. Лазарев.

Эвенкийский кандидат в шаманы проходит испытание не так, как, например, у якутов. Духи испытывают кандидата в шаманы, выливая всю его кровь, они меряют ее наперстками, проверяют качество. И только пройдя такое испытание, кандидат может стать настоящим шаманом.

Традиции шаманства у эвенков рода Кэптукэ

Основные сведения о шаманском костюме и отдельных традициях шаманства у эвенков рода Кэптукэ получены нами от трех старейших информаторов из Амурской области: И.А. Лазарева — родового шамана, К.В. Григорьева — оба информатора из рода Кэптукэ; Ф.Г. Боярковской — из рода Хэблмингу, состоящей в родстве с представителями рода Кэптукэ. Отдельные сведения собраны и от других эвенков.

Понятие «шаманить» обозначали словами *нимгами*, *яями*, *дяритми*. Шаманское пение — словом *дяричин*.

Шамана, не знающего дорог к луне, солнцу, называли, *малунки* (от слова *малу* — священное и почетное место в жилище), чаще всего это был семейный шаман. Камлая, шаман отмечал на специально поставленной в жилище лиственнице-*тагу* пройденные отрезки пути, когда достигал какой-то земли или места. Большие шаманы достигали 25-й земли. Отметки делались во время передышек угольком. Перед камланием убивали кукушку либо гуся. Окуривались во время камлания папоротником-*кавав*, растущим в горах в расщелинах скал. Перед камланием (в зависимости от его цели) изготавливались фигурки из дерева, ставились очищенные лиственницы с изображением глаз, носа, рта. Это были охранители, они назывались *дэрэкэ* 'личины', от слова *дэрэ* 'лицо'.

Удаганок, т.е. шаманок, по сведениям представителей рода Кэптукэ и самих шаманов, было мало. Женщины могли становиться шаманками только после прекращения детородной функции, к 50 годам. Запрет камлать в детородном возрасте у эвенков из рода Кэптукэ нашел весьма интересное отражение в эвенкийском фольклоре. В сборнике «Исторический фольклор эвенков» [22] опубликовано предание-улгур об удаганке Деерок, шаманившей в период беременности. Деерок просит покамлать, так как один ребенок болен. На это она говорит: «Как же я беременная буду камлать?» — «*Би он дочи шэвэнчэдем?*» [22, с. 150 — ориг., с. 306 — пер.]. Отец ребенка очень просит ее помочь, поэтому Деерок соглашается. Но делает следующее — она перекладывает с помощью духов свой плод в живот мужа: «Смотрят на мужа — беременный он». — «*Эдывэн ичэшиндерэ — дочи одан*» [22, с. 150 — ориг., с. 306 — пер.]. Окончив шаманить, Деерок берет плод у мужа. Но во время родов она временно сходит с ума, ее дети также становятся сумасшедшими. «С тех пор Деерок больше не шаманила беременной», — говорится в конце.

Запрет камлать беременной существовал не только в роду Кэптукэ. Этот запрет, по-видимому, был принят уже давно. И если женщина в детородном возрасте начинала «кружить по-шамански» (находилась в статусе кандидатки в шаманки), эвенки любыми усилиями пытались остановить ее. Постепенно этот запрет стал законом, и психологически женщины умели противостоять раннему шаманству, дожидаясь нужного периода.

Шаманы рода Кэптукэ камляли в головном уборе либо без него. Головным убором мог служить платок. У одних он был вели-

чиной с женский, у других чуть больше мужского носового платка. И.А. Лазарев использовал небольшой платок типа женского, позднее — мужской носовой платок большого размера. Платок мог быть использован и для утирания пота во время камлания. И.А. Лазарев лишь вначале камлания прикрывал платком глаза. Некоторые шаманы этого рода имели головной убор, но не цельный, как шапка.

Одним из шаманских атрибутов являлись шкурки медвежат. Почитали близнецов, поэтому брали от одного помета, т.е. как бы медвежат-близнецов. В 1961 г. И.А. Лазарев и его жена подняли из берлоги медведицу с тремя медвежатами, что было большой редкостью. Две шкуры стали дополнением к шаманским атрибутам, третья после камлания была оставлена подвешенной на дерево на горном хребте.

Подвески для шаманского костюма делались парными: два медведя, два волка и т.д., что отражало два начала: мужское и женское. В эвенкийском языке это передается словом *гохинан* 'единая пара'. Все изготовлялось по паре: медведь и медведица, гусь и гусыня и т.д. Как говорил И.А. Лазарев, «без пары жизни нет», именно в неразрывной связи мужского и женского начал представлялась эвенкам жизнь. Эта мысль хорошо отражена в эвенкийской пословице: «Всему живому корень-начало в понятии *гохинан* кроется». *Гохинан* — философский термин эвенков. Это некое единое начало, соединяющее мужчину и женщину, единый корень, от которого идут и жизнь, и смерть. Близнецов нередко называют этим словом, так как в них воплощено это единство: у них одна судьба, одна нить жизни, они от одной пуповины, они повторение один другого. И вместе с тем каждый сам по себе отдельная личность, самостоятельный и неповторимый в природе человек.

Культивировалось число 9, что отражает более близкие контакты в древности с монголоязычными племенами, чем с тюркскими. В своем кругу, а также при камланиях шаманы вообще не называли конкретное число, а все числительные выражали через умножение на 9. Чтобы сказать, например, «изготовьте мне 18 ровдужных бахроминок на головной убор», число 18 произносили как «дважды девять» (*дюр егин*). Если же нужно было назвать число, которое нельзя было получить умножением и складыванием девяток, то приплюсовывали число 7, изредка 3. Например: «Шаманя, я прошел 25 земель и сделал 25 остановок в пути», — поет шаман. Число 25 он произносит так: *дюр егин надан* 'дважды девять и семь' ($2 \times 9 + 7 = 25$). Ровдужная бахрама на шаманском костюме и украшения *мунчука* (из ровдуги и меха в виде кисточек) имели строгий счет. Как говорил И.А. Лазарев, «все это по строгому

счета делается». А число было единым для бахромы на штанинах, которая называлась *каптакактэ*; для бахромы на каждом рукаве, называемой *чурактэ*; для бахромы на подоле: два на девять, т.е. восемнадцать штук. Строгое регламентирование количества ровдужных полосок было связано с тем, что они олицетворяли нити жизни шамана — и его собственные, и его родни.

Мужской шаманский костюм назывался *самахик*, его шили из шкуры лося, спину окрашивали либо охрой, либо ольхой, но лишь до половины. Чаще всего ровдугу красили отваром из ольхи, а полоски наносили красной и черной охрой (*дэвэк*). На изготовление одежды шла шкура двухлетнего лося, у которого было два отростка на рогах. Бралась только левая половина шкуры. Почему? Объяснение можно найти в мировоззрении эвенков. Левая сторона чего-либо, левая рука человека более связаны с другими мирами. Левши — особые люди. А в костюме, сшитом из левой половины шкуры, легче путешествовать по иным мирам. Так считали эвенки. Костюм шился без воротника, с обыкновенной круглой горловиной, чтобы проходила голова. Шаманский костюм рода Кэптукэ символизировал небесного лося, на это указывают названия частей костюма. К примеру, нашиваемая на ступню (верхнюю ее часть) железная пластинка называлась *урун* 'копыто'. Изображение лося вообще не пришивалось на костюм, не делалось железных подвесок-лосей, поскольку костюм в целом был как бы образом небесного лося. Лосиные рога к шаманскому костюму либо изготавливались из железа, либо использовались настоящие. Но надевались они только при состязании шаманов. В этом случае оба шамана выступали в ипостаси чаще всего лосих, выпуклости-шишки на ободке бубна назывались *укурор* 'сосочки'. А если шаман камлал на судьбу человека или на излечение его, то рога не надевались.

Бубен изготавливался только из лиственницы, причем вся лиственница не срубалась, а отщеплялась лишь ее половина, вторая же оставалась на месте. Из ели, сосны, березы обечайку бубна нельзя было делать. И.А. Лазарев рассказывал о том, как одному молодому шаману, то ли по злему умыслу, то ли по незнанию, изготовили обечайку бубна из ели. При первом же камлании он умер. Объяснял информатор это тем, что ель — творение не боготворца Сэвэки, а его брата-антипода Харги, создавшего Нижний мир — *Хэргу Буга*, сделавшего человека смертным. Звук такого бубна якобы идет не туда, куда нужно, он поднимает отрицательные силы Нижнего мира, и молодому шаману этого не выдержать. Самым сильным считался шаман, имеющий 11 сосков-выпуклостей на бубне. Были и такие шаманы, которые камлали без бубна,

так шаманил И.А. Лазарев. Бубнов могло быть и несколько, коло-тушек-гехик почти у всех было по две либо по четыре, каждая из них имела свое назначение, как и разные бубны. Внешне гехики различались тем, что на конце их ручек были разные изображения из рога оленя: клюв орла, коршуна, иногда человеческая голова, называемая *дэрэ* (лицо). Бубен называли словами *дунгур* и *унгтувун*. Во время камлания нельзя было произносить этих слов, использовали слова-заменители, которые являлись ритуальной шаманской лексикой. И.А. Лазарев называл бубен *дяпкун дяланман* — досл.: 'восьмисуставный', 'восьмиколенный'. По смыслу же точнее можно перевести как 'восьмиродовой', 'восьмипоколенный', так как слово *дялан* — еще и 'род', 'поколение'.

Связь шаманов с небесными светилами

Эвенкийский шаман имел покровителя из небесных светил, звезд. Так, у амурских эвенков покровительницей удаганок была Чолбон — планета Венера. В системе мировоззрения эвенков среди планет и звезд она сама считалась шаманкой.

По сведениям Григория Михайловича Леханова из рода Буягир (пос. Иенгра, Нерюнгринский улус Республики Саха), эвенки имели о ней следующее представление:

Чолбон — женщина. Удаганка она. Песня ее (пение, мелодия и запев) от Харги (хозяина Нижнего мира — антипода Сэвэки, сотворившего Нижний мир). На шаманской одежде ее все, что нужно, есть (различные подвески шаманские), счет их — девять, помноженное на девять, считается.

Чолбон — ахи. Удуган нуган. Нуган харгит хэгэвки. Терудун бутунну бихин, егиндин егиндулэ тагивулки.

По сообщению эвенка из рода Лалигир Василия Егоровича Урканова, в Верхнем мире Чолбон считается главной: «Чолбон — начальница в Верхнем мире — *Угу Буга*». — «*Чолбон бэгин Угу Бугаду бивки*».

Эвенкийские шаманы как идеологи своего родового общества, уважаемые и почитаемые люди формировали нравственные аспекты практически-бытового мировоззрения. Они формировали и развивали в рамках своей космогонии философию бытия человека, нравственные нормы поведения. В этом их роль велика и важна. Шаманское мировоззрение — неотделимая часть традиционного народного мировоззрения эвенков, хотя у шаманов есть и свои, профессиональные аспекты в этом общем традиционном мировидении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировоззрение есть часть духовной культуры, фундамент жизни этноса. Это не только общность представлений, верований, но и общность жизненно-практических устремлений, задач в организации всего жизненного процесса как этноса в целом, так и отдельного индивида. В мировоззрении нашли осознанное выражение и общефилософские принципы бытия, и практические позиции человека в мире.

«Важное значение для внутренней интеграции этносов имеет и характерная для них общность соционормативной культуры (моральных и соответствующих правовых норм, институтов), обеспечивающая координацию поведения, деятельность объединенных в рамках этноса людей», — пишет Ю.В. Бромлей [9, с. 125]. Эту же мысль можно выразить следующим образом: возникает потребность в развитом и регулирующем поведении человека мировоззрении. При этом на первый план выступает специфическая функция мировидения — регулирующая. Мировоззрение со своей главной функцией регуляции поведения члена этноса сформировало в свое время традиции жизни, правила жизни. По Ю.В. Бромлею, под «традицией» следует понимать исторически сложившиеся формы поведения людей решительно во всех областях общественной жизни [9, с. 130]. Компонентами традиций являются ритуалы, они суть средство социального регулирования. Ритуал играет роль механизма регуляции внутриэтнических связей. Он выполняет функцию воспроизводства этнической специфики жизненного уклада и форм общения людей. Вот почему с утерей обрядности и ритуальности члены этноса теряют свои связи, а сам этнос слабеет, начинает деградировать и умирать.

Мировоззрение эвенков в своей первоначальной основе является мирозерцанием, что хорошо отражено в их сказаниях. По мере развития оно приобретает свою главную функцию — регулирования норм поведения, правил жизни этноса и каждого члена этого этноса.

Придерживаться в жизни традиционного мировоззрения, выполнять узаконенные в прошлом правила всегда было важно для эвенкийского общества, важно и сейчас. В традициях поведения отдельного человека и этноса в целом мы находим истоки сохранения этнической общности, основу выживания этноса на протяжении тысячелетий.

Из поведения бытового складывалось поведение нравственное — по «эвенкийской совести». Мировоззрение этноса определяло обычаи и традиции, сам способ жизни, в основе которого лежат эвенкийские запреты *Одё* и традиции жизни *Иты*. Утеря традиционного мировоззрения, в частности запретов *Одё* и заветов *Иты*, влечет за собой разложение этноса, меняет и физическую, и духовную сущность народности. Отказ от традиционных ценностей есть одна из причин разобщения общества эвенков.

Из-за утраты традиционного мировоззрения, нарушения традиций *Иты*, несоблюдения запретов *Одё* все беды современной молодежи — так считает старшее поколение эвенков. Об этом мы много слышали во время личных бесед. Молодое поколение плохо знает свою традиционную культуру. Молодой человек уже не так привязан к традиционному бытию и жизни в тайге. Он ориентируется на урбанизированные ценности. Но вместе с тем он не умеет жить в современном урбанизированном мире, как представители других народов, к примеру русские.

Однако не все утеряно в наши дни, не все невосполнимо. Общественно-социальная активность эвенков в последние годы обнадеживает. Вспоминается высказывание этнографа-социолога Г. Беккера о том, что любое общество, которому удастся сохраниться при угрозе распада, сохраняется благодаря осколкам системы ценностей, вокруг которых может начаться стабилизирующая кристаллизация.

Традиционное мировоззрение эвенков живо — об этом говорят наши полевые материалы. В настоящее время его можно охарактеризовать как сакральное — закрытое для чужих. Его придерживаются в основном люди, ведущие традиционный образ жизни. Именно эта закрытость эвенкийского традиционного общества (общества охотников и оленеводов) может позволить ему и далее существовать и развиваться. Воспроизведение ритуалов и возрождение обычаев в их первоначальном виде, а именно это и происходит сейчас, является гарантией сохранения этноса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

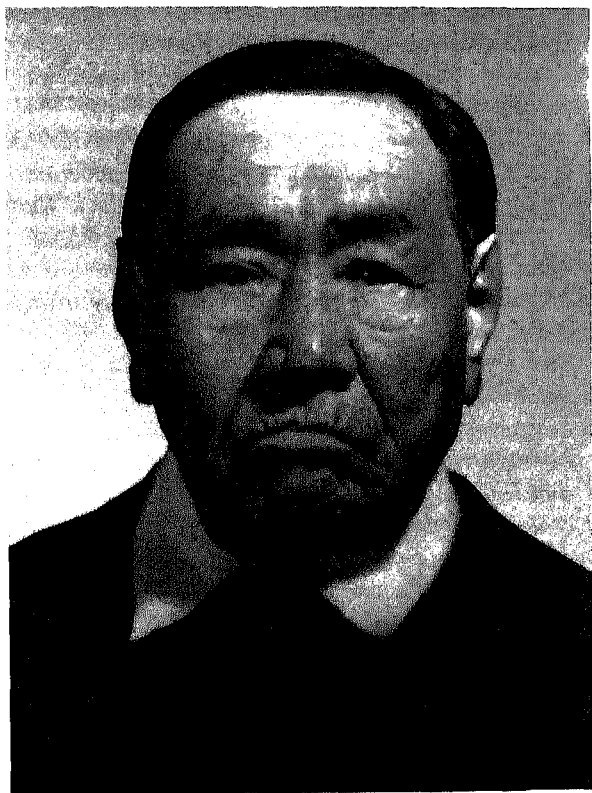

Часть I

РАССКАЗЫ ШАМАНА
ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ЛАЗАРЕВА
О ЖИЗНИ, ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ЭВЕНКОВ

О моем отце
(сведения о жизни И.А. Лазарева)

Точной даты своего рождения Иван Андреевич не знал, родился примерно в 1906—1908 гг. Остался без родителей в раннем детстве, с 4 лет на воспитание взял его близкий

Иван Андреевич Лазарев.

родственник Андрей Яковлевич Лазарев, ставший ему отцом. История эта такова, ее всегда рассказывал сам отец.

Когда он остался без родителей, то попал на воспитание к одному из родственников, эвенку по имени Ягур, из рода Кэнтукэ. Но обязанности опекуна тот не выполнял как добрый человек. Взяв ребенка на воспитание, он не обращал на него никакого внимания. Как и глава большой семьи, относились к мальчику жившие с Ягуром родственники — боялись Ягура. Отец вспоминал: «Держали они меня у двери, как щенка». — «Чоңалду, уркэду минэ мунһадыча, ғинаккан-магачин».

Однажды приехал в гости к Ягуру Андрей Яковлевич. Увидев, как относятся к ребенку, он спросил:

— Зачем вы так мучаете ребенка? Разве он щенок? Если взяли на воспитание, то и воспитывайте как следует.

— Ну и возьми сам, — ответил Ягур.

— Конечно, возьму, — сказал Андрей Яковлевич. — Еще никто не умер от того, что воспитал сироту. — И сказав так, пошел к соседям Ягура по стойбищу. Те подтвердили, что старик Ягур не воспитывает, а мучает ребенка. Совершенно разозлился, услышав такие слова, Андрей Яковлевич, вернулся в палатку к Ягуру и потребовал теплое одеяло, одежду для ребенка — было это зимой.

— Дайте мне теплое одеяло, я его заверну и на нартах увезу с собой.

— Нет у нас лишнего одеяла, — сказал вредный Ягур.

Соседи дали одеяло, кое-какую одежку. Уезжая, Андрей Яковлевич сказал старику Ягуру такие слова:

— Ты уже старый человек, но все-таки ты совсем не имеешь лица, бессовестный ты. Как тебе не стыдно? Как же ты своих-то детей вырастил? Своих-то жалел поди. Я воспитаю этого ребенка. Вот увидишь, когда я состарюсь, именно он станет мне опорой и прогреет меня.

Старики крепко поругались, и Андрей Яковлевич увез с собой маленького Ивана. Рассказывая об этом, отец всегда повторял: «Хороший человек, соблюдающий Иты, всегда сироту воспитает, жизненный век его удлинит» («Ая бэе кунһаканма бэенивки, кунһаканма уянывки»).

Андрей Яковлевич Лазарев был известной личностью среди амурских эвенков. Участник партизанской войны в Амур-

ской области на стороне красноармейцев, он много раз уводил по эвенкийским тропам красных амурских партизан от преследования белых отрядов. Жил и кочевал он тогда на территории Сковородинского района. И маленький Иван стал не просто свидетелем тех событий, но и прямым их участником вместе с приемным отцом. В 1950-е гг. на станции Рухлово была установлена мемориальная Доска почета, где высечены имена красных партизан тех мест. Есть там и имя эвенка А.Я. Лазарева.

Андрей Яковлевич воспитал моего отца как родного сына, женил его по всем эвенкийским обычаям, наделив оленями и необходимым имуществом. Его пасынок стал достойным человеком, обогрел его на старости, вырастил своих детей и вывел их в люди. С раннего детства отец воспитывал нас на запретах Одё и традициях Иты, на мифах и героических сказаниях. Именно отец вложил в меня то, что помогло мне стать впоследствии ученым-фольклористом. В 1950-е гг., по словам родственников, «на отца упал дар неба Буга». В роду Кэптукэ говорят так: «Будущего шамана находят по рисунку его кровеносных сосудов, по его венам находят». — «Саман униктадукки бакавувки». Находит покровительница шаманов Аин Маин. Отец стал шаманом, и это держалось в строгой тайне. Такова была суровая действительность тех лет, когда шаманам не было места в советской жизни. Писать о нем отец наказывал мне только после его кончины.

Наш дед Андрей Яковлевич и отец были людьми «широкого ума», как принято говорить у эвенков, т.е. дальновидными людьми. Они оба придавали большое значение образованию, понимали, что в современных условиях быть малограмотным человеком очень плохо. Отец наставлял нас: «Безграмотный человек и себя защитить не сможет, хоть кто ему хозяин будет, а жить надо своим умом». — «Эчэ татта бэе бэелду тырэвувки (досл.: не учившийся человек подавлен, унижен другими будет), ни-дэ нунгандун бэгин, мэп иргэдиви бидэ нада».

Когда в 1958 г. был закрыт прииск Кукушка, где мы жили и около которого кочевали, отец повез нас в пос. Бомнак, где был интернат для эвенкийских детей. Однако в интернат нас не приняли, мотивировав это тем, что отец

не колхозник и не хочет вступать в колхоз. Мы всегда жили сами по себе, своими оленями и отцовской охотой. Отцу отказали в интернате, но он был человеком, умеющим добиваться справедливости. Он был твердо убежден в том, что все дети имеют право на то, чтобы учиться. Внукам же красного партизана Андрея Яковлевича Лазарева должны помочь, иначе за что же он боролся? Оставив нас в Бомнаке у дальней родственницы, отец поехал в г. Зею — в «раисполкому, горкому», как говорил он. Очень долго нам пришлось ждать отца, в те времена самолеты в Бомнак не летали, нужно было по зимнику (дело было в феврале) на машинах добираться до Зеи. Мы ждали отца около двух месяцев, и вот пришла телеграмма в сельский совет из Зейского райисполкома: «Немедленно принять детей Лазарева Ивана Андреевича в интернат для учебы». Тут же нас нашли воспитатели, привели в интернат, и мы стали ходить в школу (нас было трое).

Отец никогда не отступал перед трудностями, верил в человеческую справедливость и в справедливость советской власти. Если бы он не поехал в Зею, а забрав нас, опять увез в тайгу, остались бы мы неграмотными и необразованными. Но он говорил: «Пусть я и единоличник, разве мои дети не имеют права учиться, чем они хуже детей колхозников-эвенков? Советская власть всех учит, хочет, чтоб все учились».

Отец был неграмотным, но когда мы, его дети, пошли в школу, вместе с нами он научился читать, но не писал. Он хорошо владел русским языком (говорил, правда, с эвенкийским акцентом). Отец знал множество русских и эвенкийских пословиц и поговорок. Говоря по-эвенкийски, он мог вставлять в свою речь русские пословицы и поговорки, а говоря по-русски, — эвенкийские. Обладая прекрасным чувством языка, он считал, что мы должны овладеть правильной эвенкийской и русской речью. Отец всегда говорил нам: «Умного и хорошего человека по его речи определить можно». — «Ая дяличи бэе, иргэчи бэе турэндии савувки».

С раннего детства мы уже свободно говорили по-русски. В роду Кэптукэ это считалось хорошим тоном — наши предки контактировали с русскими еще во времена их первого появления в наших местах. Князь Чуту из рода Кэптукэ

кэ имел именную саблю, пожалованную ему за то, что он со своими сородичами охранял русско-китайскую границу. Отец знал много китайских слов, мог изъясняться по-китайски, понимал якутскую речь и немного говорил на якутском. Он придавал большое значение печатному слову, жалел о том, что неграмотен и не может написать книгу об эвенках, их традициях и законах. Это его желание должна была реализовать я, что и пытаюсь сделать, издавая эту книгу.

Представленные здесь рассказы Ивана Андреевича Лазарева о жизни эвенков и их традициях — яркое свидетельство того, как относились к слову в эвенкийском обществе, как пользовались им и какое огромное значение придавали живой человеческой речи. Вслед за рассказами Ивана Андреевича приводятся также отдельные фольклорные материалы, иллюстрирующие культ слова у эвенков.

№ 1. Дедушку-медведя нужно просить-заклинать

Я однажды был медведем крепко помят. По вине напарника. Берлогу нашел я зимой. С кем брать его? Никого нет со мной. Ньюку только рядом кочевал в годах уже, я же тогда был молоденький. А люди-то говорили, слышал от них такое: «На медведя сердце у него слабовато, трусовато». Ну а кроме него никого нет! Ну вдвоем пошли брать. У напарника моего пятизарядное ружье, у меня однозарядное. Вот приблизились к берлоге.

— Давай собак отпустим с поводков, — говорит он.

— Хорошо, — согласился я, надеясь на то, что он старше и опытнее.

Собака моя тут же нырнула прямо в берлогу. Как только она заскочила туда, из берлоги медвежонок выскочил. Увидев нас, тут же назад нырнул. И вдруг, вот тебе и на!!! Мать его вылетела! И давай собак наших трепать. И так и сяк треплет. Оглянулся я — а друга-то моего нет. Выстрелив один раз, промазал да и убежал. Я тоже тут промазал, она ведь собак треплет, трудно в голову-то попасть. Пуля моя голову задела лишь. Вздрыгнула моя медведица, затрясла головой и меня увидела. Прямо в глаза мои вперилась взглядом своим! Пока я с патроном возился — она прямо тут уж стоит! Я ведь знаю, что медведь в таком случае, если оказался перед человеком, на задних лапах стоя, обязательно, как человек кулаком, ударит в лицо. Упал я вниз лицом на землю. Вот тут она стала меня терзать. Оттуда, отсюда хватает, ноги дерет, потом за спину стала кусать. Ну, теперь-то уж ничего от меня не оставит, всего растерзает, думаю. Закричал я, просить стал ее, заклинять начал:

Бабушка! Что же ты делаешь, фу, фу!

Бабушка, плохо так делать, плохо!

Младшего брата своего зачем губишь?

Братья родные ведь мы, фу, фу! — человек и медведь.

Медвежьи дети мы, фу, фу!

Грех совершаешь, нельзя

брата младшего своего губить, нельзя!

*Эвэкэ! Едяны, кире, кире!
Эвэкэ, кире, кире!
Нэкунми еда хэрэкиденны?
Нэкумэчэн бихип, кире, кире.
Эхэмуэвэн бихип, кире, кире!
Нэлумо одяны, кире
нэкунми хэрэкиденны, кире!*

Когда я такие слова проговорил-прокричал, прямо через меня перепрыгнула она, да так и ушла. Долго я болел. Только ведь пожалела она меня, послушалась моих слов, вняла моей просьбе-заклинанию. Медведь, говорят, наполовину человек — *бэе калта-кан*. Слово-просьба мое спасло меня — моих слов послушалась. Слово сильно бывает, а медведь слова понимает. Раньше вот как рассказывали, и вправду это было, говорят. О брате-человеке и сестре-медведице расскажу.

*
*   *

Жили двое давным-давно. Девушка и ее брат-парень. Одиношеньки жили. Девушка-сестра всегда только сама дрова заготавливала. На саночках из тайги привозила. Каждый день она обязательно в горную тайгу сама за дровами уходила. Вот так они и жили очень долго [пока брат не подрос]. И вот однажды, проснувшись утром, девушка стала надевать свои лучшие нарядные одежды. Ничего не объясняя и не говоря, стала облачаться в нарядные ритуальные одежды.

— Куда ты собираешься? — спрашивает младший брат.
— Куда мой глаз посмотрит, туда и пойду, — отвечает та.
— Что случилось с тобой? — брат спрашивает. — Куда ты уходишь?

— Впредь увидев меня, за зверя принимать меня будешь, — сказала она.

— Как это так? Плохого я тебе ничего не сделал, даже и не ссорились мы ни разу. Куда и зачем ты хочешь уйти?

Сестра же ничего не говорит в ответ. Одевшись, у двери встала. Дверь открывая, сказала:

— Когда, приняв за зверя, охотиться начнешь на меня, зубами своими буду кусать тебя, когтями своими царапать буду тебя. Не буду думать о том, что ты мой младший брат.

Так сказав, из жилища вышла. Ушла. Прождав ее долгое время, брат пошел по ее следам. Следы ее вели к месту, куда она

всегда за дровами ходила. Пошел по ее следу. Дошел до места заготовки дров. Видит: до места заготовки дров ведут следы сестры-человека, а дальше в лес след медведицы только. Это сестра медведицей стала. Чтоб человека вырастить-воспитать, медведица стала ему сестрой-человеком. Вместе жили, она его растила. Почему, ты думаешь, она только сама дрова готовила и брата никогда не брала с собой? Чтоб брат не знал, чтоб не напугался ее. Когда она уходила за дровами в горы, то становилась медведицей, когда же в жилище возвращалась, девушкой становилась.

Вот так медведица человека, сироту одинокого, вырастила в старину, сказывали.

№ 2. Надевание серёг на медведя

Надевание серег — это специальный обряд, когда голову его (медведя) серьгами украшают, чтоб, радуясь, душа его сказала: «Хорошо схоронили, по всем традициям»².

Голову медведя посередине, как лосиную, не разрубая. Сварят, мясо близ носа его не едят. Не разрешалось есть. Обьедят голову, потом мордой к огню, лицом к печке кладут. Утром следующего дня жердь приготавливают, топором развилку делают. На объединенную голову тряпочки привязывают, украшают, новые лоскутки нужны. Челюсть тоже не ломают, целиком оставляют. На эту жердь челюсть нацепляют. Надеванием сережек все это называют. Раньше всегда так делали, даже если шамана не было. Раньше, когда медведя добывали, шаман обычно шаманил. Голову же на лабаз клали мордой к восходу солнца.

Если, добыв медведя, перекочевывают, то тот, кто добыл, лапы себе берет. На четыре угла места, где стоял чум, на угловые жерди вешает. Задние — на задней стороне, передние — впереди. Внутренняя часть лап направлена вовнутрь чума. Сделав таким образом, человек говорит:

Детям моим на будущее добрую дорогу протори,
хорошую жизнь протори (укажи).

На месте моего округлого жилища схоронил.

На месте моего округлого жилища оставайся!

*Хутэлдув дүлэски ая хоктоё сугакал,
ая биние сугакал.*

Аруткан харандуви гулим.

Аруткан харандув эмэнмукэл!

№ 3. Медведь предсказывать может

Медведь — знаток будущего человека — и плохое может предсказать, и хорошее. Однажды невестка наша берлогу нашла было. Белковала она, очень удалая женщина была. Ну вот, пошли к месту ее находки. Поднимать из берлоги стали. А «дедушка»-то наш внутри берлоги очень шумно отряхивается: «сир! сир! сир!» — шерстью трясет. Затем головой мотает сильно, так что уши его «лук! лук! лук!» хлопают. Это значит, что недоброе предсказывает [тому, кто берлогу нашел]. Невестка наша тут, обращаясь к «дедушке», говорит:

Нельзя, нельзя! Грех!
Что же ты это делаешь, дедушка?
Фу, фу! Грех делать так!
Не надо, не делай так!

*Кире, кире! Нэлумо!
Он одянны, эхэкэ?
Кире, кире! Нэлумо!
Экэл, экэл тыкэ ора!*

Ну вот, добыли его. По обычаю, как самому молодомушку мне отдали. Натянули мы шкуру его для просушки. Очень хорошая шерсть у шкуры. Поблескивает шерсть даже. А назавтра посмотрели — шерсть вся опалённой будто стала. Опалилась сама по себе — это он плохой знак подает (плохое предсказывает). Вот невестка наша, увидев это, к шкуре подойдя, говорит:

Нельзя, нельзя, грех это!
Что случилось с тобой?
[Почему плохое предсказываешь?]
Грех, грех!
Только молодых не бери с собой
[в мир мертвых]!
Молодых не забирай, нет.
Меня саму с собой возьми!
Только меня с собой возьми!

*Кире, кире, нэлумо!
Он оча бихинны тар?
Нэлумо, нэлумо!
Эдэрилвэ экэл гара!
Эдэрилвэ экэл, экэл.
Минэмуллэвэ гакал!
Минэмуллэвэ гакал!*

Ну и вот, даже до середины зимы не дожила, ушла в тот мир. Медвежья шерсть на его шкуре к худу опаливается огнем будто, шерстинки будто опаленные становятся. Медведь и вправду предсказывать может (медведь будущее твоё знает). А вот еще, когда его в берлоге самой берешь, прямо вовнутрь берлоги стреляешь, он повернуться успевает, зад тебе свой подает-показывает, не выходя. Это тоже плохой знак. Эвенку по имени Нёкчор дважды так свой зад подал. Тогда еще всех сологонов много было, очень много эвенков рода Сологон было у нас. А вот сейчас, и лет-то мало совсем прошло, — все кончились. Мне же ни разу в жизни

зада своего не показывал — не подавал. Шкура медвежья тоже может предсказывать, плохое может предсказать — писаться сама может. В таком случае, когда укрываешься ей, из нее капли воды каплют. Вода выходит натурально: кап! кап! кап! Однажды, когда на прииске Кукушка жил, медведя добыл я. Тогда дочка у меня первая была, десяти лет. Шкуру его накидывает на себя, играя.

— Капают! Мокро! — говорит вдруг. — Дождь что ли пошел?

Дождя нет, шкура на улице висела, откуда воде в ней взяться? Из сухо-пресухой шкуры вода каким-то образом капает. Это — шкура плохое предсказывала. Так вот вскоре и не стало дочки.

№ 4. Что нужно делать, если шаман упадет в обморок камлая

Когда шаман начинает камлать внутри жилища, палку привязывают наверху. На шаманском костюме, к плечам, пришивают широкий ремень, его называют *мадахи*. Тот ремень через палку вверх протягивают. Один человек готовится, держит конец ремня.

Если шаман камлать будет, всех собак привязывают [подальше], чтоб не лаяли. Если собака гавкнет неожиданно — разом шаман падает в обморок. Руки его, ноги его вытянуты при этом [застывшие будто, не сгибаются вовсе]. Ну напугался это и в обморок упал. Его четверо, шестеро ли кое-как могут поднять и поставить стоймя. [Тут-то и нужен ремень *мадахи*, шамана поднимают и удерживают ремнем *мадахи* в стоячем положении.] Как негнушееся что-то поднимают. У эвенков раньше камень всегда был. Поднимают, а шаман неподвижно в вытянутом положении находится. По бокам двое мужчин с кремнями в руках встают. С двух сторон начинают кремнем огонь-искры высекать. Чтоб помочь, чтоб ожил. Двое же мужчин начинают кукушками куковать [по очереди, будто одна кукушка кукует, а другая ей отвечает]. Двое мужчин кремнями своими искры высекают по обе стороны. Двое же продолжают куковать. Шаман же в это время будто мертвый бывает. Ремнем *мадахи* его в стоячем положении удерживают. Долго-долго так двое искры кремнями высекают, а двое кукуют. Вот так когда делают, шаман тоже куковать начинает [отвечать на кукование начинает]. Кукующие с шаманом продолжают куковать [все энергичнее и быстрее, а шаман начинает отвечать им]. Вот шаман, кукуя, начинает постепенно оживать. Как только он начинает отвечать на кукование, колотушку его шаманскую дают ему, в руку всовывают. Потихоньку шаман оживать начинает. Бубен ему

дают. Так продолжая куковать, куковать, трижды вокруг себя его поворачивают. На третий поворот он ноги свои находит (сам уже стоит на ногах), начинает бить в бубен. Вот так оживает. От внезапного лая собаки шаман в испуг впадает. Таким образом вот, так шамана оживляли. Шаман при камлании от внезапного звука пугается, в обморок падает. Будто мертвый становится. Так делая, кремнем искры высекая, кукуя попеременно, оживляли его. Приходить в себя начинает, начинает петь *алга* (песню-благословение):

— Хвостатое существо, принадлежащее человеческое тело имеющим, выпрыгнуть душу мою из тела моего заставило, — поет. Это он об испуге своем так говорит. — Но даже если и такое случилось, все добром будет!

Собаке, имеющей привычку много лаять без причины, завывали тряпкой морду.

№ 5. Что нужно делать, если слова плохого человека за тобой ходят³

Было раньше, допустим, с плохими мыслями человек или шаман с плохими мыслями пожелал тебе неудачу. Его плохие мысли следовали по пятам за человеком, т.е. сбывались. «Пусть он не убивает лосей», — допустим, подумал тот, это его желание шло по пятам за человеком. Так невидимо для глаза человека его победить могли. Это нужно знать, если такое случится с тобой, если плохое пожелание кого-то будет тебя преследовать, ты так делай, как я делал. Если такое случалось, я поступал так. Знаю, чье-то плохое желание преследует меня — уже целый месяц не могу убить лося. Я беру траву, делаю из нее человека. Собаку ему делаю. На почетное место *малу* на подушке сажу, затем «ну, давай покурим» говорю, травяному человечку говорю. Скручиваю из бумаги самокрутку, зажигаю ее. О, табак дымится, как будто человек курит. Потом беру шомпол от берданки. Раньше шомполы к берданкам железные были. Затем как тресну его, колочу его, приговаривая:

Теперь ты будешь ходить за мной?!
Ходить теперь будешь за мной?!

Поколочу его как следует. Утром делаю лабаз из лиственниц — туда бросаю его. Тем же утром еду на охоту. На завтра обязательно убиваю. Убив, освежую. Затем из лиственниц нужно сделать мне человечков-охранителей. Четырех. По четырем углам того места, где свеживал лося, расставляю, втыкаю в землю: тут одного, там одного, там и там одного. Мажу их кровью лося, приговаривая:

Богиня Аихит благословила!
Богиня Аихит дала мне!
Теперь не ходите за мной!
Богиня Аихит помогла!
Теперь не преследуйте меня!
Это вам пососать немного!

Так приговаривая, я мажу сделанных из лиственниц человечков, мажу их. После этого эти человечки, личики называются, остаются там. Так я делал, если кто-то желал мне плохого и его слова преследовали меня.

№ 5. Он оннара, эру бэе дялин бодорокин

Тар бивки билир, эру дяличи бэе, багар эру дяличи саман бивки. Эхилэ тар эру дялин бодовки бэевэ. «Эгин бэютырэ», — гунчэденэн багар, тар гунчэнэн дялин эхилэ бодовки. Эхит ичэврэ бэевэ тырэнкитын. Тара сада нада, таргачин оракин синнюн, эру бэе дялин синэвэ бодорокин, си тыкэн оннаран одаи, мингэчин. Таргачин оракин, би тыкээ овки бихив: Сачаннам, ги-кэ эру дялин бодочо минэвэ — бега оран, бэюнмэ эгнэм вара. Эхилэ би ороктово оннам, ороктово бэенгнэм. Нинакинан оннам. Малуду тыруду нэнгнэм, эхилэ «кэ, дамгатыгат — гунигнэм», ороктомо бээлэ гунигнэм. Кумагидук дамгава чакилингнам, эхилэ нулингнам. О, типидявки дамга, бэе дамгатыдыригачин. Тадук берданкаи чом-пурван ганнам. Нонон берданка чомпурин сэлэ бо. Тар некэндэнэ, де тэхачиннам, дуктэячингнэм, гунденэ:

*Эдук минэ бододес?
Бододес минэ эдук?!*

Аямат дуктэячингнэм. Тэгэлтэнэ дэлкэкэнмэ ныннудук оннам — таду нодангнэм. Эхилэ тар-ты тэгэлтэнэ бэюннэм. Тыминан еми-кат вангнам. Эхилэ тар ваха, хигингнэм. Мучуктэкэрдук одав нада бээкэрэ, дэрэкэрэ. Дыгинмэ дэвундуи дыгин кириду тэвунгнэм: эду умуконо, таду умуконо, тала, тала умуконо. Тарингилви бэюн сэ-хэдин хикингнэм, гунденэ:

*Айихит бэлэрэн!
Айихит минду бурэн!
Эдук эгнэкэллу бодоро,
Айихит бэлэрэн!
Эдук эгнэкэллу бодоро!
Эр сунду укунду эхилэ!*

Тыкэн гуннэ тар дыгин няликир мучуктэдук бээкэрэ онаи, хикчэнгнэм. Эхилэ бээткэр, дэрэкэр, тыкэн-ты дэвунду эмэнмув-кил. Тыкэн онкив би, эру бэе дялин бодокторокин.

№ 6. Домин⁴

Добыв медведя, ритуальное блюдо *тэкэун* делают. Мясо дикого оленя или лося очень хорошо на плоском камне бьют, как фарш становится. Даже лучше, чем на мясорубке, становится — очень хороший фарш. Затем добавляют медвежье сало и варят. *Тэкэун*, остыв, очень вкусным бывает. И вот в поедании *тэкэуна* мужчины соревнуются. Медвежье сало, жир — очень тяжелая пища, много не съешь. *Тэкэун* тоже такой. Слабый человек не соревнуется — сколько ему съесть-то! Вот садятся в одном доме, готовятся: застежки на верхней одежде все застегивают, пояса подпоясывают, ноговицы же развязывают — такой порядок. Садятся, котел им ставят. Ложки деревянные ритуальные были, большие. Затем [одной ложкой] по очереди по ложке глотают. Ложками и считают, кто сколько съел. Едят *тэкэун*, съедают, подсчитывают, кто сколько съел. Потом начинают есть голову, до блеска костей объедают. Только мясо около носа и нос не едят. Челюсти медведя не раскалывают, так объедают. Вот когда так едят-едят, начинают пуговицы расстегивать, ремни снимать, наедаясь до отвала. Так соревновались раньше. Когда челюсть объедают, обглодают дочиста, гадать начинают. Бросая челюсть, спрашивают:

— Хорошо ли я жить буду?

Если она падает как нужно — хорошо жить будешь, если опрокинется — плохо жить будешь.

№ 7. Хождение к Аихит Эни за ребенком (роды)

Когда женщины рожают, так произносят благословение *алга*:

Пусть хорошо к богине Аихит Эни сходит за ребенком!
Великая мать-*аи*, помоги!

Это говорит-просит помогающая роженице старушка, зовет Аихит-мать. Ребенка-то дает Аихит-мать. Урангкай это есть *аи*-человек (настоящий человек), эвенк-то — урангкай тоже. Роженица ведь *аи*-человека рожает, поэтому так и говорят: «Пошла к богине Аихит-матери за ребенком». Аихит-мать на солнце находится, глазами ее увидишь. Все урангкаи — дети Аихит-матери. У кого детей не было, раньше у Аихит-матери просили. Аихит-мать может и оленя дать (душу оленя послать). Общение с Аихит-матерью только через огонь можно осуществить. В основе всего она (досл.: корень ее очень глубоко).

№ 6. Домин

Эхэвэ бултахал, тэкэнмунмэ овкил. Уллэвэ ороннива-гу, мэ-
нэтунгивэ, бэюннгивэ-гу аямат-аямат дёлоду сукэт иктувкил, парс
овки. Мисарупкадукат хулэтмэр — ая овки. Элэ эхэ имурэннюнын
иривкил. Тэкэмун тукми, сома ая бивки. Де тэкэмунмэ депнэл,
бээл гукчанывкил. Эхэё имурэнын ургэ, маңа, кэтэе этэнны ни-
мнэрэ. Тэкэмун нян таргачин. Мулток бэе эвки гукчана, ахумия
дебдингэн! Элэ умун дюду тэгэвкил, бэлэннэвкил: имэннэптулвэр
имэннүвкил, тэлегилвэр тэлегивкил, арамухилвар гурэвкил — тар
тыкэ сокон. Тэгэвкил, каланма тэвувкил. Модук овчал умкар бихи-
тын, хэгдындял лоскал. Тарит умутоно амгахиндянал, депивкил.
Умканди-ты тангивкил, нги ахунма депри сэнэчи. Тэкэмунмэ тэкэ-
тэчивкил, манавкил, тангивкил нги ахунма. Тадук дылван депилив-
кил, эхэ дылван конгорухилдалан депивкил. Онгоктовон эвкил. Эхэ
дегвэн эвкил ёлдолихина, унмэвкил тыкэнты. Тар дебденэл-дебде-
нэл, имэннэлбэр имэннуливкил, тэлегилбэр лукиливкил, аювдя-
нал. Тыкэн гукчанынкитын нонон. Тадук дегвэн бутуннүвэн ун-
мэвкил, эхилэ торакивкил. Дегвэн гаранданал, ханнүвкил:

— Аят-гу бидингэв?

Тэвэрэкин — аят бидингэс, онганчадян — эрут бидингэс.

№ 7. Аихиттанагин

Ахал балдыллактын, тыкэн алгавкил:

Аят аиттанагин!

Аихиткун, бэлэдекэл!

Балдыдари ахиду бэлэтчэри атыркан тыкэн гунывки, эривки
Аихит Энивэ. Тар Аихит Эни бо хутэвэ бувки. Уранкай тар ай-бэе
бивки бо, эвэнки-уранкай. Балдыдари ахи ай-кунаканма балдыв-
ки, тарит гунывкил: «Аихиттанагинан». Аихит Эни сигунду бивки,
этэнны нунганман ичэрэ. Бутунну уранкай Аихит Эни хутэлин. Ни
хутэе ачин, нонон Аихит Энидук гэлэнкитын. Аихит Эни оронмо-
кот бувки. Аихит Эни тогодук гавки. Дугэн со горо.

№ 8. Мазанье сажей⁵

Женщина рождает ребенка в специальном (другом) доме. Как родился, его еще [некоторое время] не вносят в жилище. Затем роженица берет на руки новорожденного, несет в жилище. Как только она вошла, или отец ее, или мать ее берет золу (сажу) с огня и мажет ребенку нос, щеки, подбородок. Мажет, приговаривая:

Отец твой, мать твоя, бабушка твой!

Бабушки твоей огонь (очаг)! Дедушки твоего огони (очаг)!

Как бабушка твоя разжигай очаг (огонь)!

Делают так, чтоб, выросши, знал и помнил мать, отца, деда, бабушку. Чтоб долго жил, счастливо жил. Затем (немного погодя) умывают ребенка.

№ 9. Хули

Хули называют просьбу о камлании и то, что должен сделать при этом просящий. Порядок такой, по-русски — обычай. Шамана просят, чтоб его шаманский дух-очаг помог просителю. «Пошамань мне» — так не говорят, порядок *Иты* есть (т.е. традиция), так и просят. Кочуют и вдруг встречают шамана, просят, чтоб пошаманил, через свой очаг-огонь узнал. Просят, говоря:

— Дорогу жизненную мою увидь.

Греют бубен. Просящий трубку шамана раскуривает, один-два [раза] потянет, представляет в мыслях, о чем хочет узнать. Затем шаману трубку его подает, говоря:

— Увидь сон, как я буду жить.

Если просящему долго не попадается, к примеру, лось, то о том просит:

— Увидь сон, где меня лось ждет, благослови!

Шаман бросает, гадая, колотушку, исполняя заклинание:

Аин Маин, какова его будущая жизнь, скажи!

Аин Маин, одели его добычей!

Аин Маин — это дух главный шамана (досл.: корень его). Она бывает женщиной, у некоторых шаманов этот дух мужчина. У духов-помощников просит [шаман], чтобы помогли.

№ 10. Кокай-шаман

Женщине нельзя *малу* (священное место в чуме) наперерез пересекать — это *одё*. Нельзя так ходить ни снаружи, ни внутри. Если женщина какая-то так пройдет — либо олень, либо человек

№ 8. Еллувкэ

Ахи хутэвэ хунту дюду балдывки. Дюлавар усо эчир иврэ нуганман. Балдыча ахи нална, нирайва эмурэн. Идекенын амин-ну, энин-ну тогодук эллава гавки, тадук онгоктовон, анчарван, дегвэн хикивки, гуннэ:

*Аминны, энинны, эхэкэс!
Эвэс тогон! Эхэкэс тогон!
Эвэгэчинми тогое илаттаи!*

Тыкэн овкил ихэвми, садан энинми, аминми, эхэкэлви. Гороё бидэн, аят бидэн. Тадук булкувкил хутэвэр.

№ 9. Хули

Хули, гунывкил, тар саманма «самакал» эвкил гунэ, «хуликал» гунывкил, самандан гэлэнэл. Порядок таргачин бивки, лучадыт «обычай» гунывкил. Саманма гэлэвкил, тогон бэеду бэлэдэт-тэн. «Минду самакал», — эвкил тыкэ гунэ, иты бивки, тыкэнты гэлэвкил. Нульгиктэденэл, саманма арчавкил, тар самандан, того-дукки садан, гэлэвкил хулидан. Гэлэвкил, гунденэл:

— Хоктовоов ичэкэл.

Унтувунман илевгивкил. Гэлэдери умугунман нулилки, умун-дюрэкэн танылки, дялдавки ева садаи некэдерэн. Тадук саманду бувки, гунденэ:

— Толкиткал, он бидингэн.

Бэюнмэ-гу гороё энэ вара, тара гэлэвки:

— Толкиткал, иду бэюнми алатчаран, алгакал!

Саман, гехикки гарандачивки, алгадяна:

Аин Маин, эдук дюлэски он бидингэн!

Аин Маин, боридякал!

Аин Маин — тар дугэн саманнин. Ахи бивки, бэе-кэт бивки. Эхэлдукки гэлэвки, бэлэдэтын.

№ 10. Кокай-саман

Малува ахи эдэн кончо нэнэрэ — тар одё. Эвкил нэнэвкэнэ тулили-кэт, доли-кэт. Кончорогор ема-вал ахи нэнэден — орон-ну, бэе-гу бувки. Орон буми — аяргун бувки, тар дючи бэедук.

умрет. Если олень — то лучший умрет, из стада того, чей *малу* наперерез пересекли. Ни за что не позволяли *малу* пересекать. Очень остерегались (досл.: за большое *оде* принимали). Огонь тоже нельзя по кругу обходить. Это тоже *оде*. Если кто-то так сделает — шаман огонь лечит.

Оленя, задавленного медведем, не едят — *оде*. И по сей день не едят. Волк задавит — тоже не едят. Бросают. «Грех, *оде*» — говорят. Поэтому и не берут.

Иванов Кокай был, шаман. Молоко оленя не ел, даже чай не подбеливал. Потом зайца, белку, медведя не ел. Еще никакую утку, гуся не ел. Он ведь шаман — они помогают ему, когда он шаманит. Шаман, шаманя, денег не берет. Когда советская власть пришла, «шаманы за деньги шаманят» — стали говорить. Это неправда. Неправда, ничего они не брали. Оленя-то забивают для больного, его не едят, ведь на лабаз кладут. Предназначенного для камлания оленя ножом не убивают — *оде*. Из дерева заостренные колья делают, из сухого дерева. Этими деревянными шампурами убивают, протыкая. Ножом не режут у него ничего. Убивают заостренными палками, лабаз делают, туда кладут головою на восход солнца. Этим оленем шаман излечивает человека. Вот и все, ни денег, ничего другого не брали. Отца нашего вначале его невестка (жена родственника) вылечила. Почему-то, отчего-то отец наш с ума стал сходить. И вот куда-то уйти, убежать хочет, ум у него сломался. Ну вот, чтоб не убежал куда попало [не помнит ведь себя], связали. Всё уйти, убежать куда-то норовит, веревки рвет. Семь дней связанным держали. Даже кости на руках вышли. С ума сошел ведь, не могут осилить его, пытаюсь удержать. Вот и держали связанным до тех пор, пока кости не показались. Но вот на его добро невестка та приехала к ним, они отдельно кочевали. Вот она и вылечила. Отец так рассказывал.

«Что-то случилось со мной, в Нижней земле — *Хэргу Буга* — оказался. Вот прибыл туда, а меня не принимают. Внизу не хотят меня принимать, в Нижнем мире *Буни* не берут меня.

— Не должным будучи прийти, ты пришел, — говорят. — Не принимаем тебя, возвращайся.

Вот так это происходит, люди там есть, так мне говорят. И вот когда я в мире мертвых — *Буни* — был, вдруг послышалась песня шаманская. И вдруг что-то за шиворот меня зацепило. Подняло вверх. И вот я, кружась, поднимаюсь. Где-то далеко-далековерху немножко светлее. Туда на железной цепи, кружась, под-

Адяс малува эвкил кончо нэнэвкэнэ. Одёкичингкитын сомат. Тогово нян энкитын хороливкана. Тар нян одё. Тогово нивэл он-мал хоролдингон — саман тогово аичивки.

Оронмо эхэ тырэнэвэн эвкил дептэ — одё. Эткэн-кэт эвкил дептэ. Иргичи-гу тырэдингэн — нян эвкил дептэ. Нодаховкил. «Нэлу-мо, одё» — гунывкил. Тадук эвкил гара.

Иванов Кокай бихин, нян саман. Орон укумнывэн эхи дептэ бихин, укумныдарэ-кэт энкин. Тадук тухакива, улюкивэ, эхэнгивэ эвки дептэ бихин. Тадук екуды-кат ныки уллэвэн, нюнтякива эвки дептэ бихин. Нунан саман бо — тарингилин бэлэчивкил ним-нандяракин. Саман нимнаныха, карчива эвки гара. Тар совескай оракин, «самар карчиду нимнанывкил» — гундеритын. Тар улёк. Улёк, екуна-кат энкитын гара. Оронмо вавкил бумудериду, тара эвкил дептэ бо, дэлкэнду нэвкил. Нимнанывды оронмо эвкил котот вара — одё. Молдук силавурва овкил, бучукин молдук. Эхилэ силавунди вавкил, гидаланал. Котот эвкил екунман-кат минэрэ. Силавундил вавкил, дэлкэнмэ овкил, таду нэвкил дылван сигун юптулэн. Тар оронди аичивки бээвэ саман. Таригда-ты, карчива-кат екунма-кат эвки гара. Аминмавун ноноли киннын айча бихин. Еда-ка, он-ка она, аминмун тохзилчэ, сумасэхилчэ. Эхилэ хурудои, тухадаи илэ-кэ некэдевки, иргэн хукчавча. Элэ тар эдэн хуру мэнэк хэркучэдевкил. Хурудои, тухахиндаи некэдевки, ухилбэ пэхиденэ. Надалладу хэркучэчэл. Эхилэ гирамналин юктэн. Тохэйдери бо, эвкил кейра, дявалатчали. Хэркучэвкил эхилэ, гирамналин юктэнэн. Эхилэ тар аядун киннын идук-кэ эмэчэ нугардулатын, хэрэкэлтэ бичэл. Тар эхилэ айча бихин. Аминмун улгучэ-нывки.

«Он-ка оча бихим, хуручо бихим хэргиски. Тала исчалав, элле гада минэ. Эвкил нела гада, Буні бугаду элчэл гада.

— Энэтпи эмэрэ эмэчэ бихинны, — гунывкил. — Этэрэв гада, мучунат бихинны.

Тар некэдерэкин, бээл таду бивкил, тыкэн гунывкил минду. Буні бугаду бидерэкив, екун-ка хэгэн-дярин олан. Тадук кэтэктү-лив екун-ка човоколорон. Угиррэн. Эхилэ тыкэн пэриденэ, угирив-деву. Иду-кэ гороло-гороло утиски мунэкэн багдаладявки. Тарты-коки куюргит, пэриденэ, угиривдем. Куюргив пэхиргэмо! Куюргив

нимаюсь. Поднимаюсь. Цепь вот-вот будто обрывается! Цепь железная растягивается, я, кружась, поднимаюсь вверх. Вот так кружа, кружа, вдруг, “у-у-хук!” сказав, лебедем стал я. И вот лебедем став, с криком “у-у-хук!” кружу. И в это время вдруг слышу звук шаманского бубна. Трижды произношу “гок!” и вылетаю в верхнее отверстие. Дыра-отверстие тут же захлопывается со звуком “коп!”».

Так рассказывал отец наш: «Невестка спасла, если бы не подняла из *Буни*, там бы остался. Окончательно сошел бы с ума. В мире *Буни* и остался бы». Но вот до старости же он дошел, восьмидесяти девяти лет отроду умер.

Кокай-дедушка твой тоже сильным шаманом был. Вот тетя наша, жена отца, заболела сильно. Заболела, грудь у нее опухла, с ребенком ведь она, младенец. И старик Кокай решил вылечить ее. А в это время отец наш одного русского привез, куда-то на прииск вез. И вот этот русский у нас, а старик шаманить начал, тетушку лечить. Камлая, бубном своим взмахивает, гной и слизь берет в бубен. А присутствующие вторят шаману, помогают, чтоб в Верхний мир поднялся. Этот русский сидел-сидел, да тоже стал подпевать. Поддерживающим шамана стал вторить: «О-о-о!» — поет. Смешно. Засмеялись тут мы, дети, засмеялись.

— Не смейтесь, устыдитесь, — старик один сказал.

— О-о-о! — наш русский подпевает.

И вот камлающий говорит русскому:

— Табак прикури, — трубку свою дает. А родина этого русского далеко, вдалеке где-то, в Зее вроде. Ну прикурил тот, подал трубку шаману. И вот этому русскому тот говорит:

— У жены твоей спина немного горбатая, — говорит. Переводят ведь тому. — Это правда?

— Правильно, — тот отвечает. — Такая у нее спина, немного горбатая.

— Собака твоя рыжая, совсем красная. Это правда?

— Правда правдой, — тот соглашается. Откуда шаману Кокаю было видеть раньше жену его, собаку его?

— Дверь дома твоего направлена к нам, корова твоя пегая, с одним рогом, — сказал, — это правда?

— Правильно, правильно, — наш русский кивает головой. Соглашается, удивляется. Как это он знает, думает?

Хороший старик был. Немного выросши, я у него помощником стал (досл.: идущим по его следу стал). Погрею его бубен — тут же звучать хорошо начинает. На это он сказал тогда:

сунтадявки, би пэрикэтчэнэ, угириждем таду. Де тыкэ пэриденэ-пэриденэ, “у-у-хук!” гуннэ, гаги ом. Элэ “у-у-хук!” гаг оха, пэрикэтчэннэм. Тар некэдерэкин, унтувун игилчэ, тар туктывдерэкин. Иларакан “гок!” гунчэ, тадук угу санардули юхинчэ. Эрты сангарин “коп!” катавча».

Тыкэн сэхэргенгин аминмун: «Кинныв айрин, эхикин туктыврэ, таритты эмчэв мучувра. Тохэимчэв. Тарты Буни бугаду эмэн-мумчэв». Кэ, сагдандалави эмэрэн эчэ, дяпкундяр егичи сэмрэн эчэ.

Кокай-эхэкэнгис нян сома саман бихин. Де экинэхэ сот бумуллин. Бумулчэ, укунын авулдявки, хутэчи бо, нирайкачи. Эхилэ этыркангэхэ Кокаиндя аиттай некэвки. Тар некэденэ, аминмун умун лучава эмучэ бихин, илэ-кэ пиriskэлэ хурувдэчо. Элэ тар луча мунду бивки, этыркэнгэхэ нимганыллан, экинэхэвэ аичиллан. Нимгандяна, унтувундии, арпухилихихыхэ, няхава, чулэнмэ гавки. Эхилэ илегал дяричивкил бо. Нимгандяриду дяричивкил, бэлэтчэвкил, угириздэн Угу бугала. Тар лучавун тэгэтчэнэ-тэгэтчэнэ, нян дяричиливки. Дяритчарилва аламавки: «О-о-о!» — гунывки. Инемо. Инеливкил бо, бу кунакар, инеллэв.

— Экэллу инерэ, халдячилдян, — этыркэн умун гунывки.

— О-о-о! — лучавун дяритчавки.

Элэ самандяри гунэн лучаду:

— Дамгая нулкал, — умугунми бувки. Тар лучавун буган горококи, нески иду-кэ, Дееду. Тар нуллан, бурэн умугунмэн. Элэ тар лучаду гуныллэн:

— Атырканны кэнтырэн кэдэлимчэ, — гунывки. Перевотта-дявкил бо. — Тэде-гу тар?

— Правильно, — тарингин гунывки. — Таргачин кэнтырэн, кэдэлемэ.

— Нинакинны хуларин, муларикун. Тар тэде-гу?

— Тэдемэ-ты тэде, — тарингин люгливки. Саман Кокай идук атырканман, нинакинман ичэдингэн?

— Уркэс эвэски, хукурис бугды, иен калтагур, — гунэн, — тар тэде-гу?

— Правильно, правильно, — лучавун люгливки. Люгливки, сохиивки. Он саярэн, гунчэвки?

Ая этыркэн бихин. Мунэкэн ихэвуксэ, би нунгандун бодолдыври орив. Унтувунмэн илегингнэм — эрты гурэдевки. Тарингду гунрин:

— Большим человеком станешь, когда ты ведешь меня (помагаешь камлать), я Верхней земли — Угу Буга — тут же достигаю. Наверное, и на тебя дар шамана упадет, особый ты человек.

Кокай ведь мне шаманские дороги показал. Верхние дороги мне указал. Да и говорил он, что я долго жить буду (досл.: далеко шагать буду), из обширной родовой жену себе возьму, детей займею, хорошо проживу. Кокай был из рода Кэптукэ, наш дедушка был. У него было два бубна, шаманил же он без головного убора.

Шаман может оленя пригнать, если потеряешь. Важенка по кличке Культэрэк (Однорогая) у нашей бабушки была. Потерялась вместе с теленком. Целый год ее не было. Вот как-то Кокай приехал, бабушка возьми да и скажи ему:

— Парень, олениху мою пригони-ка! — сказала. Она же старше его. Вот он пошаманил и говорит:

— Важенка твоя жива, пригоню, олененок с ней.

Уснули, а утром только солнце свои первые лучи проткнуло — шум «луг-лаг!». Харкая, с олененком пришла. Это Кокай пригнал ее. Сам при нас, никуда не ходил. А олененок дикий стал, людей боится.

Молния, бывает, ударяет в дерево и расщепляет его от самой верхушки до корня громовым камнем. Шаманы этот камешек грома находят. Шаман с шаманом сражается этим камешком грома. Однажды мы в *утэне* своем жили. Семену три года было, умирать стал. Вытянулся, как мертвый, почти умер. И вот дедушку Кокая его мать колокольчиком позвала. Тот колокольчик был раньше благословлен Кокаем, который сказал им, что если беда наступит, чтоб позвали его колокольчиком, и он услышит. Привязали на веревке колокольчик к двери и давай звонить. Звонили, звонили, прошло некоторое время, и ребенок наш начал дышать. Узнал наш шаман, сделал так, чтоб задышал. Потом уже сам приехал. Стал шаманить у нас, в нашем доме. Так и спас Семена.

Однажды Кокай рубил дерево, молодую лиственницу. Тут ветер налетел, вихрь. Прикрылся он тут же топором и отбил им грозовой камешек. Какой-то из шаманов хотел попасть в него грозовым камнем. Отскочил от топора грозовой шаманский камешек и потерялся. Ну вот он вечером стал шаманить. Шаманя, тот грозовой камешек своим бубном нашел, затем послал его к тому, кто отправил в него. Показывает нам тот камешек грома, говорит:

— Руками не трогайте, эту пулю к нему самому пошлю.

И точно, один из шаманов умер. Посланный на Кокая грозовой камешек того шамана самого погубил, к нему же и вернулся.

— Со бихинны бидингэс, си бодоврокис, би Угу бугала эрты ихиннам. Багар синдулэ тыкчинэн, сома бихинны.

Кокайнаха бо минду самар хоктолвотын ичэвкэннын. Угу хоктолво минду сугэйчэ бихин. Гундерин-кэт, горово нэнэнэтыс, эмнэ дюдук атыркангыя бакадяс, хутэрбудингэс, аят бинивэ нэнэдингэс. Кокай Кэптукэнкур бихин, эхэкэвун. Нунган дюр унтувучи бихин, сагдякандянкин.

Саман оронмо хильбэвки, сэнмирэкис. Няи Культэрэк эвэ-дувун бихин. Элэ энгнэкэннюнми сэнмивчэ бихин. Анганыва ачин бихин. Элэ Кокай ирэмэрэн, эвэв эхилэ гундаи:

— Омоги, оронмов онокол! — гунча. Нунан сагдатмар бо. Элэ нимгнахинчавки, тадук гунывки:

— Нямис иныкин, хильбэдингэв, энгнэкэнын нян бидерэн. Ахинав, арай сигун хультэргэдерэкин — луг-лаг! Энгнэкэннюнми энгтэкэтчэнэ, эмэрэн. Тар Кокай хильбэчэ. Мэнын еду бивки, илэ-кэт эвки нэнэрэ. Энгнэкэнмун бэевэ нэлэвки оча.

Херки ирэктэвэ аркивки-ка дугэмэдукин, охокондии дэлпэ-ливки. Самахал тара бакавил. Саман саманнюн агды охокондин кувивки. Умнэкэн утэндүвэр бидеривун. Семонгохо илачи бихин, бульчэ. Чирколи оча, бучэмэ. Элэ Кокай-эхэкэвэ энинын эририн чоранди. Тар чоранма Кокай алгача бичэ, гуннэ «Эру бирэкин, эр чоранди эридэвэр, долдыдинав». Элэ тар чоранма уркэду уйрэ, де эхилэ чорандявил. Чорандяритын, тадук арай мунэкэн илтэныхэ, кунгаканмун эрихинэн. Мэдэчэ саманмун, эрихинывканчэ бичэ. Тадук мэнын эмэрин. Нимганыллан мунду, бу дюдув. Тар эхилэ айрин Симонгэхэ.

Умнэкэн Кокай чингидэчэ ныннунма. Эрты эдын эмэчэ, суги. Сукэтпи тэвэчэ бихин тар агды охоконмо. Ема-ка саман нунанман надаи некэчэ. Тар агды охоконнын сукэдукин хуручо, сэнмивчэ. Де ахилтанакан нимганыллан. Нимгандяна, унтувундии тар агды охоконмо бакача, тадук ундерилэ унчэ. Ичэвкэнывки мунду тар агды охоконмо, гунывки:

— Экэллу налатпар гара, эр охэкэвэн мэндүлэн ундингэв.

Тарты-вет, умун саман будэрин. Тар агды охокондин мэнемэн хэрэкичэ бихин, нунгандүлэнтэ унчэ.

№ 11. Содорчан-шаман

Когда деда твоего медведь крепко помял, мы с Семеном (родным сыном отца) мальчишками были. Ну утром отец наш ушел [перед этим похваливаясь перед медведем], мы же следом за ним кочевать должны были. По его тропе кочевать должны. Едем, вдруг огонь дымится.

«О, лося убил!» говоря, поскакали. Прискакали, да какой там лось, отец медведем сильно помят. Не видит ничего, скальп с него «дедушка» снял. И вот там лужица была, кое-как к ней отец подполз, в рот воды себе налил ладошкой, попил. Один глаз цел, другой висит, весь в крови. Только голова соображает, в уме сам (досл.: ум не сломался).

Ну ужас! Там же, где лежал он, палатку прямо над ним натянули, как нам поднять его? Прямо над ним и поставили. В тот день мы расстались с отцом Александрова Ладе. Встретили его возвращающегося от якутов. Взяв в жены Татый, возвращался, женившись. Вместе переночевав, только что разошлись путями. Вот отец наш говорит:

— За ними погонись, не должны еще далеко уехать, догонишь.

Ну я своего седового взял, ну бабушку (новую невестку Татый) догонять. Скачу на олене. Только передохнув, уже навьючив оленей, покочевать собираются, догнал их. Тут же рассказал все. Вернулись, уже ночью приехали. Бабушка-то знает — недалеко Симондя Леханов, Питон-старик, Лёто Марков и Содорчан-шаман кочуют. Ну вот к ним послали меня, знаем ведь — к лабазам своим должны прикочевать. С братом Семеном поехали. Дымятся их дымокуры! Увидев дым издалека, выстрелили, чтоб услышали. Выстрелили — эхом отозвалось. И тут же приехал человек. Это Содорчан, убив лося (должны были ему новый бубен сделать из шкуры этого лося), дерево под обруч приготовил, согнул. Вот поехал с нами Содорчан, чтоб отца спасти. Приехали, посмотрел он отца. Слово у отца трезвое, говорит хорошо. Вот я, материю взяв, подняв болтающийся глаз, вытер все.

— Забейте олененка, — говорит Содорчан-шаман.

Оленята-то в конце лета жирные. Схватил я тут же олененка.

— Не снимая даже шкуры, вытяни живот, кишки, пленку предсердечную возьми, — сказал Содорчан.

№ 11. Содорчан-саман

Эхэкэс сэмэлэвдерэкин, бу тарнахи омологичар бо, Сэмон-нюн. Кэ, тэгэлтэнэ аминмун хурурун [тар сокатчаканан-ка], бу амардулин нульгинэтывун. Тали-ты хоктомолин нульгинэтывун. Нульгидерэв, арай того тыпудяран.

«Э, бэюнмэ вача!» гуннэл хуктывнэл эмэрэв. Эмэрэв — екун бэюн биден, аминмун сэмэлэвчэ. Эльчэ ичэрэ, дылван танча. Эхилэ тали мукэн бичэ, тала тутучэ нэхилэ-вэл, амгалаи мува унку-чо, умча. Ехан калтакан-ван, ген уркэвлэдерэн, бутунну сахэ. Тэлки дылин ая, иргэн эчэ хукчавра.

Де сурдаке! Тардат хуклэдеридин балаткавар оёнордун тэлэрэв, илэ угирдинавун? Оёмордун тэлэрэв. Тар инэнгиду хуеттывун тар Александров Ладендя аминман. Налдыривун ёколдук эмэдери-вэ. Татыйва гаха, эмэдери, ахилаха. Умунду ангахал урмэ хуетты-вун. Эхилэ аминмун гунэн:

— Эвээн ахалкал, эчир горолло, бокондингос.

Де би угучакки гам, де эвэви ахалдякочим. Хуктывдеечингнэм. Эрты тагачихал, инывухал, нгэнэхиндерэ, боконым тэлки. Эрты улгучаным. Мучурав, долбоёк эмэрэв. Эвэкэ савки, дагаканди Симондя Леханов, Питон-этыркэн, Лёто Марков тадук Содорчан-саман бихитын. Кэ, нунартыки унгрэ, сарав, колболдулавар эмэдинэтын. Тар дюга этэлтэдун бихин. Нэнэрэв Сэмоннюн. Тыпидяра самгиртын. Сагнянматын городук ичэхэл ходарэв, долдыдатын. Ходарэв — яврэн! Эр эмэрэн бэе. Тар Содорчан бэюнмэ вача (сага унтувунэн онатыр), халанчами монъяки оча, матача. Элэ тар Содорчан-саман муннюн нэнэрэн, аминмавун айдави. Эмэрэп, ичэрэн аминмавун. Тураным со, турэнынмэхин. Эр эхилэ би, тар товарва гакса, уркэвлэдери ехаван угирихэ, авум.

— Энгнэкэнмэ вакаллу, — гунэн Содорчан-саман.

Энгнэкэр бололиктак бургухил бо. Энгнэкэнмэ бурбэлим та-ду-ты.

— Энэ-кэт наннаван хигрэ, урвэн такал, силукталван, сэмэ-хиккэ гакал, — гунэн Содорчан.

Вот все это сделав, ноги-глаза все это жиром кишечным, предсердечной пленкой перевязал. Сделал так, Содорчан приходит, тарелку берет, белую, машет ею:

— Вот это, это видишь?

— Вижу, что-то белое мелькает, — говорит отец.

— Ну-ну, хорошо.

— Да чего тут хорошего, сгнию заживо и умру, — говорит отец.

Шаманские принадлежности шамана Содорчана в тайге в лабазе его были, туда за ними послал он меня. Я быстренько большого быка навьючил, за ними поехал. Бубен его очень большим был. Там же его старуха должна была быть, из рода Конгучар она была. Вот я говорю ей:

— О, если выюки съедут с седла, как же я поправлю их? — Старуха ведь навьючила мне, а я-то что — мальчишка лет восьми ли, семи ли был.

— Такой выюк (с шаманскими атрибутами) никогда не съедет с седла, — сказала.

И вправду ни разу не накренился даже, выюком будучи, шаманский бубен таков бывает. Дорога очень плохая была, но все равно даже не накренился ни разу. Подъехал прямо к палатке его, палатку уже свою натянул Содорчан, огонь развел. Шаман-то камлать может только от своего огня (только при своем огне, от чужого огня не может). В чужом доме, при чужом огне шаманить — это *одё*. Огонь его не простой, хозяйку очага имеет по имени Кулумтан, она помощница его, покровительница. Бубен его прямо к его палатке подвез.

Вечером шаманить он начал. Вот говорит:

— Медведь твой с белым пятном на груди был. Такой был? — спрашивает.

— Э, точно такой был самец, осенний, в возрасте.

— Поправишься ты, — говорит Содорчан.

— Ну! Откуда, сгнив заживо, черви и то меня съедят, — отвечает отец.

А тот шаманит, Содорчан так поет:

— Э-э-э, камлающий камлает,

слушай меня внимательно.

Я, имеющий силу шаманить, шаманю,

не умрешь ты теперь,

выживешь, хорошо жить будешь!

Еще и двух детей заимеешь.

Эхилэ тара оха, ехалбан-халгарбан, бутунну тариндин имухэ-дин, сэмэхикидин уням. Тыкэн ом, Содорчан эмэрэн, тэрелкэвэ багдаринма гадан, эхилэ арпулдявки:

— Эре, эрэ ичэденны?

— Ичэдем, багдас-багдас одяран, — гунывки аминмун.

— Кэ-кэ, ая.

— Идук ая бидингэн, мунухэ-дэ будяв, — гунывки аминмун.

Содорчан унтувурин колбодун бидеритын, тала мунэвэ унгрэн. Би сирундява инывугданым, матангиви унтувунманканан гэннэм. Унтувунын хэгдындя бичэ. Таду Содорчан атырканын бивки, Конгучамгу бихин. Эле би гуным:

— Эё, угаргарактын-ка би он намадинав? — атыркан бо на-маран, би екун — омологичан дяпкучи-гу, надачи-гу бичэв.

— Эргэчин ины эвки угаргара, — гунэн.

Тэдемэты эхин угаргара умнэ-кэт, унтувун-ины таргачин бивки. Хокто эрунэхэ, син эвки угаргара. Эмэм, балаткамалон, балаткави тэлэчэ, тогови илача. Саман мэн тогодукки нимганывки бо, хунту тогодук эвки, мэннидукви-нюн. Хунту дюду, хунту тогоду нимгандан — тар одё. Тогон такма эчэ бирэ, Кулумтачи, тарингин бэлэчивки бо. Унтувунман балаткамалан эмувум.

Ахилтана балаткадуи нимганыллан. Кэ таду гунывки:

— Эхэнгис бичэ, багдалама бичэ. Таргачин-ну бихин? — хан-нугки аминмавун.

— Э, таргачинты сирун бихин, болонгихинча.

— Аёдинас, — гунывки Содорчан.

— Па! Екундук, мунухэ, унул-дэ дебдян, — гунывки амин-мун.

Де нимгандяна, Содорчан тыкэн хэгэвки:

— Э-э-э, дярдяман дярдявки,

минэвэ аямат долчаткал.

Дярдяман дярдяменан,

эхилэ этэнны будэ,

аёдинас, аят бидингэс!

Дюссу дюр хутэчи одинас.

Вначале дочка родится, — говорит, —
потом мальчик будет.
Далеко пойдешь, поправишься, детей заимеешь.
Знай это, вспомнишь потом мои слова, — говорит.

Так поет, шаманя, бубном своим взмахивает изредка. Два-три
раза взмахнет — белая медвежья шерсть вовнутрь бубна его входит
как-то, появляется! Потом кровь, слизь берет откуда-то, внутри
бубна своего находит. Вот таким образом собирал, собирал —
много медвежьей шерсти в бубен пришло. Все это на горящую печь
положил, чтоб сгорела, всю кровь, слизь вытер в бубне тряпкой.

Вот это действительно шаман был. Все, что он говорил тогда, — все вправду исполнилось. В то время отец, потеряв свою жену, новую жену себе взял. Молодую очень взял, а ему-то уж лет пятьдесят было. И действительно, потом у него двое детей было. С тех пор сколько он прожил. Вылечил его Содорчан-шаман, был он плох, весь в ранах, запах страшный был от этих ран! А я-то, привыкнув ухаживать за ним, не чувствовал этого. Соседи, приходя, носы свои прикрывали руками. Но месяц прошел, и он вылез. Стал верхом на оленя садиться, так и вылез. Переносица же его ушла вовнутрь, так и зажила. Содорчан очень сильным шаманом был, очень хорошим человеком был. Одна нога у него не гнулась. Это он хорошую жизненную дорогу отцу проторил, указал.

№ 12. Улоскэ-шаман

Я знал одиннадцать шаманов. Кокая знал с детства, он еще будучи ребенком стал шаманом, с детства. Вот я стучал в его бубен будучи малышом⁶. Улоскэ был шаманом и очень добрым человеком был, спокойным был. Отец его хорошо знал. Как-то мы стояли на речке Улигир. Я тогда уже большой был, на белку начал охотиться⁷. Отец поехал к русским [за продуктами], вот и говорит:

— В мое отсутствие Улоскэ приехать может. Хорошо встретьте, угостите. Пошаманить попросите.

Ну вот, уехал. Соседи у нас были, а дома мы остались с Огдо, отец наш уехал. И вот, по пути, охотясь, Улоскэ приезжает. Лося убил, мясо привез. С соседями поделились. Он остался в нашем доме. Угостил я его, отец-то для него чекушечку оставил. Вот, чтоб покамлал, по всем традициям я попросил. Бубен у него в ровдужном специальном чехле был. К огню подставил, погрел. Тут же нагрелся — «конг-конг!» зазвучал. На это говорит он мне:

— Деловым будешь, шаманом станешь.

Ноноли хутэс ахаткан бидинэн, — гунывки. —

Тадук омонгичан бидинэн.

Гороё нэнэдес, аёдыс, хутэлбудинэс.

Тара садаи, дёндаи, — гунывки.

Тыкэн хэгэденэ, дяритчана, унтувундии арпулихинывки. Дю-рэвэл, илара-вэл арпулихинывки — унтувундулэн багдама эхэ ин-нактан унтувун долан эмэвки! Тадук сахэ, чулэн унтувун долан тыкэ гахиhiнывки. Тар эхилэ гадан-гадан, эхэ иннактан унтувун-дулэн эмэчэ. Тара печи оёдун далгаран, тар сахэвэн, чулэнмэн авран оноктот.

Кэ, тар тэде саман бихин. Тар гуннэн — бутунну тэде оран. Тарнахин аминмун, ахин ачин оракин, атырканми гамакта бихин. Эдэрнэхэвэ гача бихин, нунан-канан тунгадаричи-вал. Тар эхилэ тэдемэ дюр хутэчи орин. Кэ тадук эвэски дэлэвэ нэнэрэн. Аиттын нунанман Содорчан-саман. Эрумэ бихин, хуе бутунну, нолин со! Бикэ, татыха, эннэм сара. Нимэкилби эмэхэл, онгоктолвор самив-кил, дявавил. Бегава бихэ, ая орин. Угучаллын, ерин, тар тыкин аёрин. Онгоктон тэкэнты дола ичэ бихин, тыкэнты аёрин. Содор-чан со саман бихин, сома ая бэе бихин. Халганын чирколи бихин. Ая хоктово аминдувун ныгнучэ, сутарчэ.

№ 12. Улоскэ-саман

Би дян умун саманма сам. Кокайва ухадуки сам, нунан ку-накан бинэ, саман оча бихин, ухадуки. Би унтувунмэн тэвэрги-етчэнкив. Улоскэ саман бихин, сома ая бэе бихин, бэрэмэ бихин. Аминмун савки нунанман. Улигир бираканду уринчэдеривун. Би тарнахи хэгды, улюмилчэ бихив. Аминмун лучамаран, элэ гунывки:

— Би ачиндув Улоскэ эмэдинэн-кие. Аямат арчадавар, кунду-ледэвэр. Нимганывкандаи.

Кэ, нэнэрэн. Нимэкил бихитын, бу Огдонюн эмукир эмэнму-рэв, аминмун хуручо. Элэ Улоскэ, бэюктэденэ, эмэрэн. Бэюмэ вача, уллэвэн эмучэ. Де нимакилнюн иратырав. Бу дюдувун эмэн-мурэн. Кундулем, тар аминмун нунандун эмэнчэ бихин чекусава. Де хулидан, гэлем, нимгандан. Унтувунын наяха тэпкучи. Тогоду хигэчим, илегэм. Эрты илеврэн — «кон-кон!» овки. Де таду гуныв-ки минду:

— Корсухинкан бидинэс, саман одинас.

Соседи пришли, начал он камлать. Камлая, говорит:

— Отец твой с речки Амнухикта к дому повернул, завтра приедет. У лабаза для продуктов вашего прямо перед дверью молодая лиственница растет. У ее подножия зарыто 6 чекушек (лабаз был далеко). Правда ли это?

— Да, действительно так, — отвечаю. И правда так было: перед дверью лабаза на небольшом расстоянии молодая лиственница была, там отец спрятал 6 чекушек. Вот шаманит, шаманит, потом говорит мне:

— Из обширного дома-дюкча пару себе возьмешь. Потом одна девочка и один мальчик у тебя родятся. А вот дальше не могу ничего сказать.

И вправду, став взрослым, взял я себе жену из обширного дома — первая жена моя была из Исаковых, их много было — поэтому и говорят «обширный дом» (т.е. большая родова). От нее у меня было двое детей — Але и Ладе. Когда та моя жена умерла, тогда я женился на вашей матери ведь.

Улоскэ был из рода Дэнмэ. Вот с той поры я верил ему. Отец-то наш действительно назавтра приехал. Как-то в одном доме шаманил Улоскэ. Шаманя, сказал:

— Большую ногу (по размеру) имеющий человек ушел из этого мира. С большим шагом человек ушел, — так говоря, ставит свою ногу в видимый только ему след, примеряясь.

Тэпунней был очень большой человек, нога размером очень большая была. О смерти Тэпуннея узнал.

В молодости Улоскэ с волком состязался в беге⁸. Волк обогнал его на один кривун по реке, поэтому у Улоски почти не было оленей, проиграл волку. Десять—двенадцать оленей-то всего у него было. Только лосем жил. Другие Дэнмэлы на оленях своих работали раньше, грузы возили, так как много оленей имели. «Не держать мне оленей — волку проиграл», — говорил он сам. Я у Улоски много раз помощником при камланиях его был. Чтоб я не устал, он *гехиком* колени мои поглаживал перед камланием. Я был хорошим быющим в бубен напару с шаманом — он высоко поднимался в Верхний мир, когда я стучал в его бубен. Если помощник плох, не может высоко шаман подняться. Он еще так делал. Вот кочуют, а он вдруг говорит:

— Привяжите-ка свои трубки к деревьям. Вечером буду камлать, верну вам ваши трубки.

— Как же это ты вернешь наши трубки (ведь укочуют-то далеко от этого места), жалко нам своих трубок! — не верят ему. Но все-таки привязывают из любопытства.

Нимэкил эмэрэ, нимганыллан. Нимгандяна, гунывки:

— Аминыс Амнухикта бирадук эмэхинчэ, тыми эмэдингэн. Колбохун уркэткэки ныннун бихин. Тар хэрэдун 6 чекуска бихин. Тэде-гу?

— А, тэде-ты! — гуныннэм. Тэдемэты тыкэ бихин: ныннун колбо уркэткэкин бихин, таду аминмун даярин 6 чекускава. Элэ нимгандявки, нимгандявки, тадук минду гунывки:

— Со эмнэ дюкча-дюдук гохикъяи гадингас. Тадук умун хунаткан, умун омологичан хутэчи одингас. Тадук эхилэ эчэв сара.

Тэдемэты эмнэ дюдук гохикъяви гарив — ноноли атырканми гарив Исаковилдук, нунартын кэтэ бинкитын — тар эмнэ дю гунывкил. Нунгандукин дюр хутэчи орив — Але тадук Ладе. Тар атырканми сэмрэкин, энинвэхун гарив бо.

Тар Улоскэ Дэнмэркур бихин. Тадук би сохийрив тэдевэ сача бичэ. Аминмун нян тэдегдэ тыматнэ эмэрин. Тадук умун дюду нимганча бихин. Нимгандяна, гунывки:

— Хэгдыкэн халгачи бэе хуручо. Сома гирак бэе хуручо, — тыкэн гунденэ, тумкэвки.

Тэпунней бихин, сома хэгды бэе, сома хэгды халганын бичэ. Тэпунней буривен сача.

Эдэргэхидуи Улоскэ иргичинюн гукчанча. Умун кочот аман-ныча — тарит эхилэ орона ачин бихин. Иргичиду нёвча бихин. Дячи, дян дючи орочи бинкин. Гил Дэнмэхэл орондит хавалдяв-кил нонон бихитын, кэтэ орочил, гурустадявкил. «Орона эдякив иргирэ — иргичиду нёвча бихим», — гунынкин. Би Улоскэду кэтэ-ет иктэлду бихив. Эдэв давдывра, дялахалбав гехикит евки. Би сома иктэлдэ бинкив — гурэёчивки, иктэлдырэкив. Иктэлду эру бихи-кис, эвки гурэнэ саман. Тадук тыкэн овки бихин. Нулгиденэл, гунывки:

— Умугурбар ирэкэтлду уйкэллу. Ахилтана нимгандяна, эмув-дингав.

— Он-тана умурбахун эмувдингэс, мулаке умугурбар! — энэл тэдерэ гунывкил. Син уивкил ирэкэтлду.

И вправду, шаманя, он эти трубки брал своим бубном. Из бубна своего вынимал и давал. Вот тогда люди верили. Это правда. Вот таким шаманом Улоскэ был.

№ 13. Тырдя Тыргандя

Тырдя тоже шаманом был. Бубен у него был, верхняя одежда шаманская и все остальное. Небольшого роста был, но широкоплечий, грудь широкая была. На дочке эвенка по имени Коколло (Рукавица) женат был. Однажды он сказал своим:

— Завтра вечером за медведем пойду, приведу его сюда.

Никто и не поверил ему. А он вправду на завтрашний вечер двух медвежат привел на табор. Вот когда увидели, тогда только поверили. Когда он шаманил, то на колени свои уток садил. Прилетают утки сами и на колени его садятся.

У него был старший брат, Тангасей звали. Тот Тангасей однажды напился и начал бить Тыргандю. Тыргандя рассердился очень. И вот наказал брата Тангасея. Став медведем, старшего брата своего погонял. Вот так и наказал Тангасея. Люди говорили: «Этого парня медведь гонял», — а это был Тыргандя.

Раньше великие шаманы были.

№ 14. Дяричин (дярин) — шаманское песнопение

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!⁹

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Пламя, пламя,

пылай, пылай!

Пылай, пылай,

пылай, пылай!

Журавлиный крик зазвучал,

журавлиный крик зазвучал!

Сидящие здесь дети мои, помогайте мне пением!

Сидящие здесь дети мои! Подпевайте!

Хорошенько подпевайте мне, хорошенько поддерживайте меня.

Находящиеся здесь птенчики, души мои!

Сверкай, сверкай,

сверкай, сверкай! Слепи, слепи светом своим!

Тэдемэты нимгандяна, унтувундии гавки бихин умугурбатын. Унтувундукки лувухинывки, буквы. Де бээл сохиивкил бихитын. Тар тэдемэ. Таргачин саман Улоскэ бихин.

№ 13. Тырдя Тыргандя

Тырдя нян саман бихин. Унтувучи, самахикичи, бутуннун бихин. Ухакан бихин, аркурахинча-нюн, аркура. Коколло хунатпан ахилача бихин. Умнэкэн гунчэ:

— Тыми ахилтана эхэлэмудев, эмудингэв.

Эхикъеди тэдерэ. Тэдемэты тыматна ахилтана дюр эхэткэнмэ эмучэ. Тар эхилэ тэдечэл, ичэхэл. Нимгахинчадяна, хэннгэлдуви ныкилвэ тэгэвкэнывки бичэ. Эмэвкил ныкил, хэннгэрдулэн тэгэв-кил.

Акинын бихин, Тангасей гунмури. Тар Тангасей соктоха, кол-тулча Тыргандява. Тыргандя тыкулилки бо. Эхилэ кэхэгичэ бихин акинми. Эхэ оха, тар акинми ахактача бихин. Тыкэн Тангасейва кэхэгичэ. Бээл-дэ гунынкитын: «Тар омологи эхэт ахактавча», — тар Тырдя бо бичэ.

Билир сомал самахал бихитын.

№ 14. Дяричин (дярин)

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кэлэ, кэлэ, Кэлэкуй!

Кургивла, кургивла,

кургикуй, кургикуй!

Кургикуй, кургикуй,

кургикуй, кургикуй!

Либливла, либливлу,

либливла, либливлу!

Тэбэлэр хутэлби сояхаткаллу, бодотовколлу!

Тэбэлэр хутэлби!

Сояхаканди гурэввакаллу.

Тэбэлэр чивкачар, омихиелби!

Ниргидуй, ниргидуй,

ниргикуй ниргикуй! Ниргикуй ниргикуй!

Утренняя звезда Геван, свети, мои рассветы,
сверкайте искры, хорошо, хорошо.
Кук, кук!

№ 15. Молодин-старик

Молодин-старик был, на Унахе жил, это его речка была. Вот мы к нему приехали, на косе стойбище разбили. Я тогда болел, нога болела, с палками ходил. Мы двумя жилищами приехали (т.е. две семьи). У Молодина два сына было, взрослые уже. Отец наш, Иванова Ладе отец пошли в гости к Молодину, выпивать стали. Опьянев, драться из-за чего-то начали. Его сыновья пьяными очень плохими были, как отец их, стали лупить наших. Парни его молодые, совсем начали избивать нашего отца. Ружья свои схватили, наганы. Тогда еще советская власть не пришла, ружей всяких, наганов и у них, и у отца нашего [много было]. Услышав шум, я к отцу побежал. Совсем избили отца, даже из ушей у него кровь течет. Я тогда на костылях был из-за своей ноги. Костылем как ударил сына Молодина. Ну и в палатку свою убежали. А те немного погодя к палатке нашей приближаются, подходят. Молодин с наганом, «пах-пах!» — стреляет. Ну отец наш и кричит:

— Если хоть на шаг еще приблизитесь, — стрелять буду.

У отца нашего винтовка. Отошли они. Потом опять приближаются, отрезвели уже, а драться все равно хотят, стреляться хотят. Старший сын стал нас как зверя выслеживать (подстерегать). Потом из берданки своей выстрелил. Но ружье промазало. Отец из винтовки выстрелил, тот отошел. Те ведь в бараке жили, в деревянном доме, а мы в палатке своей сидим. Убежав, стреляет из барака. Они часто людей убивали. Подстерегали людей как зверей, тогда беда большая была — русские между собой воевали. А они и русских, и эвенков подстерегали словно зверей. Такие страшные люди они были, никаких запретов *одё* не соблюдали. И вот составившись, Молодин этот очень тяжелой смертью умирал. Вот когда смертельно заболел, тогда только про запреты-*одё* вспомнил. Умирая, говорил он:

— Ребра мои сами по себе ломаются. Это потому, что не знал я по жизни запретов (не соблюдал). Вот настигло проклятие. Людей я унижал, избивая их, убивая. Не делайте как я.

Ребра его действительно сами по себе ломались — «кэр-кэр!» Даже слышен был звук, как ломались.

Жить как Молодин — большой грех, это *одё*. Если ты плох — это на судьбе твоих детей отражается, на них падает, в старину

*Геванне геванне, гевакахиннилби,
херпатыкталле херпаллакун, гудее гудее.
Кук! кук!*

№ 15. Молодин-этыркэн

Молодин-этыркэн бихин, Унахаду уринчедерин, тар нунан бираканын бихин. Эхилэ бу эмэрэв, китылду уринэв. Би тарнахи бумудерив, халганми энудерин, мот некээдерив. Бу дюр дюкчат эмэрэв. Молодин дюр омологичи бихин, бээл. Аминмун, Иванов Ладе аминын тар Молодиндулэ ирэмэрэ, де умилла. Элэ умихал, кухичилчэл, еда-ка. Омогилин сокточол, эрумил, аминначинтын бичэл, соктохол, дуктэлчэл митнилвэ. Омогилин эдэргэхэл, дэл-би дуктэдевил аминмавун. Бэрилвэр гачал, нагарилвар. Тарнахи эделикэн совескай ора, бэрьякуртын аминдув-да, молодилиндул-да. Би тара долдыкса, аминдула тухачим. Дэльби дуктэчэл аминма-вун, сердукин сахэ сахэдерэн. Би тар костылит некэектэденнэм халгандукки. Костылиндятпи тэхачим тар омологиван. Де балаткала-вар тухахинав. Тарингилбун тар некэденэл мундулэ эмэдевил, да-гамадявил. Молодин нагачи, «пах-пах!» — пэктырудевки. Де амин-мун тэпкэвки:

— Де умун-дэ гирактая одинахун, — пэктырэндев.

Аминмун винтовкачи. Адагара. Тадук нян эмэдерэ, син гэтэ-хинчэл-дэ син кухичиликил, пэктырумэттэвэр эечивкил. Сагдагу омологин бэичиллэн мунэвэ. Тадук берданкатпи тэхачивки. Балдача бэрин. Аминмун винтовкат пэктырэрэн, адагадан. Нунартын бара-кту бидеритын, мома дюду, бу балаткадувар тэгэтчэнгнэрэв. Ту-хална, баракидук пэктырудевки бо. Соме бэевэ вавкил бичэл. Бэ-елвэ бэитчэвил бичэл, тарнахи со бидэ бихин, войнадяритын лучал. Нунартын-кана эвэнкилвэ-дэ, лучалва-дэ бэичивкил бихи-тын. Таргачир нэлумухил бээл бихитын, эвил одёкитта скуна-кат. Элэ сагданыха, тар Молодин сома эрут будэдерин. Эхилэ бумулик-сэ-нюн тар одёкитпа сача. Гунывки-дэ, буденэ, бичэ:

— Эптылэлви мэртын хокомдэро. Тар одёкичилва энэ сарэ бидечэ бихим. Тар аниду тыкэн будем. Бээлвэ хэргимнэри, дуктэ-нэ, вана. Мингэчин экэллу ора.

Эптылэлин мэрти «кэр-кэр!» хокомдэритын тэдемэты. Долды-вувки-кат тар хокомдэри эптылэлин.

Молодинначин бими — тар одё, нэлумо. Эрочи бидингэс — хутэлдулэс эмэдинэн, нонон гундеритын. Тар тэдемэ. Билирги ту-

говорили. Это правда. Древние заветы я всегда соблюдал. Нельзя человека унижать, и словом тоже. Это *оде*. К лучшему надо человека поднимать. Если добро человеку делаешь, тебе же добро посылает *Буга*. Человек от человека рождается, ребенок у родителей учится. Никогда даже в мыслях плохого не держите и не делайте. В руках детей своих держа, воспитывайте. На ноги детей своих поставьте. Если по-доброму жить будете, *оде* соблюдая, дети ваши достойными детьми будут, дети как надо быть детям будут.

Когда колхозы создавались, прямо беда была. Шаманов тогда стали унижать, в тюрьму садить. Шаман-то тоже человек, да еще лучший из людей. Однажды мы на речке Авса стояли. Отец на охоту уехал, мы одни с Семеном. А отец еще к русским заехать должен. И вот вдруг кто-то идет. Это был старик Сильтыгрэй, шаманом он был, шел к нам. Ничего у него нет, ни оленя, ни собаки, ни еды. С пустыми руками. А руки-то его все в голубичном соке (только голубицей питался). Долго-долго бродил, прячась от советской власти. Эвенки многие тоже плохими стали. В колхозы вступая, партийными становясь, некоторые очень людей унижающими стали. В суд написали про Сильтыгрэя — шаманит мол, то да сё. А что плохого может сделать уж Сильтыгрэй-то? Он шаман, плохого наоборот не может сделать. Это партийные эвенки под суд его отдали. Вот он и убежал, его ищут, догоняют. Вот, прячась, он к нам пришел.

— Дедушка Сильтыгир, не бойся, — зовем его с Семеном. — Отец вернется, встретитесь.

Вот потом отцу нашему о том, что на него партийные написали, рассказал. И отец дал ему седового, двух навьюченных оленей, тозовку. Вот так и уехал он. И все-таки где-то милиция его поймала, в Бомнак увезла, там и засудили. Засудили, сидел он сколько-то лет. Потом вернулся. Вернувшись, отцу и мне [я тогда вырос уже] говорил:

— Хорошие вы люди, только вы на меня не писали в суд. Лишь вашей руки нет (только вы руку не приложили). Добрые люди вы, *оде* соблюдающие люди. Поэтому хорошо жить будете.

№ 16. О чичипкане¹⁰

Наши эвенки больного через *чичипкан* пропускают. *Чичипкан* делают из лиственницы, имеющей вверху две развилки. Голову делают из комеля, две разветвленные верхушки будут его ногами.

рэнмэ би эрэгэр гиричэннэм. Бэевэ энгэрэ тырэрэ, түрэнди-дэ. Тар одё. Аяла угиричингэрэ. Бэеду аяа оми, мэндүлэс дүлэски аяа Буга бувки. Бэе бээдук ювки, кунгакан амтылдукви татывки. Окин-кат экэллү эруе дялдара-да, ора-да. Наладувар хутэлви дявучакаллу аямат. Хутэлбэр халгардулатын ихивувкаллу. Аят бидерэкис, одё-китна, хутэллун хутэл одиңатын, хутэ хутэгэчин бидингэн.

Колкохил одянгариду сома бидэ бихин. Самарва сомат нидэгу-деритын, каталаскаладявкил бичэл. Саман нян бэе, тадук саман-нан бэе бээдук аяргун бивки бо. Умнэкэн Авса бираду бидеривун. Аминмун бэючэ, би Сомоннюн бидерэв. Аминмун лучамача. Ты-кэн бидерэкпун арай нги-кэ эмэдерэн. Тар Сильтыгрэй-этыркэн, саман бихин, эмэдечэ. Екуна-кат ачин, орона-да, нинакина-да, девгэе-дэ. Налахолин. Тар налакакурин бутунну диктэ. Тар говоро-гово нэнэктэндэнэ, тар советскайдук дыкэнчэдечэ. Тар эвэнки-мил нян эрумил бихитын. Колкостула инэл, партейнаил онал, хадыл сомат бэевэ нидэгуиривкил очал бихитын. Судтула дукчал тар Сильтыгрэйвэ — самандяран-едяран гуннэл. Сильтыгрэйвэхин екун эрувэ одиңан? Саман конесно бичэ, эрувэ-кэ нунан эвки ора. Тар эвэнкимил-партейнаил судтула бучэл. Тар эхилэ тухалдяв-ки, нунанман гэлэктэвкил, боконтывкил. Тар эхилэ дыкэнчэдэнэ, мундулэ эмэчэ.

— Этэ, Сильтыгир, экэл нэлэрэ, — эрингэвун Симоннюн. — Аминмун мучудинан, арчалдыяс.

Де тадук аминдув тар партейнаил эрут очалвэ сэхэргечэ бихин. Элэ аминмун угучакъян, дюр инывутданмэ бурэн. Девгэен бурэн, тосовкави. Де тыкэнты нэнэрин. Тадук син иду-кэ милисия дявача бихин. Бомнактула хурувчол, таду судичал. Тар судимактын, ката-ласкаду бичэ бихин.

Судиритын, тэгэттын ады-ка анганыва. Тадук эмэрин. Элэ мучукса, аминдувун, минду [тэли ихэвчэ бихим бо] гундерин:

— Соңахал бээл бихис, су-нүн эчэл миндулэ судту дукта. Су-нүн налахун ачин. Аял, одёкитпэ сэрэнчэрил бээл бихис. Аят бидингэхун.

№ 16. Чичипкан

Муннил эвэнкил бумудери бэевэ чичипкандули нгэнэвувкил. Чичипканмэ овкил ирэктэдук, дюр халачидук. Дылван ирэктэ хэ-рэдукин овкил. Тар ирэктэвэ гадянал, хадыл тэкэндулин пэктырэ-

Беря такую лиственницу для *чичипкана*, стреляют в ее корень. Лучок сооружают и из него стреляют, голову с лицом делают. Шаман сам шаманит и указывает, где растёт дерево для изготовления *чичипкана*, сам говорит, где нужно поставить *чичипкан*. Проводя через *чичипкан*, заклиняет так:

Аин Маин, помоги!

Аин Маин, его нить судьбы удлини!

Когда уводят родственники больного к себе домой, шаман также заклинательные слова говорит:

Проживи свой век (досл.: Век свой прошагай),
нить жизни твоя пусть не обрывается!

Тот *чичипкан* быстренько «закрывают» — ноги его деревянные связывают, далеко где-нибудь в лесу на построенный лабаз кладут. Прячут, чтоб никто не трогал.

Если олени болеют, то их тоже через *чичипкан* прогоняют. Если шамана нет, то это делает самый старейший.

Идол *Чичипкан* на обрядовом месте эвенков,
в 45 км от г. Якутска, на р. Кенкеме.

нывкил. Бэркэнэ овкил модук, пэктырэнывкил. Дылван чичипкан-
нива дэрэчит овкил. Саман мэн нимгандяна, гунывки, иду тар
халанг бидингэн, мэнын гунывки иду иливкандятын. Элэ чичип-
кандули нэнэвденэ, алгавки:

Аин Маин, бэлэдекэл!

Аин Маин, сирадякал!

Элэ бумудеривэ дялин хурувувкил дюлавар, саман-канан тыкэ
алгавки, гунывки:

Уедуви нэнэдекэл,

ухикэнгис эгин этыргэрэ!

Тар чичипканма химаканди самивкил — халгарбан уивкил,
тадук эгдэнду гуливкил. Даявкил, нги-кэт эдэн илечэрэ.

Орон бумуллэкин, нян чичипкандули нэнэвувкил. Саман ачин
бидингэн — сагдынгаха тара овки.

Часть II

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ

№ 1. Откуда появились у эвенков запреты *Одё* и традиции *Иты*

Сэвэки, сотворив землю, людей и зверей, удалился опять в свой Верхний мир — *Угу Буга*, назвав нашу землю *Дулин Буга*. Но, уходя в *Угу Буга* [навсегда], Сэвэки оставил *Иты* — правила жизни людей, правила поведения человека, традиции. *Иты* — это [свод заветов], по которым человек на *Дулин Буга* жить должен по Сэвэки (по заветам-наставлениям Сэвэки). А Харги ушел в Нижний мир — *Хэргу Буга*, сотворив его для себя и себе подобных, стал хозяином Нижнего мира [там и живет до сих пор], поэтому все опасное и вредное для человека приходит к нему из Нижнего мира. Так давным-давно появилась наша земля, называемая *Дулин Буга*. Так на *Дулин Буга* появился человек-эвенк — Двуногий да поперечноглазый черноволосый человек-эвенк, [в своих кочевках] все извилины земли своей проходящий.

№ 2. Почему люди говорят на разных языках

Давным-давно, когда только что создавалась-появлялась эта земля, люди жили. Девять братьев-мальчиков были. Одного корня 9 мальчиков появились-жили. Живя так, выросли, стали большими. Однажды навестил их творец Сэвэки, как они живут захотев узнать. Придя, творец Сэвэки то ли что-то спросил у них, то ли попросил что-то. Те дети были корнем человека (т.е. первыми людьми), никогда не разговаривали [до этого]. Когда задал им всем один вопрос, то ответили творцу враз по-разному [по-своему]. Так вот и стали они разговаривать каждый по-своему [разошлись в своей человеческой речи]. Сэвэки затем сказал:

— Впредь каждый из вас, хоть и одного корня вы, будет разговаривать по-своему.

№ 1. Идук Одёл, Итыл эмэчэл

Сэвэки, дуннэвэ, бэйнгэлвэ, бээлвэ окса, нян Угу Бугалаи нгэнэчэ, эр дуннэвэт Дулин Дуннэ гэрбинэ. Угу Бугалаи хурудюну, бээлду Итывэ эмэнчэ. Иты — он бэе Дулин Дуннэду бидэн Сэвэки гуннэн. Харги-канан хэргу бугала нгэнэчэ, таду эткэн-кэт бидерэн, тар нунган буган, эру-уха тадук эмэвки, Хэргу Бугадук, Харгидук. Тыкэн ноноё-нонон, билир-билир эр дуннэт оскечэ, Дулин Дуннэт гунмуври. Эр мит Дулин Дуннэдут эвэнки-бэе оскечэ — Дюр халгалкан, эвуныки ехалкан, коннорин дылилкан урагкай-эвэнки, дуннэ чэчэлбэн чэчэридери.

Записано от И.А. Лазарева в пос. Верхне-зейск (Амурская обл.) в 1975 г. Запись, расшифровка, перевод Г.И. Варламовой

№ 2. Он бэе турэнин эли-тали оча, еда бээл турэнтын хунтутоно бивки

Билир-билир, элэкэс дуннэ оскедерэкин-одяракин, бээл бичэл. Егин нэкунэчэн омологичар бидечэл. Умун тэкэчил егин кунгар бидечэл-оскедечэл. Тыкэн биденэл, ихэвдевкил, хэгдыкэр очал. Умнэкэн Сэвэки ичэнэчэ нунгарбатын, он-ке бидерэ, гуннэ. Эмэкэ, эхилэ тар кунгакардук екунма-ка ханнувки, екунма-ка гэлэвки-гу бичэ. Тар кунгакар бээл тэкэнтын бичэл, окин-да нонон эвкил турэттэ бичэл. Эхилэ хангуракин, хунтуконди, хунтуконо турэхинчэл умнэт. Тыкэн эхилэ хэрэкэлтэт турэчилчэл тар кунгар. Сэвэки тадук гунчэ:

— Эдук дюлэски су, умун тэкэчил бинэл-оскенэл, хунтуто-нот турэчилдингэхун.

С тех пор живущие на *Дулин Буга* люди говорят на разных языках, а раньше одного корня были.

№ 3. Старший брат Олдонындя и его сестры Нюнгурдок и Уняптукэн (Отрывок сказания)

Предыдущие события нимнгакана. Живут старший брат по имени Олдонындя с двумя сестрами — старшей Нюнгурдок и младшей Уняптукэн. Олдонынде не сидится дома, он все путешествует, искаживает все извилины земли. Сестры сидят дома, им скучно. Вот младшая Уняптукэн начинает ходить на берег большой реки, оборачиваясь белочкой. На берегу реки она находит опрокинутую дном вверх лодку и очень удивляется, видя ее впервые. Задумавшись о том, как и почему здесь вдруг откуда-то появилась лодка, она начинает бегать по лодке взад и вперед, стучит по ней коготками, спрашивая: «Что это за лодка такая? Откуда ты взялась? Наверное, ты не простая лодка, видимо, ты есть какой-то богатырь-мата, пришедший сюда, а теперь лежишь тут, обернувшись лодкой?!» В ответ на ее слова лодка превращается в молодого огромного толстого богатыря по имени Мачарандя. Они разговаривают, и с тех пор Уняптукэн ежедневно прибегает украдкой к Мачаранде. В ее отсутствие возвращается Олдонындя. Не видя Уняптукэн дома, начинает ругать старшую Нюнгурдок, хлещет ее веткой, приказывает найти и привести Уняптукэн. Нюнгурдок приводит сестру, Олдонындя наказывает ее, но она говорит ему, что из-за его постоянных отлучек хозяйство их совсем развалилось, изгороди для оленей сломались, дом прохудился. И вот поэтому она нашла *аи-мужчину*, *аи-человека*, чтоб помог по хозяйству. Так говорит и просит ее простить.

Вот Олдонындя, наказав [младшую сестру], сказал:
— Приведи своего приятеля!

Вот к нему, белочкой став,
пошла Уняптукэн.

А Мачара-то тоже побаивается старшего брата ее.
Вот своему [другу] Уняптукэн говорит:

— *Лиргинчочой, лиргинчочой!*

Мачара-богатырь, вот что я говорю:
старший брат Олдонындя

10 на нас сердится, — сказала. —

Если ты совестливый человек,
по совести с ним встретиться, — сказала. —
Ты есть *аи-человек*, по-человечески

Тарит эхилэ эр Дулин Дуннэду бидерил-оскедерил бээл хунту-
тонот турэчивкил очал, нонон-конон умун тэкэчил бичэл.

*Записано от И.А. Лазарева в пос. Верхне-
зейск (Амурская обл.) в 1980-е гг. Запись,
расшифровка, перевод Г.И. Варламовой*

№ 3. Олдонындя-акияндя, тадук Нюнгурдок Уняптукэннюн

- Тар Олдонындя акинын, идаакса, гунэн:
— Тарингни гэннэкэл!
Де таринглаи, улюкиткэн окса,
де хуруттэн Уняптукэн.
Мачаран нян нэлэчивки акинман.
Де тарингдулаи гунывки Уняптукэн:
— Лиргинчочой, лиргинчочой!
Мачара-мата, гуным гонэй:
Олдонындя-акиндякуй
10 мундулэ тыкулдыран, — гунчэ.
— Аямилкан совехилкан бимиконэ,
аямат совехиспи бакалдыкал, — гунчэ. —
Си ай-бэе бихинны, аихитты

[со старшим братом моим] встретиться, — сказала, — брат старший так приказывает.

Ну, вот тот Мачара-молодец, побаиваясь, все-таки пошел.

Когда пришел, сказал Олдонындя:

— *Эрилдонин, эрилдонин!*

20 Откуда ты появился?

Вот что я скажу, зачем в мое отсутствие приходил?

Человек-*аи* так не делает, — сказал.

Вот этот Мачара-мужчина так отвечает:

— *Геруканин, геруканин!*

Я есть *аи*-человек,

но настоящих людей-*аи* я не видел,

вот придя сюда, нашел, — сказал. —

Подобру поздороваемся, — сказал, —

по совести поговорим, — сказал. —

30 Я ничего плохого не сделал, — говорит, —

добром побратаемся, встретимся, — сказал.

И Олдонындя все-таки впустил его в дом,

подобрел, потом говорит Уняптукэн

(Уняптукэн-то виновата):

— *Эрилдонин, эрилдонин!*

Поведем речи сорока человек,

съедем за пятидесятерых,

оленья забейте, да за свадебку, — сказал.

Успокоился, наказав сестер.

40 Понравился ему будущий зять.

Вот так будучи, свадьбу справили.

Стали жить Мачара с Уняптукэн.

Но брат старший живя-живя

опять уходит куда-то.

Путешествует всегда, не сидит на одном месте.

Вот говорит своему зятю:

— Ну ты мужчина ведь,

за меня оставайся.

Хороший ты человек,

50 здесь и живи.

Вот так сделав, ушел.

Остальные остались, живут-живут.

Уняптукэн тяжёлой стала.

Вот Уняптукэн заболела,

- аямат бакалдыкал, — гунчэ, —
акинмун тыкэн гундерэн.
Де тар Мачара-омолгин,
нэлэнэ, син эмэлчэ.
Эмэксэкэн, ге гунылчэ:
— Эрилдонин, эрилдонин!
- 20 Идуккэкэн эмэчэскэн?
Би-кэ гуным, ачиндукив эмэчэскэн?
Аи-бэ тыкэн эвки ора, — гунэн.
Тарингин, Мачара-бэе гундевки:
— Геруканин, геруканин!
Аи-бэе би-кэ бихим,
аи-бэе эчэв ичэрэ,
эр эмэнэ, бакачав, — гунэн. —
Кэ, ая доровоё доровогот, — гунэн. —
Соваспит сэхэргэсчингат, — гуниттэн. —
- 30 Би эр ухава эчэв ора, — гунывки, —
аямат аилдыгат, бакалдыгат, — гуниттэн.
Тар Олдонындя син ивчэ дюлави,
син аёча, тадук Уняптукэнду гунчэ
(Уняптукэн буруичи бо):
— Эрилдонин, эрилдонин!
Дыгинман бэе сэхэнмэн сэхэргэскэт,
тунгадяр бэен депнэен депкэт,
оронмо вакаллу, де сивайбагат, — гунчэ.
Кэ, аёча, идакакса хунылби.
- 40 Кутэтнэгтпи аявулча.
Кэ, тар бидингэн, сивайбатта.
Биливкил Мачарандя Уняптукнюн.
Кэ, тар акияндятын биденэ-биденэ
нян-дат хурувки илэ-кэ.
Сурудювки, эвки умун дуннэду итэгэттэ.
Эхилэ кутэттуи гунывки:
— Кэ си бэе бихинны,
би оннудув бикэл.
Ая бэе бихинны,
- 50 эду-ты бидекэл.
Де тыкэн некэхэ, суруттэн.
Де тар эмэнмуксэл, биттэ-биттэ.
Уняптукэн ургэхиттэн.
Таду де Уняптукэн энулиттэн,

- родить собирается.
 Вот, начав рожать, говорить стала:
 — *Лиргинчоди, лиргинчоди!*
 Мачара, муж мой,
 Мачара-богатырь, — приговаривает, —
 60 березовую сопку,
 семь раз обойдя,
 семь березок сруби,
 принеси, — сказала.
 [Делают же роженице шалаш семижердевый
 на трех связанных жердях².]
 — Как сделаешь это,
 березовую сопку пройди,
 равнинка будет, — сказала. —
 Оттуда травы принесешь, — сказала.
 Вот Мачара побежал быстро.
 70 Вот быстренько принес,
 все сделал, что наказала.
 А Уняптукэн мучается,
 не может разродиться.
 Вот так мучаясь, говорит:
 — *Лиргинчодий, лиргинчоди!*
 Нюнгурдок-сестра, говорю,
 вот сейчас упадет, приготовься,
 крепись, ловко поймай! — сказала. —
 Очень шустрый мальчик, такой вот
 80 сильный ребенок будет он, — сказала.
 Вот стал ребенок рождаться,
 Нюнгурдок стала пеленать.
 Поймав выпавшего³,
 пытается запеленать,
 очень живой ребенок был.
 Вот мучается,
 никак не может запеленать.
 Так вот мучаясь, сказала [в сердцах]:
 — *Нюнгун, нюнгунтонон!*
 90 *Нюнгун, нюнгунтонон!*
 Ребенок-то
 разве может быть таким, фу, фу,
 плохой, плохой, говорю!
 И вот при этих словах ребенка выпустила [из рук].

- балдыдаи некэттэн.
Де, балдыликса, гунылчэ:
— Лиргинчоди, лиргинчоди!
Мачарандя эдыканым,
Мачара-мата, — гундекэны, —
60 чалбурчагга урэкэнмэ,
надамкара агиликсакан,
надан моксакана хогиксакан,
эмукэл-нэн, — гунчэ.
[Надан сонакан бивки эчэ,
илан халганын бивки, умун ситкэнэ.]
— Тадукин-нган одакис-нган
чалбуг урэвэ илтэнэкис,
хорол бидингэн, — гунчэ. —
Тадук ороктоё гадаи, — гунчэ.
Де Мачарат элэ мачарагдалиттан.
70 Де химаканди эмуттэн,
эхилэ оттан гуннэвэн.
Уняптукэн мунгнандявки
эвки балдыматта.
Тар некэденэ, гунывки:
— Лиргинчодий, лиргинчоди!
Нюнгурдоки-эки, гуным,
тыкидеккон, бэлэннэкэл,
маннуздаи, аят дявадаи! — гунэн. —
Со-да хуркэкэн, таргачин-нган
80 сурдак хутэ бидингэн-нэн, — гунчэ.
Кунакан балдылиттан,
Нюнгурдок чакилиттан.
Дяакса, тыкчэриwэ,
уховки чакилдаи,
кунакантын сома бичэ.
Де мунгнандявки,
эвки чакилитта.
Тар некэксэ болла, гунэн:
— Нюнгун-нюнгунтонон!
90 Нюнгун-нюнгунтонон!
Кунакантын-конон
эргэчин-ну бивки, кире, кире,
кире, кире, гуным!
Тар некэденэ, кунакантын мултуwча.

- Упустила, исчез их ребенок.
 Вот мать его:
 — *Лиргинчодий, лиргинчодий!*
 Нюнгурдок, старшая сестра,
 как же это случилось,
 100 зачем упустила его?! — ругается.
 Вот так навсегда и потеряли своего ребенка.
 Рассердилась, тяжелое слово произнесла.
 Вот поэтому и потеряли свое дитя.
 Ну вот, так живя-живя,
 Нюнгурдок стала мучиться кошмарами.
 Всю ночь кричит во сне,
 не спится ей спокойно.
 Нюнгурдок, мучаясь кошмарами,
 говорит во сне:
 110 — Нюнгун, нюнгунтонон!
 Что за муха,
 откуда-то появившись,
 хочет семя свое оставить?
 Что за муха такая
 спать спокойно мне не дает? — говорит.
 А это был и делал все
 сын Улгэра,
 Дылькэны-богатырь.
 Превратившись в муху,
 120 чтоб сделать своей женой, семя свое оставлял⁴.
 Вот так и живут:
 Уняптукэн ребенка потеряли,
 а Нюнгурдок всю ночь кошмары одолевают.
 Вот так долго жили,
 Уняптукэн девочку родила,
 Нюнгурдок от тех Улгэров [родовы]
 тоже дочь родила,
 Мэнгункэн назвали.
 Дочка Уняптукэн
 130 Нилбилкэн имя имеет,
 Дылькэны же (богатырь Муха) не появляется.
 И вот однажды Нилбилкэн стала во сне говорить:
 — *Гиривлаконин, гиривлаконин!*
 Спрашиваю я, что это со мной?
 То ли сон вижу, то ли кошмар это?

- Сучавча, ачин оран кунтакантын.
Де энинын:
— Лиргинчодий, лиргинчодий!
Нюнурдокиндя-гуй, экиндя,
он-ка тар бидингэны,
100 еда чучавунны?! — лягидевки.
Де тар эрэгэмэ сэнмичэл хутэвэр.
Сиргинчэ бичэ, ургэ турэнмэ гунчэ.
Тыкэн-ты сэнмичэл хутэвэр.
Де тыкэн, биденэл, биденэл,
Нюнурдок эхилэ ангариद्याма оча.
Долбо ангариद्याма оча,
эвки аят ахина.
Нюнурдок, ангариद्याна,
гунывки долбо:
110 — Нюгун, нюгунтонон!
Екун дылькартынэ,
иргикик нян гуным,
уняндавар некэрэ?
Екун дылькэн эвки
ахинмуvkана минэ? — гунывки.
Тар бичэ, некэдечэ
Улгэр-омолгин,
Дылькэны-мата.
Дылькэчэн она,
120 ахияви гадай унулдечэ.
Де тыкэн бидевкил:
Уняптукэн кунаканман сэнмичэл,
Нюнурдокиндя ангаридавки долбоныва.
Де тыкэн бидекэннэл,
Уняптукэн хунатканма балдывки,
Нюнурдок тар Улгэрилкэндук
нян хунатканма балдывки,
Мэнгункэн гэрбивкил.
Уняптукэн хунатканын
130 Нилбилкэн гэрбичи овки,
Дылькэнытын эвки эмэрэ.
Де тар умнэкэн Нилбилкантын ангарилча:
— Гиривлакониин, гиривлакониин!
Би-кэ, гуным, едям-канан?
Толкичим-ну, ангариdiam-ну?

Оказывается, такое бывает, говорю,
оказывается, старший брат у меня есть? — говорит.
Тетушка Нюнгурдок, матушка Уняптукэн,
какой-то шум приближается, — сказала.

- 140 И вправду кто-то идет,
звук слышится, шум приближается.
Приближаясь, кто-то начинает петь:
— *Гирге, гиргилонин!*

Гирге, гиргилонин!
Уняптук-матушка,
Мачара-батюшка, — говорит, —
были у меня, — говорю, —
украден, унесен я, — говорит.
(Его же птица унесла.

- 150 В скалы унесла птица,
на границе скал вырастила его.)
— Турулкэн-украдыш
имя свое имею.
Журавленком будучи (т.е. как журавленок),
живя с журавлями, вырос я.
Уняптукэн-мать,
гирги, гиргилонин,
гирги, гиргилонин,
вшестеро заплетенная (т.е. имеющая шесть кос)

- 160 Нюнгурдок-тетушка,
осердившись-потерявши,
упустила-потеряла меня, — говоря, поет так.
Гирги, гиргилонин!
Погоди-ка, дай-ка мне увидеть тебя! — говорит.
Услышав это,
Нюнгурдок напугалась.
Она виновата ведь,
ребенка она же упустила.
И вот тот, поючи, приближается:

- 170 — *Гирги, гиргивлонин!*
Гирги, гиргивлонин!
Журавлей воспитанник,
на границе скал
выросший мальчик.
Шестикосой Нюнгурдок,
внешность ее

- Таргачин бичэ-гу, би-кэ, гуным,
акичи-гу бичэ-гу би? — гуннэн.
Экиндяв Нюнгурдок, эне Уняптук,
екун-ка игин эмэдерэн, — гунэн.
- 140 Де тэдемэ-ты еkun-ка эмэлчэ,
игин долдывувки, игин эмэлчэ.
Эмэденэ, ни-кэ икэлчэ:
— Гирге, гиргилонин!
Гирге, гиргилонин!
Уняптук-энекэн,
Мачара-амакан, — гунэн, —
бичэ бихим-кэ, — гуным, —
дёромоксо, дэгиливчэ, — гунэн.
(Дэги дёромочо бичэ тарингатын.
- 150 Тар дэги дёлолдулэ эксэчэ,
дёлол дяпкадутын иргичэ тара.)
— Турулкэн-дёролконын
бихим гэрбилкэным,
Турулкэн дэгиткэн,
биденэ, иргитчэв.
Уняптукэн энив,
гирги, гиргилонин,
гирги, гиргилонин,
Нюнгун дюптылкакун
- 160 Нюнгурдок-экикэн,
сиргинчэ-сэнмичэ,
сиргинчэ-сэнмичэ минэвэ, — гуннэ, икэвки.
Гирги, гиргилонин!
Бэи-кэ, би синэвэ ичэдингэв! — гунывки.
Де тара долдыкса,
Нюнгурдок-кэнэ нгэлэливки.
Нунган бо буруичи,
кунаканматын суптывча бихин.
Тарингинтын, икэденэ, дагамадявки:
- 170 — Гирги, гиргивлонин!
Гирги, гиргивлонин!
Турукчан иргингэн,
дёлол дяпкалдутын
оскечэ омологи.
Нюнгун Нюнгурдокиндя,
ахун-ка бихивэс

увидеть хочу,
говоря, приближаюсь.
Рассердившись, ты же
180 [на землю] бросила меня,
вот меня и украли! — сказал.
От этого еще пуше испугалась Нюнгурдок.
Не смогла запеленать, мучаясь и силясь,
Нюнгурдок рассердилась ведь тогда,
тяжелое слово произнесла, плохо сказала.
Поэтому двухголовый орел и украл того [ребенка].
Вот вырос парень, путешествовать стал,
вот поет-говорит приближаясь.

№ 4. Могучий человек Эринындя-богатырь

Два человека жили,
родившись братьями.
Старшего звали
Эринындя называемый.
Младший Торганандя
такой дурак был,
глупец Торганандя.
Старший брат его, уходя,
на лося уходя, говорит:
10 — Ничего-то, ничего
в доме не трогай.
Огонь подтапливай,
подтапливай, потухнет.
Я же поохочусь, — говорит.
Перед тем как уйти
Эринындя за дровами идет,
заготовив, колет,
в *утэн* заносит,
Торгананде-дураку,
20 уходя, говорит:
— За огнем присматривай.
Приготовив все, уходит.
Поохотившись, поохотившись,

- ичэдингэв синэвэ,
гуннэ, эмэдем.
Сиргиниксэ, си-кэ
180 гарандача бихинны,
тадукин деромовуксакан бихим! — гунчэ.
Де тадуккар Нюнурдокиндя нгэлэлчэ-вет.
Тар энэ чакилитта, мунгнандяна,
Нюнурдокиндя сиргэнчэ бичэ,
эрут гунчэ, ургэ турэнмэ гунчэ.
Тадук дюр дьилиаи оксокундя тарингган дёромочо.
Элэ ихэвчэ омонгитын, некээктэвки оча,
тар эхилэ икэденэ-гунденэ эмэдевки.

*Записано от А.С. Гавриловой в пос. Удское
Хабаровского края в 1989 г. Запись, рас-
шифровка, перевод Г.И. Варламовой*

№ 4. Со бэе Эринындя-мата

- Дюр бээл бичэл,
нэкунэчэ оскечэл.
Акинын гэрбин
Эринындя гунэри.
Нэкундыгу Торганандя
едук-та сурдак акари,
ангали Торганандя.
Акинын сурудюну,
бэюдэнэ гунывки:
10 — Екунма-да, екунма-да
дюдю экэл илечэрэ.
Тогови иланнакал,
иланнакал, сивдингэн.
Би-кэ бэюм, — гунывки.
Эделии нгэнэрэ
Эринындя молавки,
молакса, ивэвки,
утэндулэ ивувки,
Торганандя-ангалиду,
20 хурудюну, гунывки:
— Тогови ичэтчэкэл.
Бэлэннэхэ, хурувки.
Бэюктэнэ, бэюктэнэ,

вечером возвращается.
Младший же брат-дурачок
приготовленные дрова
все истапливает,
в *утэне* своем сидит.

— Ну, как же это так?

30 Зачем все дрова кончил?

Я же, устав, пришел.

— Ой, ой, — тот в ответ, —
и я когда-нибудь
тебя вместо дров заготовлю.

— Что это за речь такая, младший брат,
разве человека вместо дров употребляют?
Я ведь не дерево-лиственница.

Ну и дурак ты,
ну и глупец ты!

40 Ну вот и живут,
ну так вот живя,
Эринындя опять на охоту идет.
Уходя, говорит:

— Если кто-нибудь придет,
дом свой не показывай,
пусть хоть кто будет, не открывай.

— Зачем же, брат, открою,
зачем, брат, покажу.

— Ни самострелы мои, ни луки-*аланга*
50 хоть кто будет, никому ни за что
не показывай, никому.

Я на охоту иду, ухожу,
за огнем смотрю.

Ушел Эринындя,
на охоту ушел Эринындя.

Три дня прохотив,
возвращается Эринындя.

Лосище принес,
почки его принес,

60 печенку его принес.

— Ну, брат Торганandia,
как тут было без меня?
Кто-нибудь приходил?
Кто-нибудь появлялся?

- ахилтана мучувки.
Тар нэкунын ағалин
бэлэннэвчэ моқанми
бутуннувэ манача,
утэндуи тэгэтчэвки.
— Эр-кэ, эр-кэ он тыкэ?
- 30 Еда мова маначас?
Би дэриксэ бо эмэм.
— Ае, ае, — тарингин, —
би-дэ, би-дэ окин-мал
синэвэ моладингав.
— Он-ка тар гуктэс, нэку,
молавкил до бэевэ?
Мо-ирэктэ эчэ бихим.
Ағали-да бихинны,
акари-дэ бихинны!
- 40 Кэ тыкэ бидеденэл,
кэ тыкэ некэденэл,
Эринындя нян бэювки.
Хурудюну гунывки:
— Ни-дэ, ни-дэ эмэрэкин,
экэл дюви ичэвкэнэ,
ни-дэ бигин, экэл нырэ.
— Еда, аки, ныдингэв,
еда, аки, ичэвкэндев.
— Бэркэнилбэв, аланалбав
- 50 ни-дэ бигин, экэл экэл
ичэвкэнэ ниду-дэ.
Би бэюдем, хурудюм,
тогови ичэтчэкэл.
Нэнэрэн Эринындя,
бэюрэн Эринындя.
Илаллава некэехэ,
мучувки Эринындя.
Бэюндява эмувки,
бохоктолво эмувки,
- 60 хакикарба эмувки.
— Де нэкунми, Торганандя,
минэ ачин он бихис?
Ния-вэл некэечэл?
Ния-вэл эмэктэчэл?

Луки-аланга, самострелы мои
 никому не показывал ли?
 Где я охочусь, не рассказывал?
 — Нет, нет, — тот в ответ,
 подштанники почесывая. —

70 Никто не приходил.
 Ну вот опять брат уходит,
 Торганандя дома остается.
 Торганандя-глупец,
 огонь свой разжигая,
 в *утэне* своем сидит.
 Вдруг девицы-*киливли*
 в *утэн* его приходят.
 Торгананде-дураку,
 так говоря, говорят:

80 — Где же, где же брат твой?
 На охоту ли ушел, дома ли?
 — Нет, нет брата, —
 отвечает глупец,
 девицам-*киливли* говорит.
 — Ну, брата своего самострелы,
 луки и стрелы его
 покажи-ка, — говорят⁵.
 — Ой, ой, — глупец, —
 не дам, не дам!

90 — Ну что ты! — говорят, —
 дай, дай, покажи!
 Не дал Торганандя,
 а те рассердились,
 обозвали, обругали:
 — Ты что глупец?
 Дурак что ли ты?
 Так вот сказав, ушли,
 так вот говоря, улетели.
 Ну вот девицы улетели,

100 Эринындя приходит.
 Торганандя говорит:
 — Девицы приходили,
 за самострелами твоими приходили,
 самострелы твои просили,
 стрелы твои просили.

- Аланалвав, бэркэлбэв
нияду-вэл ичэвкэнныс?
Бэюривэв улгучэнныс?
— Эчэв, эчэв, — тарингин,
Хэркий охиттан. —
- 70 Ни-дэ эчин некээрэ.
Де акинын нян бэювки,
Торганандя дюду бивки.
Торганандя-анали,
тогови илатчана,
утэндуи тэгэтчэвки.
Арай ахал-киливлил
утэндулэн эмэрэ.
Торгананду-акариду,
тыкэ гуннэл, гуниттэ:
- 80 — Иду, иду акинны?
Бэючэ-гу, дюдуви-гу?
— Ачин, ачин акинми, —
тэдэвувки анали,
киливлилду гунывки.
— Кэ, акинми бэркэрбэн,
аланалбан, нюрилбан
ичэвкэкэл, — гунывчил.
— Ае, ае, — аналитын, —
энэтыв бурэ, энэтыв бурэ!
- 90 — Эрэй, эрэй! — гуниттэ, —
букэл, букэл, ичэвкэкэл!
Эчэ бурэ Торганандя,
тарингилин тыкулчал,
дяргаятчал, лягичэл:
— Анали бихинны до?
Акари бихинны до?
Тыкэн гуннэл, хуручол,
тыкэн гуннэл, дэгилчэл.
Кэ киливилл дэгилчэл,
- 100 Эринындя эмэрэн.
Торганандя гунывки:
— Ахакар эмэктэрэ,
бэркэлбэс эмэктэрэ,
бэркэлбэс гэлэритын,
нюрилбас гэлэритын.

- Я же, брат, не дал им.
 Назавтра Эринындя
 опять на охоту уходит.
 Как только ушел, приходят
- 110 девицы-киливлі,
 опять, летя, приходят.
 К *утэну* приближаются,
 Торгананде говорят:
 — Нам поесть, пошашлычить
 мяса, Торганандя,
 нам дай, — говорят.
 — Не дам, не дам! — тот.
 — Как это голодных
 не хочешь накормить?
- 120 Угостить не хочешь?
 Торганандя-глупец,
 девиц пожалев,
 дал сухого мяса.
 В дом впустил,
 брата самострел,
 показывая, дал.
 А те смеясь:
 — Эринындя когда придет,
 голову тебе оторвет,
- 130 волосы повырывает
 за то, что самострел дал,
 за то, что луки показал!
 Смеясь, смеясь,
 обзывая его, ругая, улетели.
 Совсем улетели, брат приходит.
 Придя, вернувшись, говорит:
 — Кто это приходил?
 Где сухое мясо?
 Почему кончается?
- 140 — Девицам дал, — глупец,
 подштанники почесывая.
 — Что за девицы?
 Что за женщины?
 — Птицы-девицы приходили,
 мяса сухого просили.
 Самострел твой взяли.

- Би-кэ, аки, эчэв бурэ.
Тыматна Эринындя
нян бэювки, хурувки.
Хурукенын, эмэвкил
110 киливллил-ахакакар,
нян, дэгитнэл, эмэвкил.
Утэндулэ дагамавкил,
Торгананду гунывкил:
— Дебдэвун, силаттавун
уллэкэнэ, Торганандя,
мунду букэл, — гунывкил.
— Этэм, этэм! — таринитын.
— Он-кана дему
энгнэнны улирэ-кэ?
120 Туюрэ энгнэнны?
Торганандя-ангали,
ахакарба муланна,
хуликтэкэнмэ бучэ.
Дюлави тынчэ,
акинми бэркэнмэн,
ичэвкэннэ, бучэ.
Таринилин инеденэл:
— Эринынде эмэми,
дылвас конкодингон,
130 нюриктэлвэс исчинган
бэркэрвэн бунэлис,
алангалван ичэвкэннэлис!
Иненэл, иненэл,
дьярганал, дьярганал нэнэчэл.
Тыкин нэнэрэ, акинын эмэрэн.
Эмэксэ, мучукса, гунэн:
— Эр-кэ нги некэечэ?
Хуликтэнгис еча?
Еда манавчас?
140 — Хунылду буриу, — ангалиндя,
хэркиви охиттана.
— Емал хуныл?
Емал ахал?
— Киливллил эмэктэритын,
хуликтэвэ гэлэритын.
Бэркэнмэс гаритын.

- Ну и дурак же ты,
глупец же ты!
Назавтра Эринындя,
150 рассердись, сердясь,
на охоту идет.
Подумав, подумав,
от дома отойдя,
на птичьей тропе девиц
костер разводит.
Костер разведя,
чай кипятит,
там же спать ложится.
Совсем не засыпает, краем уха,
160 краем уха
сквозь сон слушает,
женщин поджидает.
Эрэй, эрэй! Что это?
Кто-то, кто-то пришел,
кто-то, кто-то говорит:
— Что там говорили, что
Эринындя могучий человек!
Ловящий всех, говорили.
Фу, фу!
170 Заснул ведь
Эринындя могучий человек!
Так говоря, *киливали*
Эринынди глаз,
прямо его глаз ковырять стала,
издеваться над человеком стала.
Эринындя могучий человек
схватил девицу,
при этих ее словах схватил:
— Женщину-то уж, *киливицу*-то уж,
180 писающую на подвязки унтов,
не поймаю, что ли? —
могучий человек Эринындя [говорит].
Стоя писающий есть я,
мужчина-богатырь есть я,
и вправду Средней земли
рукоятку-ось держащий
могучий человек Эринындя

- Акари-да бихинны,
анали-да бихинны!
Тымарин Эринындя,
150 тыкулдяна, тыкулдяна,
бэюдэи нгэнэвки.
Дялдадяна, гунчэденэ,
дюдукки адагакса,
киливлил хокторондутын
отуканми илавки.
Отуканма илакса,
чаингни хуювуксэ,
таду-ты ахивывки.
Эвки сомат ахина,
160 сен мудандин,
адяна, долчудявки,
ахалва алатчавки.
Эрэй, эрэй! Екун тар?
Нги-кэ, нги-кэ эмэрэн,
нги-кэ, нги-кэ гунэрэн:
— Ева-ка гунынгитын
Эринындя со бэе!
Дявучари, гунынгитын.
Кире, кире!
170 Ахинча-нан
Эринындя со бэе!
Тыкэн гуннэ, киливли
Эринындя ехаван,
ехамаван чокиллан,
бэевэ илечэллэн.
Эринындя со бэе
бурбэлирэн ахива,
гунденэкэн дяваран:
— Ахимива, киливлива,
180 суксэду чикэнэриэвэ,
этэм дявара до? —
со бэе Эринындя.
Илитты чикэнэри,
хуркэн-мата бихим бо,
тэдемэ-ты Дулин Буга
тутаккан дявучари
со бэе Эринындя

- разве может упустить женщину,
женщину-то уж упустит разве?!
- 190 Ну вот поймал одну,
другая убежала, улетев.
Киливли поймав,
похлестал хорошенько.
Хлеща, спрашивает:
— Женой пойдешь за меня?
Мужчине другом станешь?
— Нет, — говорит та.
Эринындя могучий человек
птицу-девицу
- 200 связанной стал держать.
Долгонько связанной держал.
— Не отпущу, — говорит, —
женой мне станешь, — сказал.
Вот так жили-жили,
привыкла ли, полюбила ли
могучего человека Эринындю.
Семь кос имеющая
Секакиндя-киливли
имя ее было,
- 210 Семижды заплетенная (т.е. семь кос имеющая) *Секакиндя*.
Вот так женился,
жену себе нашел
могучий человек Эринындя.
Вот уходит на охоту,
Секакиндя с дураком,
С Торганандей-глупцом,
дома остаются.
Уходя, могучий человек Эринындя
семь кос имеющей жены
- 220 *Секакиндя-киливли*
крылья ее на дерево повесил,
высоко повесил.
Уходя, брату говорит:
— Крылья ее ей не давай.
Так сказав, ушел,
так сказав, отправился.
Семь кос имеющая
Секакиндя-киливли
глупцу Торгананде,

- ахимива суптывдян до,
ахимива мултувдян до?!
190 Де дяваттан умуконмо,
ге тухаллан, дэгилнэ.
Киливлива дявакса,
идакакал аямат.
Идакана, хангувки:
— Ахидув нэнэдингэс?
Бэе гиркин одингас?
— Этэм, — гунэн тарингин.
Эринындя со бэе
киливлива-ахива
200 хэркучэнэ дявучаран.
Гороконмо хэркучэрэн.
— Этэм тынэ, — гунэрэн, —
ахив одяс, — гуниттэн.
Кэ, тар бими-бими,
татылча-гу, аявулча-дэ
бидингэн со бэе Эринындява.
Надан надарманчан
Секакиндя киливли
гэрбин бичэ гунмуври,
210 Надан надарманчан Секакиндя.
Де тыкэн ахилача,
ахияви бакача
со бэе Эринындя.
Де эхилэ бэювки,
Секакиндя ангалинюн,
Торганандя-акаринюн,
дюдуви эмэнмувки.
Хурудюну, Эринындя со бэе
надан надарманчан ахиви
220 Секакиндя киливли
дэктэннэлбэн ирэктеду локочо,
угияли локочо.
Нэнэхиннэ, нэкундуи гунывки:
— Дэктэннэлбэн экэл бурэ.
Тыкэ гуннэ, хуручо,
тыкэн гуннэ, нэнэчэ.
Надан надарманчан
Секакиндя-киливди
ангалиду Торгананду,

- 230 так говоря, говорит:
 — Ну, Торгану, миленький,
 брат твой крылья мои
 на дерево повесил.
 Их, младший брат Торгану,
 на дерево залезши,
 старшей тете принеси,
 крылья мои принеси.
 — Нет, нет, — тот. —
 Брат наругает меня,
 240 не давай, говорил.
 Семь кос имеющая
 Секакиндя-киливли:
 — Ну, братец, принеси.
 Игрушку тебе дам!
 — Правда что ли, тетушка? —
 глупец спрашивает.
 — Правда же, правда!
 Беленькую тебе дам,
 черненькую тебе дам.
 250 Торганандя поверил,
 оба крыла принес.
 Крылья ее принес,
 потом, подштанники почесывая,
 про игрушку спрашивает, просит.
 Семь кос имеющая *киливли*
 Секакиндя обманула глупца,
 надавала ему собачьего помета.
 А что нашему дураку, глупцу что.
 — И вправду хорошая игрушка! — сказал.
 260 Так говоря, стал играть [пометом как мячиками],
 Секакиндя же улетела⁶.
 Могучий человек Эринындя,
 поохотившись, возвращается,
 у брата спрашивает:
 — Где тетя твоя?
 — Улетела.
 — Как это улетела?
 Ты ей крылья достал?
 — Игрушку она мне дала, —
 270 глупец говорит. —
 Очень хорошие игрушки,

- 230   тыкэ гуннэ, гунывки:
      Де Торгану, гудяе,
      акинны дэктэннэлбэв
      ирэктэду локочо.
      Тара, нэку Торгану,
      ирэктэлэ туктыхэ,
      экиндуи эмуvkэл,
      дэктэннэлбэв эвуvkэл.
      — Этэм, этэм, — тарингин. —
      Акинми лягидинэн,
240   экэл бурэ, гунэрин.
      Надан надарманчан
      Секакиндя-киливли:
      — Кэ, нэку, эмуvkэл.
      Эвикэнэс будингэв!
      — Тэдемэ-гу, эки? —
      аналиндя ханнуvки.
      — Тэдемэ-ты, тэдемэ!
      Багдарина будингэв,
      коннорина будингэв.
250   Торганандя тэдечэ,
      дэктэннэлбэн эмучэ.
      Дэктэннэлбэн эмучэ,
      тадук элэ, хэркиви охитна,
      эвикэнми ханнуvки, гэлэvки.
      Надан надарманчан киливли
      Секакиндя улокиттэн аңалива,
      денгир нгина нёняван бучэ.
      Аңалингит единган, акари бо.
      — Тэдемэ-ты ая эвикэн! — гунэн.
260   Тыкэ гуннэ, эвиллэн,
      Секакиндя дэгиллэн.
      Эринындя со бэе,
      бэюдэнэ, мучувки,
      нэкундуvки ханнуvки:
      — Экиныс еча?
      — Дэгилчэ.
      — Он дэгилчэ?
      Дэктэннэлбэн бучэс до?
      — Эвикэнэ бурин, —
270   аналиндя гунывки. —
      Ая сома эвикэр,

и белые, и черные,
посмотри! — говоря, приносит.

Эринындя отлупил брата,
отхлестал его как следует.
Могучий человек Эринындя,
Средней земли рукоятку-ось
державший ведь человек.
Погнался за своей женой.

280 Долгонько гонится,
конца земли достиг.
Пришел в одну землю,
птиц-девиц родину,
извилины земли исходив,
долгонько ходя, пришел.
А на земле *киливи*
*Икэник-игрища*⁷ начинаются, туда пришел.
Пошел туда, спрятался.

290 Где дрова рубят, спрятался,
около одного *утэна*.
В этом *утэне* одинешенек,
в люльке лежа,
ребенок плачет,
мальчик плачет.
Этого мальчика *сойка-кукша*
в люльке качает.
Кое-как убаюкивает,
ребенок же плачет.
Убаюкивая мальчика,

300 *кукша* поет:
— Секакиндя, старшая сестра моя,
на игрища ушла.
Противная сестрица
Эринынди ребенка
бросила, плакать заставляет.
Пытается убаюкать, пытается,
плачет все равно мальчик.
Кукша щиплет его за ухо,
чтоб сильнее ребенок заплакал (тогда мать его услышит).
310 Ущипнула за ухо,
зовет сестру *кукша*:
— Если придет Эринындя,

- багдарин-кат, коннорин-кат,
ичэкэл! — гуннэ, эмувки.
Эринындя акинын дуктэяттан
нэкунми, идакаран акарива.
Эринындя со бэе,
Дулин Буга тутакван
дявучари бэе бо.
Де ахиви ахалча.
- 280 Гороконмо ахадявки,
дуннэ муданман иснаран.
Умун дуннэлэ эмэрэн,
киливлил бугалватын,
дуннэ чэчэлбэн чэчэриденэ,
гороконмо нэнэхэ, эмэрэн.
Киливлил бугакандутын
Икэник одяран, тала эмэрэн.
Нэнэксэкэн, дыкэныттэн.
Ивэкдутын дыкэниттэн,
- 290 умун утэн дагадун.
Тар утэнду эмуккокун,
эмкэдуи хуклэтнэ,
кугакан сонгодевки,
хуркэткэн сонгодевки.
Тар хуркэнмэ кукэки
эмкэдун бэчитчэвки.
Уховки бэчитчэдэви,
сонгодевки кунакан.
Эмкутчэнэ хуркэткэнмэ,
- 300 кукэки хэгэливки:
— Секакиндя экинми
икэниклэ нэнэхэ.
Кувулгат экинми
Эринындя хутэвэн
гарандача, сонгодон.
Ухорон, ухорон бэлудэви,
сонгодевки хуркэткэн.
Кукэки сендукин човэколорон,
тэтэмият сонгодон.
- 310 Човоколоно сендукин,
кукэки эридевки экинми:
— Эринындя эмэми,

- почки принесет!
 Птенчика бросила
 Сеакиндя-сестрица,
 зубы он тебе повывергивает,
 когда придет Эринындя!
 Эринындя могучий человек
 тут же сидит,
 320 где рубят дрова спрятавшись.
 Кукуша поет,
 сестру зовет:
 — Кую-кулюркон!
 Эй, сестра, приходи!
 Дитя твое задохнется [от плача],
 эй, сестрица, приходи!
 Эринындя, спрятавшись,
 тут же сидит,
 как кукуша зовет,
 330 сидя слушает.
 Видит тут, как, услышав кукушу,
 «порх» прилетела!
 Ребенка накормила, убаюкала.
 Как только заснул тот,
 опять ушла,
 на Икэник пошла.
 Ребенок же опять заплакал,
 кукуша опять убаюкает.
 Баюкает, баюкает,
 340 плачет ребенок.
 Не может убаюкать кукуша,
 опять сестру зовет:
 — Кую, кулюркон!
 Эй, сестрица, приходи!
 Дитя твое задохнется.
 Вот отец его придя
 отхлещет тебя.
 Услышав кукушу,
 Сеакиндя-киливли
 350 опять «порх» прилетела.
 Даже платья подол «нэптэс»
 хлопнул [когда садилась].
 И вдруг! Эринындя могучий человек

- бохон'ное эмувдинэн!
Чивкачана гарагатчингас
Секакиндя экинде,
иктэкэнмэс илединэн,
Эринындя эмэми!
Эринындя со бэе
эду тэгэтчэвки,
320 ивэкдутын дыкэнчэ.
Кукэки икэдевки,
экинми эридевки:
— Кую-кулюркон!
Эй, эки, эмэкэл!
Хутэс ханундинан,
Эй, эки, эмэкэл!
Эринындя, дыкэниксэ,
эду-ты тэгэтчэвки,
кукэки эридеривэн,
330 тэгэтчэнэ долчачивки.
Ичэрэн — ахи кукэкивэ
долдыкса, «нэлбэс» эмэрэн!
Хутэви улирэн, бэчиттэн.
Мунэкэн ахиннакин,
нян-дат хурурун,
икэниклэ нэнэрэн.
Хутэн нян-дат соголлоон,
кукэки нян-дат бэчиттэн.
Бэчиттэн, бэчиттэн,
340 согодевки кунгакан.
Туркэврэн кукэки бэчиттэи,
нян экинми эриллэн:
— Кую, кулюркон!
Эй, эки, эмэкэл!
Хутэс ханундинан.
Аминын эмэми
идакадинан синэвэ.
Кукэкивэ долдыкса,
Секакиндя-киливли
350 нян-дат «нэлбэс» эмэрэн.
Урбакиндян «нэптэс»
оран тэгэрэкин.
Эрэй! Эринындя со бэе

тут же поймал ее.
 Хлестать стал, говоря:
 — Семь кос имеющая
 Секакиндя-жена,
 от мужа убежав,
 парнишку мучаешь,
 360 ребенка плакать заставляешь,
 вот пришел твой муж Эринындя!
 Похлестав, похлестав,
 домой увел.
 Жить там стали.
 Семь кос имеющая
 Секакиндя-киливли
 Эринынде могучему человеку
 хорошей женой-подругой стала.

№ 5. Торганай

В древности-древности два брата родных жили.
 Одна лошадь у них была.
 Мать у них была,
 парни охотой жили.
 Один из братьев по имени Торганай жену имел.
 Когда кончилась еда, они на охоту пошли. Охотясь,
 до самого вечера, пока ночь не наступила,
 лосей гнали. Когда уже темно становилось, лосей убили.
 И вот, когда, убив, свеживали, шашлычили,
 10 вдруг в воздухе песня послышалась.
 — Торганай такой-сякой!
 Печеночки да сердечко
 шашлычишь ты,
 а меня-то, меня
 среди туч и тумана,
 поверху их
 Каданай с Дёлоном,
 украв, уносят!
 И вот как эта песня послышалась,

дявакал-вет нунанман.
Идакана, гуныллэн:
— Надан надарманчан
Сеакиндя-ахиндяв,
эдыдукки тухална,
хуркэнмэв мун'надянны,
360 хутэвэ сонговчоденны,
Эринындя эдыс эмэрэн!
Идакакса, идакакса,
дюлави эксэттэн.
Биллэ таду.
Надан надарманчан
Сеакиндя-киливли
Эринындя со бэе
ая ахин-гиркин оран.

*Записано от Н.И. Федоровой в пос. Влади-
мировка Хабаровского края в 1982 г. За-
пись, расшифровка, перевод Г.И. Варламовой*

№ 5. Торганай

Билир-билир дюр нэкунэчэл бичэл.
Умукон муричил бичэл.
Эничил бичэл,
омолгихалин бэюктэвкил бичэл.
Умукон омолги Торганай гунмури атыркачи бичэ.
Девгэтын манавракин бэючэл. Тар бэюксэкил,
кихэнывэ кихэлдэлэн, долбоныва долбодолон,
бэюрбэ ахачал. Хактыралдяракин бэюрбэ вачал.
Тар арай вакса хигдерэктын, силатчарактын,
10 арай халлантыкаи сэгэн долдывча.
— Торганайми-нганэ, нганэ!
Хакиннилби неваннилби
силатчамикале-нэнэ,
минэвэ-нэнэ, нэн
туксукур-тамнаксакур,
оёёлитэ-нэнэ
Каданайя Делонойнун,
деромоксол, дэгивдерэ!
Тар тыкэ гундекенын-хэгэдекенын,

- 20 лук свой схватив, вверх выстрелил Торганай.
Как выстрелил он, скалы-камни
«гир-гир» загрохотали.
После этого повернули братья, братья
домой вернулись.
— Лыжи свои взяв, погонюсь, —
Торганай-молодец говорит.
Мать его говорит:
— Нет, утром пойдешь.
— Нет, сейчас же погонюсь, — говорит Торганай.
- 30 Вышел Торганай, лыжи-кинглэ свои
брал когда, вдруг, лошадь его
заговорила-запела,
вот так говоря:
— Торгея, Торгея, хозяин мой, хозяин!
В левое ухо мое влезай! В левое ухо влезай!
Через правое выйдя, увидишь, жеребёнка рожу,
рожу для тебя, для тебя.
На него садясь, погонишься, — сказала.
И действительно, утром встав,
- 40 в левое ухо лошади пролез,
через правое вылез, через правое ухо
вылез — жеребенок стоит.
— Это твой жеребенок, на него садись да поезжай, —
сказала [лошадь].
- Сел на того жеребенка, поехал. Погнался
Едет-едет, скачет-скачет.
Скакал так, конь его остановился на полянке.
— Торгея, Торгея! Хозяин мой, хозяин!
Здесь красивые девушки быть должны, прекрасные-то!
Как мимо них поедem, не смотри на них, не оглядывайся.
- 50 «Устал ты, пить, вероятно, захотел!» — скажут. —

«Передохнуть и чай попить сойди с коня», — скажут.
Не смотря на них, проезжай, — так сказал [конь].
Сказав так, конь поскакал дальше.
Скачут они, скачут, скачут и скачут.
И вдруг действительно девушки есть, зовут:
— Торганай, отдохнуть-почаевничать иди сюда, —
говорят.
- Даже не посмотрел на них, поскакал дальше Торганай.

- 20 люкиви гакса, угискэки люкулечо.
 Тар люкулерокин, делокур-кадаркур
 «гир-гир!» ниргихинчал.
 Тар некэксэ эле омонгил, омонгил
 дюткакивар мучухинчал.
 — Де кинглэлби гакса, ахадялим, —
 Торганай-омонги гунывки.
 Энинын бими гунывки:
 — Экэл, тэгэлтэнэ хурудови.
 — Эчэ, хурудюлим, — Торганай гунывки.
- 30 Юрэн Торганай, кингнэлби
 гадяракин, арай мурины
 икэллэн-турэчиллэн,
 тыкэн-гуннэ:
 — Торгея, Торгея, хунниран, хунниран!
 Дегингулим сендулими игэхинкэл-нэнэ!
 Аннулими юксэ-нэнэ ичэдэви, муркана-нан балдыдяв,
 балдывдям синду-нэн, синду-нэн.
 Таду-наны угикса-нан нэнэдэви, — гучэ.
 Килдык-дэ тэгэлтэнэ тэгэксэ,
- 40 дегингулин сендулин игэхинчэ,
 ангулин ючэ, арай ангули сендулин
 юрэкин — арай муркан илгимадяран.
 — Эр синни мурканны, эду угкал-да хурукул, — гучэ.
- Тарингдуви угча, хуручо. Ахадяхича.
 Нэнэчэ-нюн нэнэчэ, хуктывчэ-нюн хуктывчэ.
 Тар хуктывденэ, мурины нан илча авлакачанду.
 — Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
 Эду-нэнэ бидингэтын хуныкикир аямамал, гоёёмомол-нэнэ!
 Таду-нэнэ энэмэмэ ичэхинэ, энэмэмэ этэхинэ-нэнэ.
- 50 — Дэрунэспэл биденгэнэ, умулнаспал бидингэнэ! —
 гундегэтын-нэнэ.
 — Дэрумкимнэк чайтымнак уилтэкэл, — гундегэтын.
 Таду-наны энэмэмэ ичэхинэ-нэны, — тар тыкэн гучэ.
 Тыкэн гуннэ, мурины нан хуктывдехичэ.
 Хуктывкэл-нюн хуктывкэл, хуктывкэл-нюн хуктывкэл.
 Киддык даганы хуныкикир бидерэ, эриденэ:
 — Торганай, анначимнак-чайтымнак элэ эмэкэл, —
 гунывки.
- Ичэхинэ-кэт нунгарбатын Торганай эчэ, хуктывдехинчэ.

Вот скачет, скачет да скачет, едет да едет,

потом конь его, опять на полянке остановившись, опять
запел:

- 60 — Торгея, Торгея! Хозяин мой, хозяин!
Впереди большая река будет, большая река будет!
Человечьими зубами, что галькой, усеяна,
человечьими костями, что камнями, устлана.
По берегу ее вверх-вниз по течению скачи:
— Это что за хорошая река тут течет!
Это что за прекрасная река тут течет! — говоря, говоря. —
Как река уменьшится-высохнет, переедешь.
Скакали они, скакали, опять скакали.
Скакали да скакали, скакали да скакали.
- 70 Вдруг большая река течет, кровью человеческой река та течет,
человечьими зубами, что галькой, усеяна, человеческими
костями, что камнями, устлана.
Стал Торганай вверх-вниз по течению скакать, как конь
говорил.
— Это что за хорошая река тут течет, это что за прекрасная
река тут течет! —
Так говоря, скакал, вверх-вниз по течению реки скакал.
Пока он так скакал вода в реке уменьшилась. Переехал.
Переехав реку, дальше поскакал, на своем коне поскакал.
Долго-долго скачет так, едет и едет.
Долго скакал, гольцы завиднелись, гольцы приблизились.
Вдруг конь, опять на поляне остановившись, опять
говорить-петь начинает:
- 80 — Торгея, Торгея! Хозяин мой, хозяин!
Здесь будут скалы огромные, скалы огромные.
Огромные скалы друг о друга ударяются.
Там, между ними прыгнув,
наполовину разорвусь (скалы перережут надвое).
Их преодолев, мужчиной будучи,
только не забудь, не забудь:
на той стороне будет-будет
черная с белой кружащаяся пена.
Черную кружащуюся пену не бери, белую возьми.
- 90 Только не забудь, только не перепутай!
Кости же мои,
воедино сложив, смажешь.

Тар хуктывдехичэ, хуктывчэ-нюн хуктывчэ, нэнэчэ-нюн
нэнэчэ,
тадук муринын нян авлакачанду иликса, нян хэгэлчэ:

- 60 — Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
Эду-нэны бидегэны биракун, биракун!
Бэенэны иктэдинын ингатадари-нан,
бэенэны гирамналдин мэнукточодери.
Тара-наны эякэки-солококи хуктывдави-нэны:
— Едуяви аятаран, эркикины биракуны-нэнэ!
Едуяви севьянтэрэн! — гунденэ, гунденэ. —
Таду-наны сангурракин хэдэксэ-нэн хурудови-нэкэ.
Арай эхилэ хуктывдехичэ нян, хуктывдехичэ.
Хуктывчэ-нюн хуктывчэ, хуктывчэ-нюн хуктывчэ.
- 70 Килдык биракун эмэчэ, бэе хаксэдин эяндери,
бэе иктэдин ингатадари, бэе гирамнадин монгоктодери.

Эрэ тара нян мурын гуннэгэдин эяки-солоки хуктывденэ.

— Эр биракун едуяви аятаран, едуяви севьянтэрэн! —

тыкэн гуннэ хуктывуктэвчэ, эякэки-солококи хуктывчэ.
Тыкэн хуктывувтэдерэкин биранин хангуча. Хэдэчэ.
Тар бирава хэдэксэ, нян муриндиви хуктывчэ-нюн хуктывчэ.
Хуктывчэ-нюн хуктывчэ, хуктывкэл-нюн хуктывкэл.
Горово-горово хуктывчэ, янкур очал, янгил дагамалчал.
Нян муринын авлакачанду иликса элэ хэгэлчэ:

- 80 — Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
Эдунэны бидинэны кадаркун, кадаркун.
Мэмэлдулэви налтудярил-нэны.
Тадунэн бинэны, некчэниксэ,
дулиндуливи пэхиргэдингэв-нэн.
Тара-наны хэдэмэи бэе-нэны бими-нэн,
экэл-нюн си омгоро, омгоро:
тар баргидадун кадарду бидегэн-бидегэн
конгнорин-нун багдариннун човикса пэридери.
Тара-наны конгноринма энэ гара, багдаринма гадаи.
- 90 Энэмэмэй омгоро, омгоро!
Минэ-нэны гирамналбам,
умивукса, дялахалбав имудэи.

- Только не забудь об этом, хозяин!
Сказал так конь и дальше поскакал.
Опять скачет и скачет,
скачет, скачет.
По скалам, по гольцам поскакали.
И вправду, когда приблизился, две скалы,
ударяясь друг о друга, расходятся.
- 100 Как ударились две скалы друг о друга, конь прыгнул —
пополам конь его разорвался.
За скалу-камни хватаясь,
насилу вскарабкался на скалу ту.
Влез на скалу и совершенно забыл, что говорил конь.
Ползал пока, колени его сшоркались совсем.
Ногти его поотлетали совсем, изодрал о камни.
Ползает по скалам, по камням, по скалам.
Вот «смерть моя пришла» — сказав,
на камень сев, вспоминает:
- 110 — Как говорил конь мой, — вспоминать стал.
Так вспоминая, вот вспомнил.
Вспомнив, к скале вернувшись,
кости коня своего собрав,
сустав к суставу приложив,
пошел ту пену искать.
Ту пену искать пошел, потом:
— Про какую же из них говорил?
Черную или белую [брать]?
Белая пена с приятным запахом,
120 черная же — плохая.
Возьму-ка лучше белую пену я, — подумал он, —
у белой пены и запах-то приятнее.
Белой пены набрав, смазал суставы коня,
суставы коня своего смазал,
конь вскочил: «Ихэ-хэк!»
«Ихэ-хэк!» — заржав, вскочил конь его перед ним.
Вскочив так, вот запел:
— Торгея, Торгея! Хозяин, хозяин!
Торгея, Торгея! Хозяин, хозяин!
- 130 Что же ты забываешь то, что говорят?!
Из-за своей глупости чуть не погиб ты.
Сел на коня Торганай, и поскакали они.
Скачет да скачет конь его,

- Энэмэмэ омноро, хунниран!
 Элэ тар хуктывдехичэ, хуктывдехичэ.
 Нян хуктывчэ-нюн хуктывчэ,
 хуктывчэ-нюн хуктывчэ.
 Кадаркурдули, янкурдули хуручо.
 Килдык-та дагаманан, дюр ягин
 мэндүлэвэр налтудярила эмэчэ.
- 100 Тар налтудярактын, муринын некчэнчэ —
 муринын дулиндулии кокчоргочо.
 Мэнын делолдук-ингалдук танчамамна,
 нэхилэ тар кадаркунма туктычэ.
 Тар туктыксэ, омнгочо мурынми гуннэвэн.
 Тутуктэчэ сэнгэрин сэмкэдэлэтын.
 Охикталин буромдолотын тутуктэчэ.
 Дёлогилдули, ингалдули, кадарилдули.
 Элэ «буним дагамаран» — гуниксэ,
 дёлоду тэгэксэ дёмкичилчэ:
- 110 — Он гунчэ мурынми, — дёмкичилчэ.
 Тар демкитчана, эхилэ дёнча.
 Дёныкса, кадариндула мучукса,
 мурынми гирамналван тавукса,
 дялахалбан дялахалдулан тыпкэниксэ,
 элэ тар човиксангни гэлэктэнэчэ.
 Тар човиксангни гэлэктэнэчэ, тадук:
 — Авгу-ка човикса эр гүчэн?
 Конноринма-гу, багдаринма-гу?
 Багдарин бими човикса инлипкэмэчин,
- 120 коннорин бими — буркимэчин.
 Багдаринман-ка гакта, — гунчэ, —
 багдарин унун-да ая.
 Багдаринма гакса, мурын дялахалбан имучэ.
 Мурынби дялахалбан умучэ,
 муринын элэ илчэ: «Ихэ-хэк!»
 «Ихэ-хэк!» — гунчэмнэк, иливухинчача.
 Тар иливухинчакса, элэ хэгэлчэ:
 — Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
 Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
- 130 Бэе-нэнэ гуннэвэны едуяви омгонноны-нганэ?!
 Аңалидуи-нэнэ араны-нэн эчэс си бурэ!
 Элэ угчэ-дэ нян хуктывкатчэхтэ.
 Муринын элэ хуктывкэл-нюн хуктывкэл,

- скачет да скачет, не останавливаясь, скачет.
По скалам скачут, по гольцам скачут,
по каменистым, по ровным местам скачут.
Скачут так и подъезжают к подножию небольшой скалы,
[к подножию скалы], где ягодное место есть.
А на скалу эту никому не взобраться.
- 140 Никак не взобраться. Вот затем
остановившись там, конь запел опять:
— Торгея, Торгея! Хозяин мой, хозяин!
Пни меня слегка ногой, сказав: «Пенёчком,
брусникой поросшим, стань!
Брусникой поросшим пенечком стань!» — скажи.
Как конь сказал, Торганай, сойдя с коня,
пнул слегка ногой,
«Пенечком, брусникой поросшим, стань!» — сказав.
Тут же тот и превратился в пенек.
- 150 У подножия скалы место ягодное появилось когда, вдруг
девушки
спустились на ягодную полянку.
То ли три, то ли пять девушек спустилось [со скалы] туда.
[Со скалы той] спускаются ягоды поесть:
— Э, что за прекрасная ягодная полянка тут есть! —
Так говоря, на полянке ягоду стали есть,
на полянке лакомиться стали.
Шелковые платки на них, к тем платкам прилип.
Конь его еще сказал Торганая до этого:
— К платку одной из девушек этих прилипнешь,
160 хвоинкой став. Потом с девушками вместе поднимешься
[на скалу].
Ты сам не сможешь подняться, — сказал.
И вправду, хвоинкой став,
К шелковому платку прилипнув, влез.
На самый верх скалы-гольца так поднялся.
Когда на ту скалу влез,
вдруг [увидел] — скала та с несколькими дверями,
с несколькими изгородами.
Тот, кто жену его украл,
имеющий три головы Каданай
170 на той скалище живет.
Три головы имеющий змей-Каданай
там живет.

- хуктывкэлнюн хуктывкэл, хуктывчэ-нюн хуктывчэ.
 Тадук элэ кадаркурдули, янкурдули,
 дёлогкурдули, игэгкурдули хуручо.
 Тар хуктывденэ, арай кадаркачан хэрэлэн
 химигкун кадаркачан элэ эмэчэ.
 Тар кадарла бэе он-да элгин туктырэ.
 140 Он-да энэлли туктырэ. Элэ тадук
 иливухинчакса, муринын нян гунчэ:
 — Торгея, Торгея! Хунниран, хунниран!
 Минэвэ-нэн хэкчихикэл: «Такичакан,
 нэн эмикун окалэ, симигкун!
 Тэлгэчэкэн окале», — гуннэкэн.
 Муринын гуннэгэчинын муриндук юксэ,
 муринми хэкчихичэ,
 «Симигкун нэлгэчэкэн окал!» — гуннэ.
 Тар килдык-та тэлгэчэкэн симигкун оча.
 150 Тар химигкун оракин, арай хуныкикир,

- хуныкикир тар нэлгэчэкэндулэ эвчэл.
 Туннга-гу, илан-ну хунат эвчэл.
 Элэ тар эвуксэкил, химиктэлбэ депилчэл:
 — Э, эр екун аян химигкун нэлгэчэкэн бихин! —
 Тыкэн гуннэл, нэлгэчэнду химиктэлвэ депилчэл,
 нэлгэчэнду онколилчал.
 Солко пилатычил, тар пилатылдутын намарача.
 Тар муринын, хэкчихинэдуи дюлэдун гучэ:
 — Хуныл пилатылдутын намарадаи,
 160 чиекэн окса. Тадук хунылнюн туктылдыммен.

- Си мэнны этэнны туктырэ, — гучэ.
 Кэ килдык-та даганы, чиекэн окса,
 солко пилатылду намаракса, туктылдычэ.
 Янкун-кадаркун оёло тыкэн туктычэ.
 Тар кадарла туктывэн,
 арай кадаркун ады-да уркэчи,
 ады-да куречи бивки.
 Атырканман дёромовки
 илан дыличи Каданай
 170 тар кадариндяду бичэ.
 Илан дыличи куликан-Каданай
 таду бихин эвит.

Тот Каданайше девушкам своим говорит:

— Что это, что это воняет?

Что вы принесли? Воняет, воняет!

Чем пригоревшим пахнет?

Чужой запах есть,
откуда принесли? — сказал.

— Никого нет, ничего нет, — сказали девушки. —

180 Мы, полакомившись ягодой, пришли.

— Нет, нет! Есть, есть [запах]! — тот сказал.

Так сказав, начал искать Торганая.

Пять ли, три ли двери открыв, вошел [Торганай].

Тут трехглавый Каданай сидит.

Те три головы его рубит да рубит,
змей-то разве уступит, не уступает.

Две головы его срубил, когда третью хотел,
[видит] — жена его отбирает трех красных белок.

Услышав шум [боя], жена его, отбирая,

190 говорит: «Если этих белок отберешь, в костре сожжешь,
Каданайше умрет!» За самые кончики хвостов держится

[жена].

— Иди сюда, — кричит, — это отберешь, человеком
станешь (т.е. победишь)!

Это услышав, туда [к ней] побежал,
подбежав, отобрав, тех белок в костре сжег

(в костре Каданая).

Вот сжег. Сжег когда — ни скалы, ни гольца,
и трехглавого Каданая не стало⁸.

Исчезли, в костер-очаг свой ушли, вероятно.

Жену свою взяв, вернулся домой.

Кончилось.

№ 6. Явиль

На этой земле старушка была, сильная удаганка. Шаманила, бубен имела. Муж же простой старик. О, поживают, с молодости не было ни ребенка, ни кого другого. Вот своей жене стал говорить [муж]:

Тар Каданаиндя хунылби гунчэ:

— Екун, екун нодяран?

Екунма эмуврэс? Ноке, ноке!

Екун энгүрэмүдерэн?

Хунту унин бихин,

идук эмуврэс? — гучэ.

— Ни-дэ ачин, екун-да ачин, — гучэл хуныл. —

180 Бу тар онголиксал, эмэрэв.

— Эчэ, эчэ! Бихин, бихин! — тарингитын гучэ.

Тар некэксэ, Торганайва гэлэктэнэчэ.

Илан-ну, тунга-гу уркэвэ нынэ ирэн.

Арай илан дыличи Каданай тэгэтчэрэн ивит.

Тар илан дылван хогныкал-нун хогныкал,

куликан-еда нунгандун будингэн, эвки бурэ бо.

Дюр дылбан хогча, иливан дылван хогдаи некэдерэкин,

атырканын бими илан хуларин улюкивэ тысэмэтчэрэн.

Тара тар долдыча, атырканын тар тысэмэтчэнэ

190 гунывки: «Эр улюкилвэ тытэрэкис, гулувунду иларакис,

Каданаиндя ачин одинган!» Кутуруккандукин-нюн

дjavучадяран.

— Эмэкэл элэ, — тэпкэвки, — эрэ тытэми, бэе одинас!

Кэ, тара долдыкса, тартыкаки туксача,

туксакса, тытэксэ, тар улюкилбэ гулувунду илача.

Тар илача. Иларакин — кадарин-да, ягин-да,

тарты илан дыличингин Каданайнын ачин оча.

Бука бары курча игэхинчэл гулувундулэ.

Элэ тар атырканми гакса, мучучэ дюлави.

Этэлтэн.

*Записано от А.П. Авеловой в пос. Хатыс-
тыр Алданского улуса Республики Саха
(Якутия). Запись, расшифровка, перевод
Г.И. Варламовой*

№ 6. Явиль

Эр дундэду атыркакакун бичэ, хо удаган. Нимганывки, унту-
вучи. Эдын поростой ытыркэн. О, бичэтчэвкил, илмактадуктын ху-
тэтын-дэ нитын-дэ ачин. Элэ ахитыкии гулчэ:

— Вверх к Маин почему не обращаешься за счастьем? Душ-
оми ребенка попросить? Как без дитя жить будем? Имя наше
потеряется (т.е. род исчезнет), — стал говорить муж. — Земли
атаманша, говоря, хвалишься.

Та, засмутившись, ответила:

— Разведаю вверх там (досл.: посмотрю вверх).

Шаманить стала сильно. Поддерживают (хором подпевают) ей
много людей. Вот подпевают, вторят. Страшно шаманки их камла-
ние. Вот, став диким оленем, спариваться полетела. Э-э-э, прямо
ввысь к Маин! К подруге Сэвэки. Вот она мчится — где-нибудь да
людей найду [думая]. Тот ее [олень шаманский] движется — а вот
и тут кто-то. Её олень спаривается с оленями теми. Её олень —
олениха. Вот и спарилась. Когда спаривалась, удаганка их сказала:

— Ввысь лететь очень далеко, здесь и спарься. Мы хорошие.

Так и повели её. Когда так говорили те [к которым прибыла],
сверху слышалось:

— Посередине пути спарилась, тот твой [ребенок будущий]
дебил будет! Выси самой, где души детей есть (хранятся у Маин),
не достигла ты.

Возвращаться стала. Что делать-то, вот вернулась.

— Что сказали? — спросил муж. — Ребенок-то будет [у нас]?

— Дебилем будет.

«Того родиться должного ребенка своего Явилем назовешь,
Явиль пусть будет имя его», — сказала [Маин].

Ну страшно, человечище! Трехмесячным будучи, родился. Ма-
кушка головы заостренная. От духов родился. Подрастать стал. Па-
реньком стал. Вот не стал ночевать дома. Мужу говорит старушка:

— От тех [духов] олениха моя спарилась, что хорошего-то
будет.

А Явилюшка-то где людей найдет, так их оленей на части
разрывает, съедает. Съедает хоть кого. А сам [бродяжничая] у кос-
тра ночует (т.е. где застанет его ночь). Мать начинает кричать,
когда темнеет:

— Явель! Приходи!

Вот тот приходит [на ее зов].

— Куда ты отправляешься?

— Все земли кончаю (т.е. по всем землям брожу), — отвечает
[убогий]. — Кончаю все земли, исхаживаю.

Вот мать стала говорить:

— Ты не пугай людей.

— Угиски Маиндула еда энгэнны хинкэлэрэ? Кунгакан оми-
ян? Он хутэе ачин бидет? Гэрбит токоривдинган, — гулчэн эдын. —
Дундэ атаман бингэм гунынгэнны, хокачингнанны.

Тарингин, аксана, гунэн:

— Ичэдев угиски.

Нимгалкакуттан. Этэ дяритчавкил кэтэл бээл. Де дяритчая-
чивкил, дяритчаячивкил. Нэлумо — хамантын нимганаан! Тарты
бэюнингги хиручивкахиннан. Э-э-э, угискэки, Маиндула! Сэвэки
гиркилатын. Тарингин нэнэмнын — иду-вэл бээл бихе. Тарингин
нэнэмнын — эри бинэрэ. Бэюнми сиручивкача сирунгилдудын.
Нунганни бэюн нямичан. Элэ сиручивканаан. Сирутчаял угидавал
эмэнэ удагантын гучэ:

— Угиски нэнэдекичис уссо горо, еду-дэ сиручивкакал. Бу
аял бихев.

Тарит элгэврэн атыркан. Тарты тарингилен гундерэктын угис-
кидук ичэ:

— Дулигильду хируттан, тарингис дульбун одингэн! Угидэвэ,
кунакал омилватын эчэс иста.

Хурухичал амаски. Он-кэ некэден, тар эмэрэн элэ.

— Туг гурирэ? — гунэн эдын. — Кунгаканми одинган-да?

— Дульбун одингэ.

«Тарингги балдыри хутэви Явилит гэрбидэи, Явиль гэрбин
бингэн», — гучэ.

Нэлумо, бээкэкун! Илан бегачи балдыран. Хоронын хулин.
Харгилдук балдынан. Хэгдышингэн. Хуркококун одан. Тарингин эвки
людуй ангатта одан. Эдуй гунывки атыркан:

— Тарилдук бэюнгив хируттан, екун аян бидингэн.

Явилькакун ангдан идудэ-вэл бээе бакавки-дэ орорвотын таг-
дывки, депивки. Девувки нги-дэ бигин. Мэнын голомомилду анга-
чивки. Энинын тэпкэливки, хактыралдакин:

— Явель! Эмэкэл!

Тарингкакунын эмэкэл бичэкэн.

— Иле нэнэденды?

— Дундэвулвэ манадам, — гукакунывки. — Манадам дундэ-
вулбэ, гиркудыам.

Элэ энинын гулчэ:

— Си энгнэкэл бээлэ нэлэвкэттэ.

— Если пугать не буду, что же я кушать буду? — Сильный до ужаса. — Что я есть буду? Приготовленным твоими руками не наедаюсь. Поэтому и бегаю постоянно [в поисках еды], поедая их оленей.

Мужчинищем огромным стал. Вот люди стали возмущаться:

— С этим Явилем что делать? Слишком страшный, людей, оленей в живых не оставляет.

Вот стали жаловаться наверх, самой Маин. Шаманов стали просить шаманить. Чтоб как-то сделав, Явиля убить. Вот узнала об этом Маин, услышала, сказала своим [подчиненным]:

— Обернувшись кем-нибудь, идите на землю. Явиль страшен стал: и вор, и людей убивает.

Посоветовались о Явиле [те], отправились [на землю]. О-о! А Явиль-то наш у костра ночует. У открытого огня ночует осенью. Темнотища, огнище его пылает. Явилище рядом спит, огонь его [костра] издали виднеется. Боятся — духи придут убивать его. Вот звук слышался: кинг-кинг, кинг-кинг! Затем женщина стала спрашивать:

— Что ты за человек? Как твое имя?

— *Мэмты мэми*, — сказал. — *Мэм, мэм!*

Огонь его горит, угли [горячие]. Нож засунул туда [Явиль], чтоб не торчал. Коротенький нож. Явиль опять засыпает:

— Прочь, прочь! Не надоедай! Уходи, спать хочу! Зачем пришла?

— Уйду, уйду, спи, — женщина сказала.

Вот накалился [нож]. А Явиль смотрит единственным глазом. Смотрит туда — в сторону темноты (глаз-то один). Вот женщина та взлетела, птицей став. И в печень уколола [спрятанным ножом Явиля].

— Как жарко, как жарко! Горячо, горячо!

Тут сверху слова слышались:

— Кто тебя трогает, Явилище? Кто тебя убивает?

— *Мэм, мэм! Мэм — мэми!*⁹

— Ну и умирай, — сказала. — Раз сам себе так сделал, то и оставайся!

— Эми нгэлэвкэттэ, ея дебдем? — Энэхи нгэлевчупсю. — Ея дебдем? Си нгаладус энгнэм аивра. Си ея-вал тавунгнанны-дэ эхим аивра. Тарит элэ туксактадянгнам люху, орокорботын девденэ.

Бээкэкун хэгды оран. Тар бээл элэ хохилда:

— Эрвэ Явильва он-ка ода? Эрун хо, бээвэ, оронма эвки дёголора.

Тарты угиски гугилдэ, Маиндула. Самарва нимганымнгачи-кулла. Явильва он-мал некэнэл вактын. Элэ Маин хача, долдыча, гучэ мэннилдуви:

— Екул-вар бинэл, хурукуллу дуннэлэ. Явиль хо оча: дёрокон-да, бээвэ-кэт вавки.

Явильвэ гульдэ, нгэнэлдэ. О-о! Явилит голомомиду ангатчаран. Коточикакун. Голомиду ангатчаран боло. Хактыракакун, тогоку-нын кургидерэн. Явилькун дагадун ахича, тогон эргит хуталадяран. Нэлэдерэн — харгил эмэдингэтын ванадавар нунганман. Элэ ки-нилькэкунильчэ: кинг-кинг, кинг-кинг! Тадук ахи ханнукталдан:

— Екума бэе бихинды? Ни гэрбис?

— Мэмты мэми, — гучэ. — Мэм, мэм.

Тогон дегдэдерэн, хельда. Котои дырэн тала, юрэ эдэн. Урум-кукан кото. Явилькакун нян-дат ахильча:

— Ча-ча! Лумбуре! Хурукул, амадям! Емачас? — гунэн.

— Хурудингов, хурудингов, адякал,— ахин гучэ.

Элэ сирэнэкулдэн. Явилькунын ичэтчэвки калтари чокорикан-на. Эртыки ичэтчэрэн — хактыратки. Ахинкунын угискоки лумбу-рулдян, дэги бинэ. Хакиканман гидаларан.

— Хэкуко, хэкуко! Идареко, идареко!

Тар угиски түрэр ичэл:

— Екун некэдерэн, Явильяй? Екун варан?

— Мэм, мэм [варан]! Мэм, мэм [варан! Мэм бими некэме]!

— Бурудюкал-екал, — гучэ. — Рас мэнды ванды-дэ бидекэл!

*Записано от П.А. Удыгира в пос. Эконда
(Эвенкийский автономный округ). Запись,
расшифровка, перевод Г.И. Варламовой*

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I

- ¹ *Ну а кроме него никого нет* — по эвенкийской традиции поднимать медведя из берлоги могут только родственники, чужих не берут в напарники. У эвенков даже есть такое изречение-поговорка, которое произносит якобы сам медведь: «Два брата для меня страшнее, чем семь чужеродцев».
- ² Обряды совершают, чтобы душа убитого медведя возродилась в другом (вновь родившемся) медведе. Чтобы душа убитого не обижалась на людей и вновь вернулась на землю, чтобы медвежий род не исчез на земле.
- ³ Речь идет о том, как снять наговор — порчу, сглаз.
- ⁴ *Домин* — соревнование мужчин в поедании ритуального блюда *тэкэму* на проводах медведя в загробный мир.
- ⁵ Обряд причащения новорожденного к огню-очагу, к роду.
- ⁶ После камлания по традиции детям разрешали играть бубном, стучать в него.
- ⁷ Охотиться на белку мальчики начинали с 10—12 лет.
- ⁸ *С волком состязался в беге* — состязался в беге, камлая, приняв тоже облик волка, т.е. «с волчьей душой став» (*иргичи омичи она*), по выражению эвенков. Молодые шаманы состязаются с духами-помощниками из зверей, чтобы стать сильнее.
- ⁹ Призывание духа по имени Кэлэкуй.
- ¹⁰ *Чичипкан* (*сичипкан, сичупкан*) — досл.: 'щель, лазейка'. *Чичипкан* — идол, изготовленный из цельного дерева с двумя вершинами либо из двух деревьев. Берут две молодые лиственницы, связывают комлем вверх, привязывают деревянную личину. Получается идол с раздвинутыми ногами, через которые и проходят люди, проводят (проносят) больного. Подробно о чичипкане см. в книге А.И. Мазина [27].

Часть II

- ¹ В сказаниях эвенков у каждого героя свой запев, предваряющий его монолог-пение. Запевные слова героя — это его «визитная карточка» — по ним определяют кто есть кто. Запевные слова в древности были связаны либо с родовыми названиями, либо с личным именем героя.
- ² Для роженицы строили отдельный чум, соблюдая множество запретов *одё*. Муж, приготовив все, не имел права видеть ее и ребенка один месяц. По истечении месяца, соблюдая все обряды, роженицу приводили домой.
- ³ В родильном чуме делали специальную перекладину. Эвенки рожали стоя, опираясь грудью на эту перекладину. Помощница подхватывала родившегося ребенка.

- ⁴ Семья без детей не считалась настоящей семьей. Поэтому в эпосе богатыри-чужаки, чтобы жениться, старались без ведома и согласия родных и самой невесты сделать так, чтобы будущая жена родила от него ребенка. Чаще всего в нимнгаканах делают они это, обернувшись мухой.
- ⁵ В нимнгаканах девицы-птицы прилетают с тем, чтобы украсть стрелу у богатыря. Богатырь вынужден пойти искать девиц, чтобы вернуть стрелу. Так он находит свою невесту. Небесные девицы, живущие в *Узу Буга*, таким способом сами вынуждают богатырей либо поймать их, либо пойти искать свою стрелу.
- ⁶ Здесь нашел отражение пережиток матрилокального брака: жизнь в семье жены в течение одного-двух лет. Небесная девица-жена обязательно убегает домой, пожив немного с богатырем. Это делается ею для того, чтобы брак был законным, чтобы богатырь, погнавшись за ней, обязательно побывал на ее родине, в ее семье. По обыкновению, дома у нее рождается ребенок. Затем молодые с ребенком возвращаются на родину богатыря.
- ⁷ *Икэник* — от слова *икэн* 'песня, хороводный запев'. Игриша происходили в Верхнем мире в определенное время, на них богатыри находили своих невест.
- ⁸ Белка — родовой тотем Каданая. Уничтожив священные шкурки, герой уничтожает врага.
- ⁹ Единственное, что умеет говорить Явиль, это: «*Мэм, мэм! Мэм мэмми!*», что совпадает с эвенкийским выражением: «Сам, сам! Сам себя!»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л.* Палеометалл северо-западной части Тихого океана: Учебное пособие. — Владивосток, 1982.
2. *Алексеев Н.А.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988.
3. *Анисимов А.Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. — М.; Л., 1958.
4. *Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлениям алеутов. — Л., 1929.
5. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. — М., 1961.
6. Большая Советская Энциклопедия. — 1956. — Т. 43.
7. *Бродянский Д.Л.* Проблемы периодизации и хронологии неолита Приморья. — Новосибирск, 1979.
8. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. — М., 1973.
9. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М., 1983.
10. *Булатова Н.Я.* Говоры эвенков Амурской области. — Л., 1987.
11. *Булатова Н.Я.* Язык сахалинских эвенков. — СПб., 1999.
12. *Варламова (Кэптукэ) Г.И.* Новые фольклорные материалы по эвенкийскому шаманизму // Гуманитарные науки в Сибири. — 1994. — № 4. — С. 48—54.
13. *Варламова Г.И.* Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. — Новосибирск, 2002.
14. *Василевич Г.М.* Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. — 1930. — № 3, кн. 11. — С. 57—67.
15. *Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. — 1957. — Т. 17. — С. 151—185.
16. *Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л., 1969.
17. *Василевич Г.М.* Заселение тунгусами тайги между Леной и Енисеем // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск, 1972. — С. 183—238.
18. *Веселовский А.Н.* Поэтика // Поэтика сюжетов. Т. II. Вып. 1 (1897—1906). — СПб., 1913.
19. *Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. — Л., 1983.
20. *Дашиева Н.Б.* Бурятские тайлганы. — Улан-Удэ, 2001.
21. *Жамбалова С.Г.* Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. — Новосибирск, 2000.

22. *Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания* / Сост. Г.М. Василевич. — М.; Л., 1966.
23. *Кэптукэ Г. Двуногий да поперечноглазый человек-эвенк и его земля Дулин Буга* // Розовая чайка. — Якутск, 1991.
24. *Кэптукэ Г. Все мы под единым небом Буга рождены* // Полярная звезда. — 1995. — № 3. — С. 62—69.
25. *Кэптукэ Г. (Варламова Г.И.). Эпические традиции в эвенкийском фольклоре: Очерки.* — Якутск, 1996.
26. *Кэптукэ Г. (Варламова Г.И.). Эвенкийский нимнгакан. Миф и героические сказания.* — Якутск, 2000.
27. *Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов.* — Новосибирск, 1984.
28. *Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору* / Сост. Г.М. Василевич; Под ред. Я.П. Алькора. — Л., 1936.
29. *Петрова Т.И. Язык ороков (ульта).* — Л., 1967.
30. *Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии.* — Т. IV. — СПб., 1883.
31. *Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка.* — Л., 1968.
32. *Романова Е.Н. Картина мира по представлениям якутов: Религиозно-мировоззренческий аспект* // Традиционное мировоззрение у народов Южной Сибири и сопредельных территорий. — Улан-Удэ, 1991. — С. 31—32.
33. *Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.* — М., 1999.
34. *Скрынникова Т.Д. Традиционное мировоззрение бурят и шаманизм* // Методологические и теоретические аспекты изучения духовной культуры Востока. — Вып. 2. — Улан-Удэ, 1997. — С. 3—19.
35. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / Отв. ред. В.И. Цинциус. — Т. I. — Л., 1975; Т. II. — Л., 1977.
36. *Тибетская книга мертвых* / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. — СПб., 1994.
37. *Торгандун Средней земли (Дулин Буга Торгандунин): Эвенкийское героическое сказание* / Сказитель Н.Г. Трофимов; Запись, расшифровка, пер. на рус. яз. А.Н. Мыреевой. — Архив ЯНЦ, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 140.
38. *Тунгусский архаический эпос. Эвенкийские и эвенские героические сказания* / Сост. Г. Кэптукэ, В. Роббек; Вступ. статья Г. Кэптукэ. — Якутск, 2001.
39. *Фольклор эвенков Якутии* / Сост. А.В. Романова, А.Н. Мыреева. — Л., 1971.
40. *Чистов К.В. Народные традиции и фольклор.* — Л., 1986.
41. *Шейкин Ю.И. Музыкальные инструменты удэ* // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986. — С. 38—72.
42. *Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования. Статьи. Лекции* / Под ред. и с предисл. Я.П. Алькора. — Л., 1936.
43. *Эвенкийские героические сказания* / Сост. А.Н. Мыреева. — Т. I. — Новосибирск, 1990.
44. *Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору.* — М., 1974.

Архивные материалы Г.И. Варламовой (Кэптукэ)

1. Звукозапись эвенкийского героического сказания «Дёлори мевалкан Дё-лоргун-мата тадук хуркэн кунгаканын Ситэри сэнэлкэн Сингнаны-сонин» («Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь и его сын Большую силу имеющий Сингнанай-богатырь»). — Архив ЯНЦ СО РАН, фонозапись, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177.
2. Звукозапись эвенкийского героического сказания «Со ая ахи Секакчан тадук Ирани-нэкунын» («Прекрасная удалая девица Секакчан и ее младший брат Ирани»). — Архив ЯНЦ СО РАН, фонозапись, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179.
3. Звукозапись сказания «Умунди оскечэ Умусликэн-мата» («Одиноким родившийся Умусликэн-богатырь»). — Архив ЯНЦ СО РАН, фонозапись, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава I	
ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЭПОСЕ ЭВЕНКОВ	16
Верхний, Средний и Нижний миры	17
Невесты	28
Небесные светила	32
Племя <i>аи</i>	35
Эпические перевоплощения в свете традиционного мировоз- зрения	41
Картина мира в декорациях праздника <i>Икэнипкэ</i>	45
Глава II	
МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИИ ЖИЗНИ. КУЛЬТ СЛОВА У ЭВЕНКОВ	51
Понятие «Буга» и связанные с ним традиции <i>Одё</i> и <i>Иты</i>	51
Сила <i>мусун</i> и сила слова	59
Душа — мысль — слово	63
Глава III	
ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ШАМАНИЗМ	73
Душа-судьба Маин в мировоззрении эвенков	74
Душа-судьба Маин в мировоззрении шаманов	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91

ПРИЛОЖЕНИЕ

Часть I	
РАССКАЗЫ ШАМАНА ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ЛАЗАРЕВА О ЖИЗНИ, ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ЭВЕНКОВ	95
О моем отце (сведения о жизни И.А. Лазарева)	95
№ 1. Дедушку-медведя нужно просить-заклинать	100
№ 2. Надевание серёг на медведя	102
№ 3. Медведь предсказывать может	103
№ 4. Что нужно делать, если шаман упадет в обморок камлая	104

№ 5. Что нужно делать, если слова плохого человека за тобой ходят	106
№ 5. Он онгнара, эру бэе дялин бодорокин	107
№ 6. Домин	108
№ 6. Домин	109
№ 7. Хождение к Аихит Эни за ребенком (роды)	108
№ 7. Аихиттанагин	109
№ 8. Мазанье сажей	110
№ 8. Еллуvkэ	111
№ 9. Хули	110
№ 9. Хули	111
№ 10. Кокай-шаман	112
№ 10. Кокай-саман	111
№ 11. Содорчан-шаман	118
№ 11. Содорчан-саман	119
№ 12. Улоскэ-шаман	122
№ 12. Улоскэ-саман	123
№ 13. Тырдя Тыргандя	126
№ 13. Тырдя Тыргандя	127
№ 14. Дяричин (дярин) — шаманское песнопение	126
№ 14. Дяричин (дярин)	127
№ 15. Молодин-старик	128
№ 15. Молодин-этыркэн	129
№ 16. О чичипкане	130
№ 16. Чичипкан	131

Часть II

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ 134

№ 1. Откуда появились у эвенков запреты <i>Одё</i> и традиции <i>Иты</i>	134
№ 1. Идук Одёл, Итыл эмэчэл	135
№ 2. Почему люди говорят на разных языках	134
№ 2. Он бэе турэнин эли-тали оча, еда бээл турэнтын хунту- тоно бивки	135
№ 3. Старший брат Олдонындя и его сестры Нюнгурдок и Уняптукэн (Отрывок сказания)	136
№ 3. Олдонындя-акияндя, тадук Нюнгурдок Уняптукэннюн	137
№ 4. Могучий человек Эринындя-богатырь	146
№ 4. Со бэе Эринындя-мата	147
№ 5. Торганай	164
№ 5. Торганай	165
№ 6. Явиль	174
№ 6. Явиль	175

ПРИМЕЧАНИЯ 180

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 182

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Г.И. ВАРЛАМОВОЙ (КЭПТУКЭ) 184

Научное издание

Варламова (Кэптукэ) Галина Ивановна

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЭВЕНКОВ

Отражение в фольклоре

Редактор *Т.Б. Мелкозерова*

Художественный редактор *Л.В. Матвеева*

Художник *И.С. Попов*

Технический редактор *Н.М. Остроумова*

Корректоры *И.Л. Малышева, С.М. Погудина*

Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 21.11.03. Подписано в печать 23.03.04.

Бумага офсетная. Формат 60×90¹/₁₆. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 500 экз. Заказ № 161.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

СП «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ISBN 5—02—029723—2

9 785020 297234

*Галина Ивановна Варламова,
писательский псевдоним Кэптукэ (название ее рода)*

Член Союза писателей Российской Федерации, доктор филологических наук. Специалист по эвенкийской филологии.

Родилась 18 января 1951 г. в пос. Кукушка Зейского района Амурской области в семье эвенка, охотника-оленовода.

В 1974 г. окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена.

В 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Фразеологизмы в эвенкийском языке». В 2002 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора».

В настоящее время Г.И. Варламова — главный научный сотрудник сектора эвенкийской филологии Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН.